

[Н. Витсен в 1705 году.]

[Страница из т.н. *Книги Винчуса* (БРАН, Рукописный отдел).]

Б. Наарден К читателю

Известное латинской изречение «*habent sua fata libelli*» («книги имеют свою судьбу») очень уместно в отношении *Северной и Восточной Тартарии* амстердамского бургомистра Николааса Витсена (1641–1717). Столь обстоятельное собрание сведений о Крыме, Кавказе, Поволжье, Урале, Сибири, Приамурье, Монголии и Центральной Азии не имело аналогов в XVII веке. Уже первый шестисот страничный труд Витсена, увидевший свет в 1692 году, стал уникальным, но и он был увеличен до тысячи листов большого формата при переиздании в 1705 году. Мы предлагаем читателю русский перевод именно второй, дополненной, публикации *Северной и Восточной Тартарии*.

Книга Витсена исключительна еще и потому, что в XVI и XVII веках западные морские державы: Португалия, Испания, Британия, Франция и Нидерланды – основывали торговые фактории на азиатских берегах и практически не проникали в обширную, населенную кочевниками материковую часть Евразии, которая была недоступна для судоходства и представлялась не интересной с коммерческой точки зрения. Знания об Азии в Западной Европе, уже тогда необычайно обширные, касались по преимуществу самых крупных цивилизаций азиатской периферии – богатых, оседлых, аграрных и уже в значительной степени урбанизированных. Витсен, один из директоров голландской Ост-Индской компании, напрямую участвовал в становлении нидерландских колоний в Юго-Восточной Азии.

К слову сказать, из всех европейцев голландцы поддерживали наилучшие коммерческие отношения с Москвией. Поэтому неудивительно, что Нидерландское государство с известной регулярностью отправляло туда посольства для переговоров о торговых делах. В молодости Витсен принял участие в одной из таких дипломатических поездок, но в Сибири, Центральной Азии и Монголии он никогда не бывал. Однако собирать сведения об этой части света он начал именно после пребывания в Москве. При этом Витсен опирался не только на уже существующие источники. Имея в распоряжении значительные финансовые ресурсы, этот голландский «олигарх» широко использовал свое привилегированное положение в политических и коммерческих кругах Нидерландов для создания

разветвленной сети осведомителей в Западной Европе, России и Азии.

В 1687 году Витсен составил на основе этой информации первую подробную настенную карту в то время практически неизвестного в Европе региона, который в современной англоязычной литературе принято называть «Inner Eurasia» (Внутренняя Евразия), а при жизни Витсена – «Tartarije» (Тартария). Речь идет об огромной евроазиатской равнине, населенной, как тогда полагали, кочевыми народами – тартарами. Книга *Северная и Восточная Тартария* прилагалась к карте в качестве обширного комментария, но содержала не только географические сведения. Автора интересовала флора, фауна, обычаи, история и языки народов, населявших Тартарию. Мы можем по праву считать его одним из важнейших специалистов своего времени по кочевым племенам.

Какие соображения заставили Витсена потратить десятилетия на изучение столь отдаленных земель? Разумеется, определенную роль сыграли научные амбиции, любопытство и кальвинистская мораль, предписывающая посвящать полезным занятиям даже досуг. Увлечение Тартарией возникло в связи с тем интересом, который Витсен испытывал к возвышению и упадку великих империй кочевников, во главе которых стояли средневековые завоеватели – Чингисхан и Тамерлан. В дальнейшем он, по всей видимости, осознал, что отношения между кочевыми и оседлыми народами претерпевают решительные изменения и в современном ему мире. С ранней античности степные кочевники представляли угрозу для оседлых народов Евразии, а порой даже надолго подчиняли их своему влиянию. Эти времена остались в прошлом. В XVI–XVII вв. Московское государство покорило подавляющую часть тайги и степей Восточной Европы и Сибири, и Витсен знал об этих территориях больше, чем кто бы то ни было на Западе. Сверх того, он сообщал, к примеру, об успехах, сопутствующих китайским императорам династии Цин в походах против монголов, или о военных действиях иранских шахов и Великих Моголов, правителей Индии, в Центральной Азии.

Витсен не знал, да и не мог знать, во что выльются наблюдаемые им исторические процессы, но возможность безопасного прохождения купеческих караванов по старым торговым путям Внутренней Евразии имела огромное значение для мировой экономики, а, следовательно, и для голландской Ост-Индской компании. Добираться до Азии морем было чрезвычайно опасно и долго, а попытки найти

более короткий путь через Северный Ледовитый океан ни к чему не привели. В свою книгу Витсен включил огромное количество описаний путешествий по Сибири и Центральной Азии в Китай. При наличии информации он сообщал о торговых делах, о таких природных ресурсах, как серебро или нефть, встречающихся на этих бескрайних просторах. Разумеется, Витсена нельзя считать предтечей Л. Н. Гумилева в XVII веке, но среди современников его выделяет глубокая убежденность в значении Внутренней Евразии для мировой культуры и истории, вера в ее огромный экономический потенциал. Это позволяет нам говорить о Витсене как об одном из первых евразийцев.

Витсена отличала осмотрительность. Нидерландский государственный деятель, член правления голландской Ост-Индской компании, центральная фигура российско-нидерландских отношений, лично знакомый с Петром I и его ближайшим окружением, он учитывал тот факт, что географические данные о малоизвестных землях могут быть засекречены как Российской империей, так и нидерландской торговой компанией. И все же собрание сведений о Тартарии непрерывно росло, а Витсен считал составленную им подробную карту 1687 года и публикацию второго варианта книги лишь этапами большого пути. Он заказал гравюру с карты, обе версии книги были набраны и отпечатаны, но сам препятствовал распространению своего труда через издательство и книготорговцев. Лишь третье нидерландское издание книги Витсена¹ было пущено в продажу, но произошло это уже через много лет после смерти автора. В 1785 году новый издатель выкупил у наследников сохранившиеся печатные листы 1705 года и, снабдив труд Витсена некоторыми дополнениями, выпустил его в качестве самостоятельного издания.

Тем не менее, *Северная и Восточная Тартария* оставалась библиографической редкостью, написанной к тому же на малодоступном нидерландском языке XVII века. Несмотря на то, что книга Витсена содержала огромное количество уникальной информации, недоступность и сложная манера изложения помешали ей оказать сколько-нибудь значительное влияние на развитие западноевропейских представлений об Азии в XVIII веке. В 1730 году конкурент Витсена, Ф.-И. фон Страленберг, выпустил труд о северных и восточных

¹ Полное название карты 1687 года и всех трех изданий книги Витсена 1692, 1705 и 1785 гг. указано в списке использованной литературы в данном томе, в разделе *Прозведения Николааса Витсена*.

[Возможно, автопортрет Н. Витсена в *Книге Вениуса* (БРАН, Рукописный отдел), сделанный во время его пребывания в Москве в 1664-65 гг.]

областях Европы на немецком языке². Последовали переводы на шведский, английский, французский, испанский и русский, благодаря чему эта книга стала известна широкому кругу читателей. В ходу были также *Всеобщая история гуннов, тюрок, монголов и других западных тартар* Дегиня (1757)³ и работы известных путешественников по Сибири: Гмелина, Стеллера, Палласа⁴.

Значение Витсена как первопроходца в области евроазиатских исследований в XVII веке оставалось недооцененным и позднее. Отчасти это объясняется тем, что внимание Запада было приковано, прежде всего, к Ближнему Востоку, Индии, Китаю и другим странам азиатской периферии. И все же вызывает удивление тот факт, что даже в работах узкого круга крупнейших западных ученых, справедливо указывавших на исключительное значение Внутренней Евразии для мировой истории (речь идет о Рене Груссе, Оуэне Латтиморе, Андре Гундере Франке, Денисе Синоре, Дэвиде Кристиане)⁵, мы не находим отсылок к Витсену как заслуживающему внимания предшественнику. Они просто-напросто не знали о существовании *Северной и Восточной Тартарии*.

Да и сами голландцы не сделали практически ничего для популяризации Витсена за рубежом. У себя на родине он известен в первую очередь как бургомистр Амстердама, принимавший Петра Великого во время визита Великого посольства в 1697–1698 гг. Лишь сравнительно недавно появился интерес к его любительским занятиям наукой и коллекционированию. Но отечественные историки, занимающиеся Азией, и поныне пишут в основном о колониальном прошлом Нидерландов. Никто из голландских ученых так и не провел

2 Das Nord- und östliche Teil von Europa und Asia, in soweit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der großen Tartarye in sich begreift: in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten ... vorgestellt, nebst einer noch niemahls ans Licht gegeben Tabula Polyglotta von zwey und dreyssigerley Arten taterischer Völker Sprachen und einem kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer ... Land-Charte von den Benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen ... ; bey Gelegenheit der schwedischen Kriegs-Gefangenschafft in Rusland, aus eigener ... Erkundigung auf ... weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget Strahlenberg Philipp Johann von / in Verlegung des Autors / 1730.

3 Guignes, Joseph de. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux ... avant et depuis J. Chr. jusqu'à present / Joseph Deguignes ; préc. d'une introduction ... ; ouvr. tiré des livres Chinois et des mss. Orientaux de la Biblioth. du Roi. Paris, 1756–1758.

4 См., например: Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. 4 vols. Goettingen, 1751–1752; голландское издание: Gmelin J. G. Reize door Siberien naar Kamtschatka van 't jaar 1733 tot 1743. Op allerhoogst bevel van haare Russische Keizerlijke Majesteit, gedaan door de heeren professoren J. G. Gmelin, L. de l'Isle de la Croyere en Ger. Fr. Müller ... / In 't Hoogd. beschreven door Joh. Georg Gmelin; vertaald door H. van Elverveldt; voorzien van kopere platen en kaarten. Haarlem, 1752–1757. Georg Wilhelm Stellers ... Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Namen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten / hrsg. von J. B. S. Frankfurt und Leipzig: bey Johann Georg Fleischer, 1774. Pallas Peter Simon. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in einem ausführlichen Auszuge. Erf. und Lpz.: 1776–1778.

5 René Grousset, Owen Lattimore, André Gunder Frank, Denis Sinor и David Christian.

систематического исследования *Северной и Восточной Тартарии*.

Зато в России эта книга всегда вызывала самый живой интерес. В наши дни в сети Интернет можно найти немало русскоязычных страниц, где сообщается, что именно Витсен в своей книге впервые упомянул тот или иной город, народ, язык, уральскую писаницу или скифское украшение, найденное под погребальным холмом в Сибири. Как же объяснить, что такое большое количество русских читателей, пусть порой поверхностно, знакомо с редчайшей книгой, написанной триста лет назад на нидерландском языке и доступной лишь в нескольких библиотеках? За это следует благодарить целый ряд выдающихся российских ученых, которые, начиная с 1732 года, исключительно тепло отзывались о Витсене и его трудах. Их поразило как количество, так и качество материалов, собранных амстердамским бургомистром. Они превозносили *Северную и Восточную Тартарию* как уникальный источник знаний о Сибири и сожалели о том, что до сих пор не вышел русский перевод этой книги⁶.

В то же время нельзя обойти стороной тот факт, что и российская наука оставила практически без внимания существенное количество сведений, которые Витсен собрал, к примеру, о Монголии, Центральной Азии и Кавказе. Значение этих данных продемонстрировал Д. А. Ватейшвили, директор Музея русско-грузинской дружбы в Москве, посвятивший описаниям Грузии в *Северной и Восточной Тартарии* почти трехсотстраничную монографию⁷. Появление этой работы стало возможным лишь благодаря личному знакомству Ватейшвили с Вильгельминой Герардовной Трисман. Эта выдающаяся голландка, уроженка Роттердама, в 1925 году эмигрировала в СССР. В Ленинграде она работала в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР и в период между 1945 и 1950 годами перевела всю книгу Витсена на русский язык. Однако этот текст, который она охотно предоставляла интересующимся исследователям, существовал только в рукописном варианте. Позднее В. Г. Трисман перевела и дневник Витсена, который тот вел во время путешествия в Московию. Но обе работы так и не были опубликованы в Советском Союзе при жизни переводчицы.

В девяностые годы прошлого столетия мне довелось встретиться в Петербурге с дочерью В. Г. Трисман, Лидией Андреевной Данилиной, обратившейся ко мне с просьбой о содействии в публикации

⁶ Подробнее о личности Витсена и судьбе *Северной и Восточной Тартарии* рассказывают вводные статьи Н. П. и А. Н. Копаневых и Б. Наардена в данном издании.

⁷ Ватейшвили Д. А. Николас Витсен и его сведения о Грузии // *Грузия и Европейские страны. Очерки взаимоотношений. XIII–XIX века*. М., Наука, 2003. Т. I. Кн. II. С. 278–570.

труда матери. С этого началось продолжительное сотрудничество нидерландских и российских ученых в рамках так называемого «Витсеновского проекта», которым из Нидерландов руководило Общество Исаака Массы, обеспечившее необходимое финансирование работ. Результатом стало издание путевых заметок Витсена на русском языке. А Лидия Андреевна Данилина смогла приступить к расшифровке и перепечатке рукописи перевода *Северной и Восточной Тартарии* и оригинала на нидерландском языке. Участники «Витсеновского проекта» получили в распоряжение материал, гораздо более пригодный для дальнейших исследований: ведь оба текста стали доступны в электронном виде⁸.

Итак, спустя почти три столетия после того, как увидело свет второе издание *Северной и Восточной Тартарии* Николааса Витсена, и российские ученые впервые указали на уникальное значение этого труда; через шестьдесят лет по завершению переводческого подвига В. Г. Трисман, совместные усилия нидерландских и российских ученых в рамках «Витсеновского проекта» привели к появлению этого трехтомного издания. В первых двух томах публикуется перевод *Северной и Восточной Тартарии* на русский язык. Третий том содержит две вводные статьи и научно-справочный аппарат, значительно облегчающий как чтение головоломного текста Витсена, так и поиск в нем определенной информации. К книгам прилагается компакт-диск, на котором размещены: *Северная и Восточная Тартария* на нидерландском языке, подробная карта описываемых территорий, составленная в 1687 году, и дополнительная информация об иллюстрациях и лингвистических данных, использованных в работе Витсена.

Из соображений практического характера предлагаемое издание не появится в открытой продаже, а будет бесплатно распространяться по российским библиотекам и учебным заведениям. Затем русский перевод, нидерландский оригинал, а также научно-справочный аппарат станут доступны в сети Интернет. Эта двуязычная электронная версия появится на странице Института нидерландской истории в Гааге (ING), который осуществил уже немало подобных проектов⁹. Таким образом, познакомиться с *Северной и Восточной Тартарией* смогут жители Российской Федерации, не имеющие доступ в научные библиотеки, исследователи из Монго-

⁸ Подробнее деятельность «Витсеновского проекта» и принципы публикации русского перевода *Северной и Восточной Тартарии* освещаются в нижеприведенной статье Н. П. Копаневой.

⁹ Англоязычная версия электронной страницы Института Нидерландской Истории (ИНГ) находится по адресу: www.inghist.nl/en, резервная копия на интернет-странице издательства Pegasus: www.pegasusboek.nl/links

лии, Центральной Азии и все желающие из любой точки земного шара, владеющие русским или голландским языком. Мы надеемся, что многие из вас, найдя в книге что-то интересное и полезное, по достоинству оценят эту замечательную работу о Внутренней Евразии нидерландского ученого XVII века. Ведь латинское изречение, с которого я начал это предисловие, является цитатой из римской поэмы, где стихотворная строка звучала так: «*Pro captu lectoris habent sua fata libelli*» («Книги имеют свою судьбу – сообразно тому, как их принимает читатель»). Именно читателям предстоит отвести Витсену подобающее ему место в истории.

Как организатор «Витсеновского проекта» и председатель Общества Исаака Массы я полагаю своей приятной обязанностью поблагодарить всех причастных к появлению на свет научного издания *Северной и Восточной Тартарии*.

Прежде всего, я хотел бы перечислить организации, оказавшие нашему проекту неоценимую финансовую поддержку. От имени всех участников «Витсеновского проекта» я выражаю искреннюю благодарность:

Фонду Вильгельмины Янсен (de Stichting Wilhelmina Jansen Fonds) в Нидерландах,

Нидерландской организации научных исследований (de Nederlandse Organisatie voor Wetenschappelijk Onderzoek) в Гааге,

Нидерландской правительственной организации Cross, поддерживающей совместные проекты в области образования между Нидерландами, Центральной и Восточной Европой,

Институту Хейзинги (Huizinga Instituut) в Амстердаме,

Амстердамскому Центру изучения Золотого Века (het Amsterdams Centrum voor de studie van de Gouden Eeuw),

Генеральному консульству Нидерландов в Санкт-Петербурге,

Значительный вклад в создание этой публикации внес Комитет по информационным ресурсам Администрации Ханты-Мансийского автономного округа (председатель Н. Р. Маслова): его усилия позволили нам дополнить печатный текст приложением в виде компакт-диска.

На постоянной основе с «Витсеновским проектом» сотрудничали: Д. Балакаева (Амстердам), А. Г. Гуськов (Москва), Й. Дриссен ван хет Реве (Амстердам), А. Н. Копанева (Санкт-Петербург), Д. В. Лисейцев (Москва), Н. М. Рогожин (Москва), Д. А. Щеглов (Санкт-

Петербург) и Ж. Ягер (Амстердам). Я крайне признателен всем участникам за их исключительное трудолюбие и веру в будущее проекта.

Особо я хотел бы поблагодарить:

Л. А. Данилину, чья память о матери придавала ей сил и настойчивости добиваться публикации настоящего труда

и

Н. П. Копаневу (Санкт-Петербург), редактора русскоязычного издания. Эти три тома увидели свет исключительно благодаря ее невероятным усилиям.

Мы благодарим за поддержку и научные консультации:

А. А. Гаджиеву (Санкт-Петербург), Е. В. Гусарову (Санкт-Петербург), О. П. Игнатьеву (Санкт-Петербург), А. Н. Кирпичникова (Санкт-Петербург), Е. И. Нератову (Санкт-Петербург), Л. Р. Павлинскую (Санкт-Петербург), Д. А. Шереметьева (Санкт-Петербург).

Позвольте отдельно отметить научный вклад и гостеприимство А. И. Комисаренко (Москва) и А. Е. Чекуновой (Москва).

Крайне нужной оказалась подготовительная работа, проведенная Кристианом Зандтом (Гронинген, Нидерланды).

Важнейшую организаторскую помощь нам оказали: Людмила Шевалье, директор Голландского института в Санкт-Петербурге (NIP), Рене Кистемакер, председатель ученого совета NIP в Амстердаме и Тьерд де Грааф, секретарь общества И.Массы в Гронингене.

Мы чрезвычайно признательны Сюзан ван Ооствейн и Наталии Даншиной (издательство Regasus, Амстердам) за серьезную работу и внимательное отношение при подготовке этого трудоемкого издания.

Благодарную память мы будем хранить о наших коллегах, внесших большой вклад в подготовку настоящего издания:

Карл Д. Баркман (1919–2006), нидерландский дипломат и китаевед,

Ярослав Евгеньевич Водарский (1928–2007), русский специалист в области исторической географии и демографии,

Мария Павловна Завитухина (1925–2001), археолог, сотрудник Государственного Эрмитажа,

Вим Люкассен (1945–2006), нидерландский лингвист и кавказовед,

Борис Петрович Полевой (1918–2002), русский специалист в области исторической географии.

[Возможно, портрет А.А. Виниуса в *Книге Виниуса.*]

Н. П. Копанева **О проекте** **издания русского перевода** **книги Н. Витсена *Северная*** ***и Восточная Тартария***

Книга Н. Витсена обладает рядом важных для её понимания особенностей. Некоторые исследователи считают, что *Северная и Восточная Тартария* – это хрестоматия, собранная из многочисленных опубликованных и рукописных источников. Другие акцентируют внимание на том, что книга является своеобразным приложением к карте Н. Витсена, изданной им в 1687 году. Учитывая эти суждения и соглашаясь с ними, необходимо сделать ряд уточнений.

Сам Витсен прекрасно понимал всю сложность и поставленной им перед собой задачи, и недостаточную подготовленность книги для ее восприятия читателем. Надо отдать ему должное – он размещал цитируемые или пересказываемые тексты не механически, но часто давал к ним пояснения. При публикации перевода эти комментарии, в соответствии с оригиналом, помещены на полях издания. Как автор-составитель Витсен неизменно присутствует рядом с читателем. Упоминая источник, он часто рассказывает об обстоятельствах его получения (это проведенное по его просьбе исследование, устные ответы на его вопросы, еще неопубликованная рукопись и т. д.). Оживляют восприятие текста и воспоминания о встречах с теми или иными людьми, постоянные ссылки на собственную коллекцию и историю ее формирования. Карта, к которой Витсен постоянно обращается, служит своеобразной иллюстрацией к тексту: указания на неё дают возможность представить географическое положение описываемых территорий.

О значении *Северной и Восточной Тартарии* Н. Витсена написано довольно много и важность проделанной голландцем работы сомнению не подвергается. Несмотря на то, что и старо-голландский язык мало кому доступен, и сама эта книга есть в России лишь в нескольких экземплярах, собранный Витсеном материал часто использовался ранее и используется исследователями и ныне. Под-

готовка к изданию *Северной и Восточной Тартарии* на русском языке имеет более чем 60-летнюю историю. В 1945 году Вильгельмина Герардовна Трисман (1901–1982), сотрудница Музея антропологии и этнографии АН СССР, по поручению его директора Н. Н. Степанова начала работу по переводу книги Н. Витсена, который закончила вчерне в 1950 году. Для редактирования рукописи была приглашена Нина Ивановна Гаген-Торн¹, опытный этнограф и литератор. По завершению работы встал вопрос об издании книги. На специально созванном в Музее совещании решили, что «труд Витсена содержит в себе большое количество русских материалов, малоизвестных и вовсе неизвестных, не сохранившихся даже в наших архивах. Он может рассматриваться и как памятник ранних достижений русских в изучении Сибири и других стран Азии, и как ранний русский вклад в науку. Поэтому желательно было как можно скорее издать труд, переведенный на русский язык, чтобы сделать русские материалы, как и материалы, полученные Витсеном из других источников, общим достоянием <...> науки»². Это заключение сделал историк Александр Игнатьевич Андреев, прекрасно знавший книгу Витсена, о которой он писал и на которую ссылался, в частности, в своём труде *Очерки по источниковедению Сибири. XVII век*, опубликованном в 1940 году, то есть задолго до появления перевода *Северной и Восточной Тартарии* на русский язык. Особенности издательской деятельности академических учреждений в СССР были таковы, что объём выпускаемой продукции строго лимитировался определённым количеством печатных листов. Книга Витсена никак не укладывалась в отведённый Музеем антропологии и этнографии листаж, поэтому труд голландца и В. Г. Трисман остался в рукописи в музейном архиве. Позднее, в конце 1960-х годов Борис Петрович Полевой предложил опубликовать только те части книги Витсена, которые касаются истории Сибири. Эту идею поддержал академик Алексей Павлович Окладников (1908–1981), выдающийся историк, археолог, директор Института истории, филологии и философии Сибирского Отделения АН СССР. Как вспоминал Б. П. Полевой, для этой цели отобрали 34 «сибирских» фрагмента текста³. Но смерть академика Окладникова остановила и этот вариант издания. За прошедшие с того времени годы Борис Петрович Полевой подготовил и опубликовал большое количество научных

1 В первоначальном тексте перевода в части, условно названной Б. П. Полевым «Сибирь», есть несколько комментариев Н. И. Гаген-Торн (1900–1986), которые в данное издание не включены, поскольку

касаются не редактирования перевода, а исследования отдельных сообщений Витсена.

2 Полевой Б. П. Подвиг Вильгельмины Герардовны Трисман... С. 51.

работ, непосредственно посвященных книге и карте Николааса Витсена, а также неоднократно ссылался на них в своих статьях и монографиях о русских географических открытиях и истории географической науки в целом⁴. Борис Петрович был неутомимым энтузиастом публикации русского перевода *Северной и Восточной Тартарии*. Энергия, увлечённость этого уже немолодого человека поражали всех, кто с ним работал, не менее, чем обширность, глубина, точность его знаний. Не надеясь на финансовую поддержку проекта в России, Борис Петрович стал искать её в Голландии. В конце 1990-х гг. он писал: «...доработка черновой рукописи книги Витсена «Сибирь» будет целесообразной только в том случае, если опубликование такой ценной работы будет гарантировано. Поэтому очень важно, чтобы в Голландии (или в России, что менее вероятно) нашлись бы спонсоры, которые взяли бы на себя расходы на издание такой важной книги»⁵. Надежда появилась после того, как в 1996 году, во многом благодаря профессору Амстердамского университета Бруно Наардену и дочери В. Г. Трисман, Лидии Андреевны Данилиной, на русском языке вышел путевой дневник Витсена *Путешествие в Московию. 1664–1665*⁶. Вслед за этим началась работа по подготовке публикации русского перевода *Северной и Восточной Тартарии*. Поиск финансирования лёг на плечи профессора Б. Наардена. Этому нидерландскому ученому, председателю Общества Исаака Массы, удалось убедить в необходимости подготовки издания целый ряд нидерландских организаций.

Первым этапом нашего «Витсеновского проекта» стал перевод русского текста *Северной и Восточной Тартарии* в электронную форму. Эту огромную работу выполнила Л. А. Данилина. Затем Й. ван хет Реве и Й. Дриссен ван хет Реве сверили русский вариант с оригиналом, чтобы выявить те места, которые по каким-либо причинам были выпущены. После этого Л. А. Данилина приступила к созданию электронной версии *Северной и Восточной Тартарии* на нидерландском языке (по изданиям 1705 и 1785 года). Ж. Ягер осуществила редакторскую и корректорскую правку этого текста. В результате столь серьезной подготовки в распоряжении участников проекта оказались электронные версии как оригинала на голланд-

3 Полевой Б. П. Николаас Витсен и Россия (Из истории русско-голландских отношений XVII–XVIII веков, преимущественно при Петре Великом) // Русско-голландские книжные связи / Отв. ред. и сост. Н.П. Копанева. СПб., 2000. С. 197–215.

4 Перечень работ Б.П. Полевого, посвященных Н. Витсену и его книге, см. в

«Списке основной использованной литературы», опубликованном в третьем томе данного издания.

5 Полевой Б.П. Николаас Витсен и Россия...С. 210.

6 Н.Витсен. Путешествие в Московию. 1664-1665. Дневник. Перевод со староголл. В. Г. Трисман. СПб., 1996.

[«Голландский зимний пейзаж», рисунок
Н. Витсена.]

ском языке, так и русского перевода. Это значительно облегчило работу с обоими невероятно пространными и трудными для понимания текстами.

В Амстердаме, Москве и Санкт-Петербурге были сформированы исследовательские группы по подготовке рукописи к печати, в которые, по условиям, предъявляемым финансирующими организациями, вошли в первую очередь молодые ученые: к.и.н. А. Г. Гуськов (Москва), А. Н. Копанева (Санкт-Петербург), к.и.н. Д. В. Лисейцев (Москва), к.и.н. Д. А. Щеглов (Санкт-Петербург), – и именно им отводилась основная роль в проекте.

Научными руководителями проекта стали: профессор Б. Наарден (Амстердам), д.и.н., профессор Н. М. Рогожин (Москва), к.ф.н. Н. П. Копанева (Санкт-Петербург). В качестве специализированных консультантов в исследовательскую группу вошли М. Е. Бычкова (Москва), Я. Е. Водарский (Москва), Д. Балакаева (Амстердам), Й. Дриссен ван хет Реве (Амстердам), М. П. Завитухина (Санкт-Петербург), А. И. Комисаренко (Москва), Вим Люкассен (Амстердам), Б. П. Полевой (Санкт-Петербург), А. Е. Чекунова (Москва), Ж. Ягер (Амстердам).

Кроме решения общих вопросов издания перевода и оказания помощи в составлении научно-справочного аппарата, консультанты занимались тематическими исследованиями. М. П. Завитухина изучала археологическую коллекцию Н. Витсена⁷. А. И. Комисаренко и А. Е. Чекунова работали с описаниями Крыма. Б. П. Полевой и Я. Е. Водарский обогатили проект своими глубочайшими познаниями в области исторической географии. В. Люкассен исследовал лингвистический материал, опубликованный в *Северной и Восточной Тартарии*.

Основной задачей участники проекта видели издание русского перевода *Северной и Восточной Тартарии* как исторического документа. Для этого необходимо было провести археографическую подготовку русского текста, его редактирование; составление аннотированных указателей: именного, географического, предметного, этнонимов; выявление опубликованных источников книги Н. Витсена.

Перевод, выполненный более 50 лет назад, требовал обработки с

⁷ См., например: Завитухина М.П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб, 1999. Вып. 34. С. 102–114.

точки зрения русского языка и значительной текстологической правки в соответствии с современными археографическими правилами. Эта работа велась Н. П. Копаневой при участии Я. Е. Водарского. При составлении научно-справочного аппарата наш коллектив принял решение не публиковать комментарии к тексту, поскольку подробное толкование сочинения, включающего исторические, географические, этнографические, лингвистические, зоологические, ботанические сведения по разным странам и народам, потребовало бы многолетнего труда специалистов разного профиля. Аннотации в указателях должны, по нашему мнению, частично выполнить роль примечаний и помочь читателю в понимании довольно сложного текста. Мы исходили также и из чисто практических соображений: комментарии значительно увеличивали объём рукописи, и мы могли оказаться перед проблемой издания много томного труда, подготовка которого еще на многие годы затормозили бы публикацию собственно перевода.

Разумеется, мы отдавали себе отчет в том, что чтение столь сложной книги, как *Северная и Восточная Тартария*, затруднительно без, хотя бы общих, представлений об авторе, его эпохе, научных интересах и поразительной судьбе его произведения. Поэтому третий том настоящего издания отведен под научно-справочный аппарат и содержит, помимо алфавитных указателей, две вводные статьи: *Николаас Витсен и Тартария* Б. Наардена и *Северная и Восточная Тартария Н. Витсена в России XVIII века* А. Н. Копаневой и Н. П. Копаневой.

Работа над научно-справочным аппаратом была разделена между участниками проекта: географический и именной указатели составляли в Москве А. Г. Гуськов и Д. В. Лисейцев, а в Амстердаме – Д. Балакаева и Ж. Ягер; предметный – А. Н. Копанева (Санкт-Петербург) и Й. Дриссен ван хет Реве (Амстердам); указатель этнонимов – Д. А. Щеглов (Санкт-Петербург). В дальнейшем, при сверке рукописи с подготовленными индексами к корректировке географического и именного указателей присоединились А. Н. Копанева и Д. А. Щеглов. Одновременно А. Н. Копанева и Ж. Ягер выявляли опубликованные источники, использованные Н. Витсеном.

Б. Наарден и А. Н. Копанева провели исследование иллюстраций, приведенных в разных изданиях и экземплярах *Северной и Восточной Тартарии*. Эти изображения и сопровождающий их комментарий выпущены на компакт-диске, прилагающемся к данной публикации. Диск также содержит: большую карту Тартарии, составленную Вит-

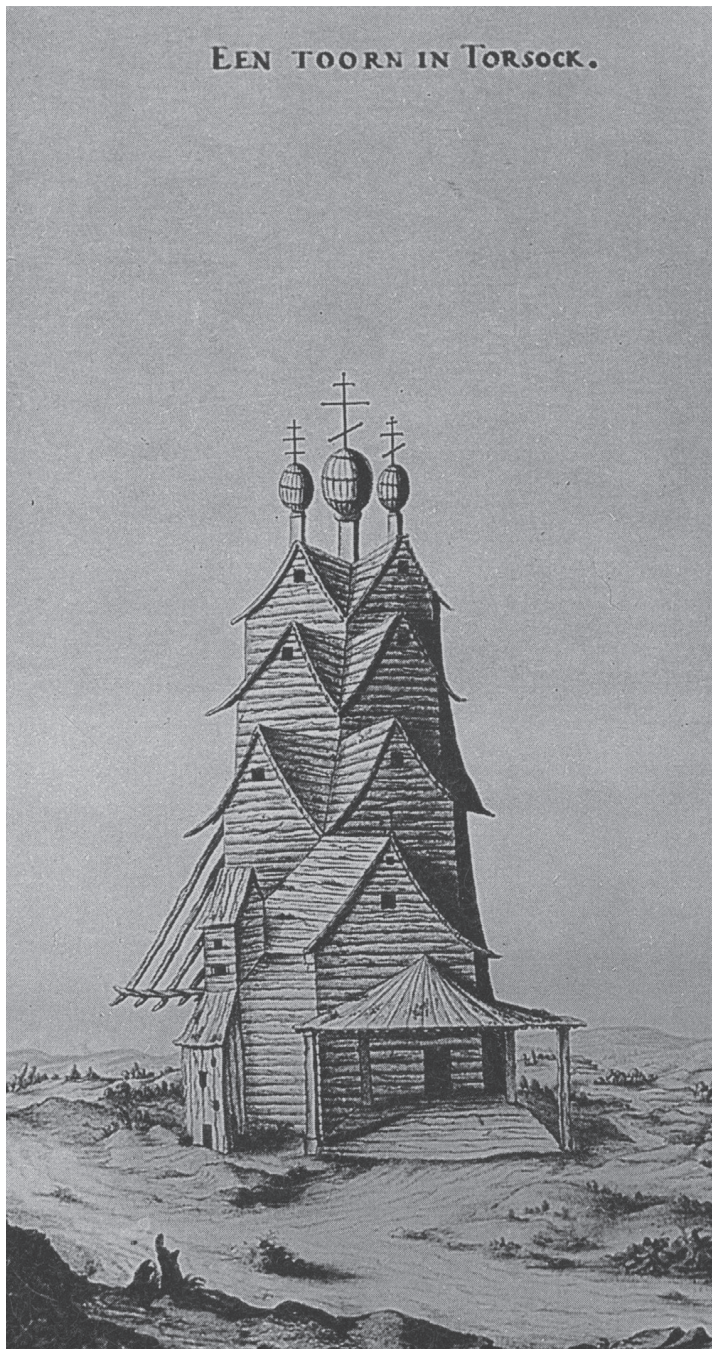
сеном в 1687 году, вступительную статью Л. К. Кильдюшевской; лингвистический материал из книги *Северная и Восточная Европа* с введением Б. Наардена и полный текст *Северной и Восточной Тартарии* на нидерландском языке.

Для координации и согласования действий, решения спорных вопросов, которые возникали в большом количестве, исследовательская группа трижды собиралась в Москве. В сентябре 2001 года предварительные итоги проекта подводились на международной научной конференции «Николаас Витсен и его труд *Северная и Восточная Тартария*», которая прошла в Санкт-Петербурге. В ее организации принимали участие: Генеральное консульство королевства Нидерландов в Санкт-Петербурге, Институт Восточной Европы Амстердамского университета, Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, Российская национальная библиотека, Институт российской истории Российской академии наук. С докладами выступили не только участники проекта, но и ученые, которые обращались к книге Витсена в своих исследованиях: Е. В. Гусарова, Л. Р. Павлинская, А. М. Певнов. В рамках работы конференции в Российской национальной библиотеке прошли выставки «Россия глазами голландских картографов» и «Источники книги Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария*». В мае 2005 года на международной научной конференции «Россия – Голландия: на перекрестке мнений», посвященной 10-летию Российско-нидерландского научного общества «Русско-голландский клуб», была организована секция, на которой были заслушаны доклады о книге Н. Витсена⁸.

От российских участников проекта мне хотелось бы выразить признательность нашим нидерландским коллегам за взаимопонимание и взаимопомощь, а профессору Бруно Наардену не только за его научный вклад в подготовку издания, но и за энергичную настойчивость, проявленную в поиске финансирования, за то, что он сумел найти нужные и убедительные слова для тех, от кого зависело, увидит ли читатель труд Николааса Витсена *Северная и Восточная Тартария* на русском языке.

⁸ Материалы конференции опубликованы на русском и нидерландском языках благодаря поддержке Фонда Вильгельмины Янсен: Россия–Голландия: на перекрестке мнений. СПб., 2008.

EEN TOORN IN TORSOCK.

[«Башня в Торжке» (Церковь Вознесения), рисунок Н. Витсена, сделанный во время его путешествия в России 1665-1667 и, возможно, позднее переработанный профессиональным художником.]

Н. П. Копанева О принципах публикации русского перевода *Северной и Восточной Тартарии*

Прежде чем предложить читателю перейти непосредственно к книге Витсена, изложим принципы, которыми мы руководствовались при редактировании и публикации перевода В. Г. Трисман.

Как уже говорилось, особенность *Северной и Восточной Тартарии* Н. Витсена заключается в том, что она представляет собой свод многих и многих опубликованных и рукописных описаний путешествий, документов, писем на разных языках, а также устных сообщений, разговоров Витсена с самыми разными интересующими его людьми. Книги и документы на английском, немецком, французском, латинском, русском языках были переведены на голландский и частично прокомментированы Н. Витсеном. В ряде случаев Витсен пользовался не первоисточником, а его перепечаткой из обобщающих трудов. Таким образом, большинство текстов уже претерпело несколько переводов с языка на язык до того, как к ним обратился Н. Витсен. Это вызывало трудности в транскрибировании, а порой и в понимании, прежде всего, топонимов, личных имен, этнонимов, а также названий представителей фауны и флоры упоминаемых территорий. Используя тот или иной материал, Н. Витсен часто подчеркивал: «Однако я за точность не всегда ручаюсь и не надеюсь на то, что не допустил небольших ошибок, которые со временем смогут быть исправлены». «И правописание слов, и название мест расходятся в зависимости от произношения на разных языках», – писал он¹. В другом месте читаем: «Относительно этого сообщения я повторяю, что было сказано выше, а именно, что названия многих местностей выражены по-разному, так как здесь много мест, которые в наших письмах и картах называются иначе»². Сложно было работать Н. Витсену с русскими документами. Здесь сказывалось не только недостаточное знание языка, но и сложность

1 См. наст. изд. Т. I. W 881.

2 См. наст. изд. Т. I. W 878.

понимания почерка писавшего. Эти проблемы усугублялись трудностями при транскрибировании русских звуков (шипящие, мягкие) и транслитерации букв, обозначающих два звука и лишенных звукового значения. Витсен предлагает читателю различные варианты написания названий, подбирая те, которые точнее, на его взгляд, соответствовали звучанию русских имен собственных. Еще сложнее было передавать разные социальные названия и имена собственные из монгольского, китайского, калмыцкого, тунгусского и других языков, которые уже до того, как попали к Витсену, прошли через транскрибирование и транслитерацию второго или третьего порядка. Таким образом, перед составителем *Северной и Восточной Тартарии* стояла нелегкая задача не только понимания содержания имеющихся у него источников, но и сложнейшие лингвистические проблемы. Все эти многочисленные транскрибирования привели к ряду неточностей и ошибок, не только грамматических или фонетических, но и фактических.

Исходя из сказанного, становится понятно, какие сложные вопросы встали перед В. Г. Трисман, которая должна была адекватно передать на русском языке текст, прошедший уже неоднократные переводы. Грандиозность выполненной ею работы очевидна. Однако современные требования к публикации документов конца XVII – начала XVIII вв. потребовали значительного редактирования перевода. При подготовке публикации рукопись неоднократно сверили с оригиналом, что выявило неточности и ошибки в переводе, а также непоследовательность при передаче имен собственных: многочисленны случаи унификации разных названий одного и того же топонима, которые приводят к смысловым искажениям; или наоборот, не используется возможность одного написания вместо нескольких у Витсена, связанных с вариантами транскрипции, например, русских шипящих. При редактировании был пересмотрен перевод многих понятий, восстановлена последовательность ряда описываемых событий, нарушенная при переводе сложных, часто не согласованных в оригинале, предложений. В русский текст возвращены цитаты на иностранных для Витсена языках, которые он приводил в книге, и которые были опущены В. Г. Трисман.

В целом при подготовке к изданию русского перевода, а также составлению научно-справочного аппарата мы стремились строго следовать историческому принципу публикации текста конца XVII – начала XVIII века. При этом, исходя из того, что сам Витсен рассматривал вышедшую в 1705 году книгу как требующую доработки, и что автор использовал много рукописных источников, мы стара-

лись подойти к публикации перевода книги как к изданию исторического документа. Понимая, что даже наше стремление как можно более корректно передать написания топонимов и личных имен не гарантирует отсутствия неточностей в переводе, при издании текста мы сохранили разбивку на страницы в соответствии с оригиналом, отделив страницы друг от друга особым знаком ¶ и указав на полях номер страницы в книге Н. Витсена 1705 года издания. В указателях рядом с русским переводом даны варианты написания этого слова Витсеном. Таким образом, читатель может обратиться к оригинальному написанию слова или в указателях, или непосредственно в тексте Витсена на указанной странице (текст Витсена доступен в электронном виде на прилагаемом к книге диске).

Северную и Восточную Тартарию отличает большая вариативность написания одного и того же топонима, личного имени, названия народа, ряда понятий и т. д. Это вызвано двумя причинами: во-первых, все тем же использованием огромного числа опубликованных, рукописных и устных источников, и, во-вторых, сложностями транскрибирования иностранных слов на голландский язык. Витсен писал: «Что касается правописания собственных имен рек, народов и городов, я придерживался присланного текста, но в наше время они несколько изменились»³.

При редактировании перевода в большинстве случаев мы вернулись к названиям, употребляемым Витсеном и его информантами. Были восстановлены, как они даны у Витсена, английские и французские личные имена, которые В. Г. Трисман перевела на русский язык как имена голландские. Сам Витсен о таких случаях писал: «Следует отметить, что собственные имена в письменах этих английских писателей *Hakluit* и *Purchas* пишутся не так, как мы привыкли писать или называть, что вызывает неясность, на что я считаю нужным указать»⁴. Однако при издании книги Витсена на русском языке мы не шли слепо за текстом и не всегда буквально воспроизводили имена собственные, названия народов, описываемых предметов и т. д. Для понимания принципов нашего подхода к публикации *Северной и Восточной Тартарии* попробуем систематизировать погрешности и ошибки Н. Витсена в передаче имен собственных при использовании им русских источников, а также неточности в переводе В. Г. Трисман.

1. Вильгельмина Герардовна Трисман порой пыталась исправить погрешности, допущенные Н. Витсеном, при употреблении топо-

3 См. наст. изд. Т. I. W 741.

4 См. наст. изд. Т. I. W 944.

нимов и личных имен, а также в ряде случаев унифицировать имена собственные. Прежде всего, это касается вариативности написания одного и того же топонима. Причем этому принципу В. Г. Трисман следует непоследовательно: часть видоизмененных Витсенем топонимов унифицирована, часть оставлена так, как они даны в оригинальном тексте – в перечислении разных написаний одного и того же топонима. Однако разнообразие обозначений одного и того же географического объекта часто связано не только с ошибками или сомнениями Витсена в правильности воспроизведения иноязычных слов на голландском языке, но и с тем, каким источником пользовался автор *Северной и Восточной Тартарии*. Для примера обратимся к названиям государственных образований, которые требуют особого внимания. Здесь у В. Г. Трисман наблюдается значительный разноречивый, который приводит не только к лингвистическим, но и фактическим искажениям. Так современное нам название «Китай» в *Северной и Восточной Тартарии* фигурирует как *Katay, Cathay, China, Cina, Sina, Sin*, у В. Г. Трисман – Китай, Катай, Чина, Шина и др. Причем перевод зачастую не является транскрипцией голландского текста. В частности, название «*Sina*» в большинстве случаев передано как «Китай», что не соответствует трактовке этих терминов разными источниками, в которых *Sina* и *Kitay, Katay, Chatay* – не одно и то же: это или государственное образование в разных территориальных границах (Китай часть *Сины*, или *Катай* – шире понятия *Сина*), или одно и то же государство, но упоминаемое в документах разного происхождения. Так в русском делопроизводстве современный нам *Китай* – это и *Китай*, и *Цина*, и *Цинская империя*, и *Хина*. То же касается и *Грузии*, которая у Витсена и *Grusinia* и *Georgia*, в зависимости от используемого материала, а при переводе оставалось только одно имя собственное – *Грузия*. Однако вариативность топонимической терминологии в этих случаях имеет важное историческое и историко-географическое значение, что и было учтено при публикации перевода.

2. Неточности и ошибки при использовании Н. Витсенем русских источников, связанные с грамматическими особенностями оригинала. Прежде всего, это буквальная транскрипция форм косвенных падежей и их употребление в качестве именительного. Так название реки Амур имеет у Витсена несколько вариантов написания, среди которых – *Amoerom, Amur*. Ясно, что топоним «*Amoerom*» возник из-за неправильной трактовки документа, в котором сказано – «назвася *Амуром*», то есть имя собственное в творительном падеже прочитано Витсенем в качестве именительного падежа.

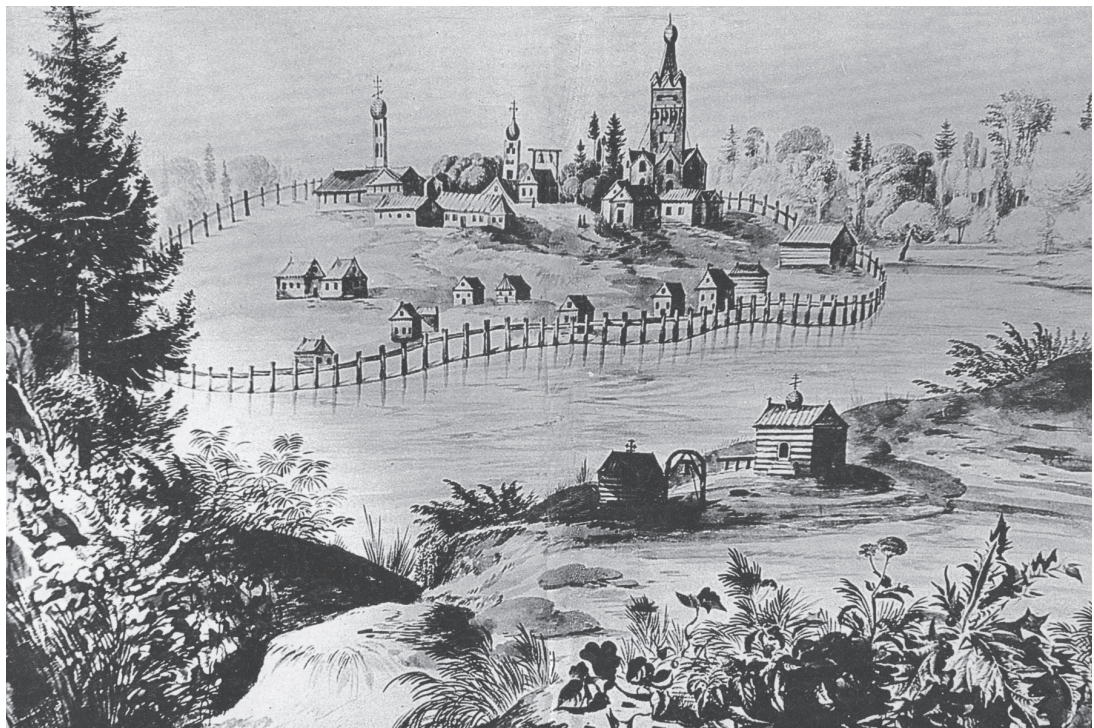

Таким же образом появился топоним *Хилком* – «...по реке *Хилком*», в русском документе – «плыл рекою *Хилком*». Другой пример – «озеро *Байкала*, или *Байкал*»: варианты происходят или от неверного перевода буквы «ъ» («ерь»), или по вышеназванной причине использования косвенного падежа в качестве именительного. Таких неточностей в тексте очень много, и когда восстановление правильной падежной формы не несет смысловой нагрузки, мы такие написания унифицировали. Однако устаревшие формы, типа «острог *Нерчинской*», «*Иртышской*», «*Краснояр*» и т. д., которые Витсен повторял вслед за источником, мы менять не стали (в переводе В. Г. Трисман они чаще всего осовременены), поскольку это окончание отвечает правилам русского языка конца XVII в. и именно так они и употреблены Н. Витсеном. Оставлено без изменения и написание топонима «*Астрахань*» как «*Астракань*», что характерно для многих иностранных авторов того времени, поэтому мы не стали «русифицировать» его при переводе. Часто источник сведений был столь ненадежен, что Витсен не решался ему следовать. Так, об островах у Новой Земли, он пишет: «...мне трудно указать русские названия этих островов у берегов Новой Земли, которым голландцы давали названия, ибо этот русский кормчий, не поняв наши карты, не мог их показать»⁵.

3. Вариативность и причины её возникновения при передаче латинскими буквами русских «ч», «ш», «щ», «ц», если Витсен использовал письменный документ, и шипящих звуков, если он записывал устное сообщение. Есть у Витсена варианты транскрипции простые, то при переводе мы унифицируем написания. Например, «*Zariza*» и «*Tzaritzza*» – буквальная передача голландского воспроизведения слова для русского перевода не несет смысловой нагрузки, поэтому в этом и подобных случаях в русском тексте остается «Царица», или «Царицын». Переведя «*Nischa Narym*» как «*Нижний Нарым*», мы также не погрешим против точности написания топонима.

Вариантом более сложной транскрипции является название реки «*Чикой*», при переводе которого у В. Г. Трисман мы встречаем «*Чикою*, *Гикой*, *Тзикой*, *Тсикай*, *Чика*, *Чилка*, *Чилок*, *Тшикова*». «*Чикою*», «*Чика*» – это разные грамматические формы одного и того же слова, от которых мы можем отказаться, заменив их формой «*Чикой*». «*Тзикой*», «*Тсикай*» – это варианты, возникшие при попытке транскрибирования Витсеном русской буквы «ч» латин-

⁵ См. наст. изд. Т. I. W 996.

[Снетогорский монастырь около Пскова, рисунок Н. Витсена, сделанный во время его путешествия в России 1665-1667 и, возможно, позднее переработанный профессиональным художником.]

скими «tz» и «ts». Эти варианты в переводе В. Г. Трисман также сводимы к варианту «Чикой». Вариант «Тишкова» сочетает в себе и неверный перевод букв «Tschikowa» нашим переводчиком (мы заменили их на «ч») и буквальное воспроизведение Витсеном русской грамматической формы. Остается все то же название – «Чикой». Таким образом, в данном случае после анализа написаний топонима Витсеном и его перевода В. Г. Трисман мы ушли от модификаций этого слова, не меняя ни смысла текста, ни звучания топонима при произнесении.

Совсем другой тип перевода – это написания названия реки «Чикой» как «Чилка», «Чилок», которые возникли в редакции В. Г. Трисман при передаче слов: «Tzchilka» (*W 269*) «Chilok» (*W 880*). В первом случае – «Tzchilka» – «Чилка» – это не вариант названия реки «Чикой», а наименование реки «Шилка». Перевод слова «Chilok» как «Чилок» – пример фактической, а не лингвистической ошибки: у Витсена речь идет о реке «Хилок», а не «Чикой», и появление варианта «Чилок» в данном контексте – довольно часто встречающаяся погрешность, которая нами исправлена. Вообще, как в русских документах, так и у Витсена две реки – Хилок и Чикой, правые притоки реки Селенга – нередко упоминаются вместе. Это как раз тот случай, когда надежным основанием для правильного толкования является найденный нами русский источник сведений Витсена. Таким образом, редактирование русского перевода, а именно, имен собственных, велось с учетом определения типа неточности или ошибки как в оригинальном тексте, так и в переводе В. Г. Трисман.

4. Особую трудность представляют написания монгольских и китайских имен и социальных наименований. И в данных случаях мы использовали прием сопоставления текста Витсена с исходным документом, если таковой, конечно, обнаружен. Большую помощь оказали при этом статейные списки (Ф. Байкова, Ф. А. Головина и др.)⁶. Так сравнение материалов о заключении Нерчинского договора из *Северной и Восточной Тартарии* со статейным списком Ф. А. Головина, показывает, что материалы, вошедшие в него, Витсен употреблял практически на протяжении всего текста книги, иногда – дословно. Это дает основание ориентироваться на русский источник в написании употреблявшихся и Витсеном, и русскими документами имен в трудных и сомнительных вариантах. При этом сле-

⁶ Русско-китайские отношения в XVII в.:
Материалы и документы. М., 1969–1972. Т.
I. 1608–1683; Т. 2. 1686–1691.

дует иметь в виду, что в русском делопроизводстве одни и те же иностранные имена, а также социальные наименования (титулы) при переводе могли быть переданы по-разному, что прослеживается и у Витсена, когда он обращается к текстам на русском языке. В таких случаях вариативность должна быть оставлена. Так имя Тушету хана Чихунь Доржи, которого в русских документах называли Ачирой Сайн-хан, Очирой Саин-хан, Очиртой Тушет ханом, в переводе текста Витсена, выполненном В. Г. Трисман, имеет 47 вариантов. Такой разнобой в написании имени объясняется уже указанными причинами: это или варианты транскрибирования Витсеном имени в русском написании, или попытки переводчицы передать кириллицей нагромождение латинских букв у Витсена. Но все видоизменения имени халкаского хана сводятся у Витсена в основном к тем версиям, которые употреблялись в русском делопроизводстве. Разумеется, каждый конкретный случай требует отдельного рассмотрения.

5. Неточности и ошибки, вызванные непониманием текста, который Витсен использовал, порождали несуществующие имена собственные. Вспомним топоним «Отсель пошел» на карте Витсена. Используя чертеж реки Амур Николая Спафария из его «Описания великой реки Амура», Н. Витсен в верховьях Амура разместил некую области «Отсель пошел», что является неправильным прочтением фразы о слиянии Шилки и Аргуни: «отсель пошел Амур». На подобные «топонимические неологизмы» у Витсена указывали многие исследователи. Анализ текста и сопоставление его с источником (если он известен) позволяет выяснить причины подобных недоразумений.

Например, у Витсена читаем: «*Говорят, что она начинается от города Ревенско <...>, где растет в изобилии китайский ремень*». В статейном списке Ф. Байкова: «А стена де та ведена от ревенского города китайского от Сукчея, где родитца корень ремень китайской копытчатой». «Ревенско» оказывается прилагательным, а не именем собственным, и в данном случае написание его со строчной буквы не изменяет смысла фразы, но избавляет нас от выдуманного топонима. «*Kamenwoedienske*» – это «камень в Удинске» (в источнике: «камень в Удинской острог...»⁷). *Pokati* – горные склоны, а не название местности. *Ablajewigh* – притяжательное прилагательное «аблаевых». Такого же происхождения два имени послов – «Солено и Гусино». Текст у Витсена: «...*послал двух послов, Солено и Гусино*».

7 Русско-китайские отношения...Т. 2. С. 82, 767

но, к остальным своим подданным мугальским тайшам...» – является неверным переводом русского текста, см. в документе: «...послал к тайшам нарочных людей и велел им идти к себе к Соляному и Гусиному озерам не мешкав»⁸. Определив ошибочность трактовки слов, мы в публикации перевода оставляем текст Витсена без изменения, давая пояснения в примечаниях или в соответствующем указателе, или переводим с учетом выявленных уточнений, если это не меняет смысл оригинального текста.

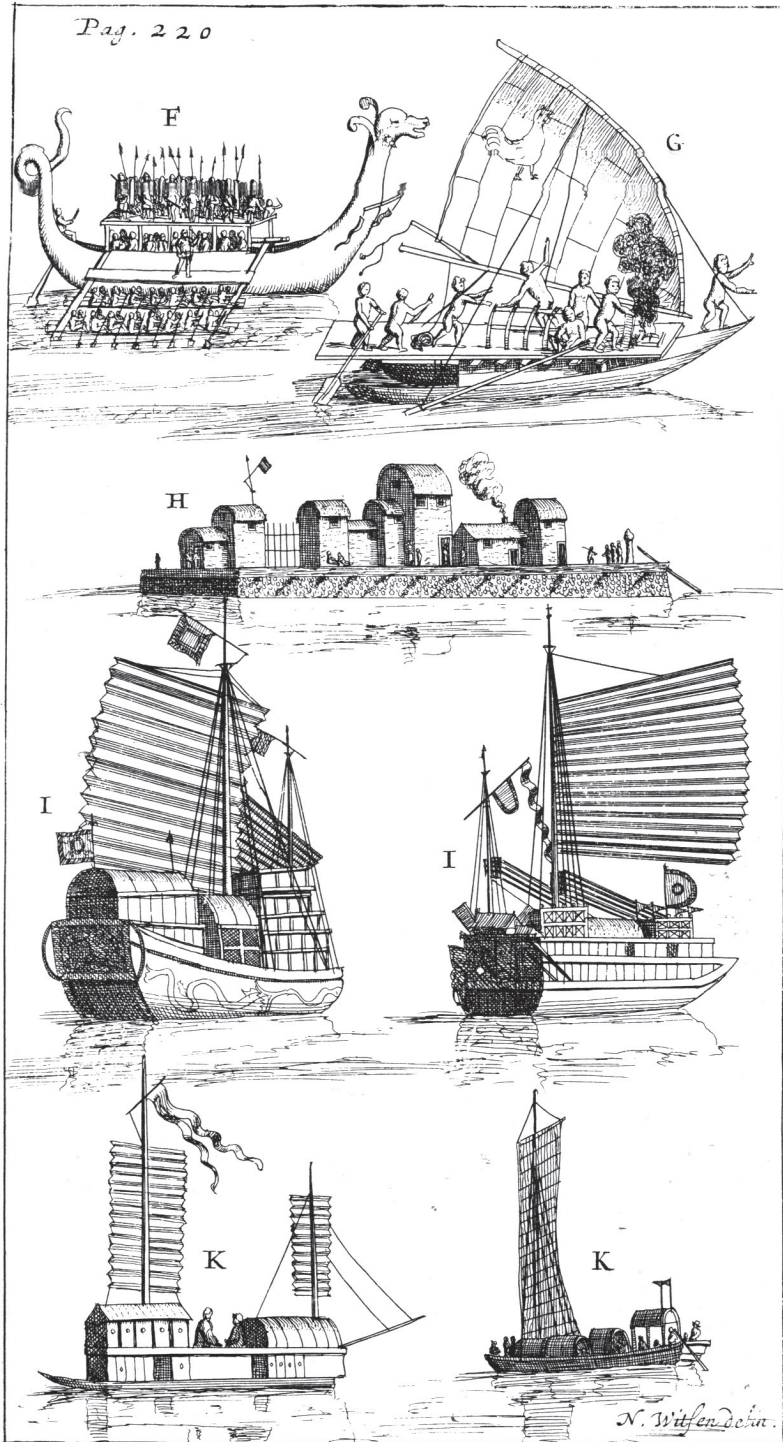
6. Мы думаем, что была еще одна причина неточностей в употреблении топонимов или имен собственных – это сложность понимания русской скорописи, так сказать, палеографический фактор. При анализе текста порой ощущается угадывание Витсеном той или иной буквы по написанию: *Ablim* или *Atlim*, то есть Атлым; город *Tschemaşch* или *Tschemarch*; *Noşovoy* или *Nołovoy*. Примеры, когда вариативность вызвана трудностями чтения письменного источника, можно множить. Чаще всего в таких случаях мы оставляли одно написание, приводя в указателе все версии, использованные Витсеном.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что наибольшую трудность при публикации перевода вызывали имена собственные, этнонимы, социальные термины, которые попали в текст после неоднократного транскрибирования: собственно в источниках, в книге Витсена, при переводе на русский язык. При этом избавляясь от ошибок, мы стремились оставаться как можно ближе к голландскому оригиналу. Это позволило упорядочить написание имен собственных, этнонимов и социальных терминов, уточнить происхождение несуществующих, но появившихся у Витсена топонимов и личных имен, и как следствие, упростить понимание сложного текста книги. Такие приемы дали возможность, с одной стороны, унифицировать написание восстановленных названий, а с другой – избежать искажения текста автора и сохранить исторический подход при издании его перевода.

Наши дополнения даны в тексте Витсена в квадратных скобках. Примечания и комментарии самого Н. Витсена публикуются на полях. Выделение курсивом слов в тексте соответствует курсиву в книге Витсена.

Поскольку Н. Витсен не дает библиографических описаний упоминаемых и цитируемых или пересказываемых им книг, указания на опубликованные источники, на которые ссылается Витсен, приводятся нами в третьем справочном томе данного издания.

⁸ Там же. С. 275.

[«Китайские корабли», иллюстрация из книги Витсена о кораблестроении (Древнее и современное кораблестроение и управление, 1671). Подпись «N. Witsen

delin[avit]» значит: Витсен нарисовал, но большинство иллюстраций в этой книге сделано профессиональным мастером по инструкциям Витсена.]

Бруно Наарден Николаас Витсен и Тартария

I. Тартария

Сбор информации о Тартарии стал делом всей жизни голландского государственного деятеля и ученого-любителя Николааса Витсена (1641–1717). В 1687 году он создал большую карту этого региона, а в 1692 году завершил обширный и крайне подробный комментарий к ней – книгу под названием *Северная и Восточная Тартария* (*Noord en Oost Tartarye*). Тринадцать лет спустя, в 1705 году, ее переработанная и дополненная версия, почти в тысячу страниц текста и с более чем сотней иллюстраций и карт, была напечатана в двух томах ин-фолио.

Для Витсена Тартария была обширной областью, населенной *тартарами*, то есть татарами. В то время так называли монголов и другие, преимущественно кочевые народы, которые жили в основном в Сибири, Центральной Азии, Монголии и частично на Украине и в европейской части России. Название Тартария вышло из употребления. В современной традиции эти земли называются *Центральная*, или *Внутренняя Евразия*. К ним относят в основном засушливые равнины на севере и востоке евразийского континента, где раньше проживали (и частично проживают поныне) главным образом, народы, занимавшиеся экстенсивным скотоводством. Ландшафтом и историей цивилизации *Внутренняя Евразия* разительно отличается от *Евразии Внешней*, то есть субконтинентов Западной Европы, Индии и Китая, большей частью окруженных морями и населенных аграрными и урбанизированными народами.

В предисловии к *Северной и Восточной Тартарии* автор ясно дал понять, почему он выбрал Тартарию в качестве предмета своей карты и книги¹. В то время эта обширная область была малоизвестна в Европе, несмотря на то, что там, как писал сам Витсен, правили такие властелины, как Чингисхан и Тамерлан, по могуществу не уступавшие Александру Великому или Цезарю. Следовательно, Витсен хотел поделиться не только актуальной географической информацией, но и рассказать о славном прошлом Тартарии. На рубеже XVII – XVIII вв. труд Витсена занимал особое место, так как

и карта, и книга стали первыми столь подробными произведениями о Тартарии, изданными в Западной Европе. Но и столетия спустя работы ученых, занимавшихся этим регионом, были исключительно редки. Внутреннюю Евразию можно назвать падчерицей западного академического сообщества. В некоторых отношениях эта научная область все еще остается малоизученной, так как большинство ученых уделяло внимание, прежде всего, *Внешней Евразии*².

Еще в молодости Витсен посетил Московию, но в Тартарии никогда не бывал. Он описывал эти земли, исходя не из собственного опыта, а по сообщениям других лиц, которые собирал на протяжении десятилетий. Витсен прибегал также к трудам писателей-классиков античного времени и средневековым арабским авторам, еще пользовавшимся большим влиянием в XVII веке. Но современные сведения о Тартарии интересовали его гораздо больше, поэтому в своей работе он стремился опираться на источники своего времени. Помимо прочего, его книга свидетельствует о том, что XVII век стал решающим периодом в истории *Внутренней Евразии*. В предыдущие столетия кочевники, обитатели этих земель, представляли собой постоянную угрозу для оседлых народов *Внешней Евразии*. В результате завоевания русскими Сибири и проникновения китайцев в Монголию и Центральную Азию, в XVII столетии Китай и Россия оказались пограничными странами. Большинство некогда опасных воинов-кочевников евроазиатской степи оказались подчинены власти царя и китайского императора³. Этот процесс завершился в XVIII и XIX веках.

Западные европейцы были мало вовлечены в эту одновременную экспансию китайцев и русских во *Внутреннюю Евразию* и имели о ней слабое представление. Большое разнообразие народов и языков в этой обширной области вызывало их любопытство так же, как и вопрос, какими могут быть последствия китайской и русской экспансии. Открытие северо-восточного прохода в Индию через Северный Ледовитый океан и в Китай по суше через Сибирь могло иметь огромное значение для мировой торговли. Однако получить об этом достоверную информацию было нелегко из-за очень больших расстояний и многочисленных языковых барьеров.

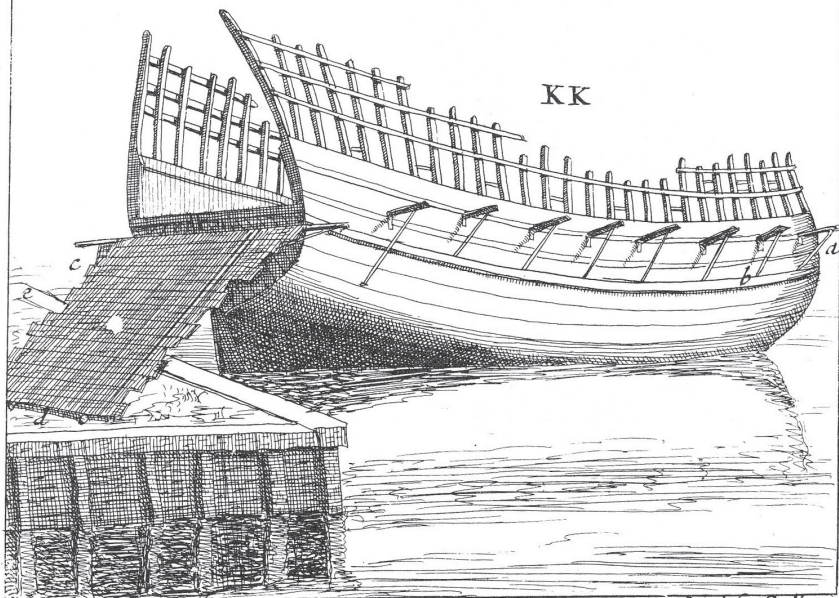
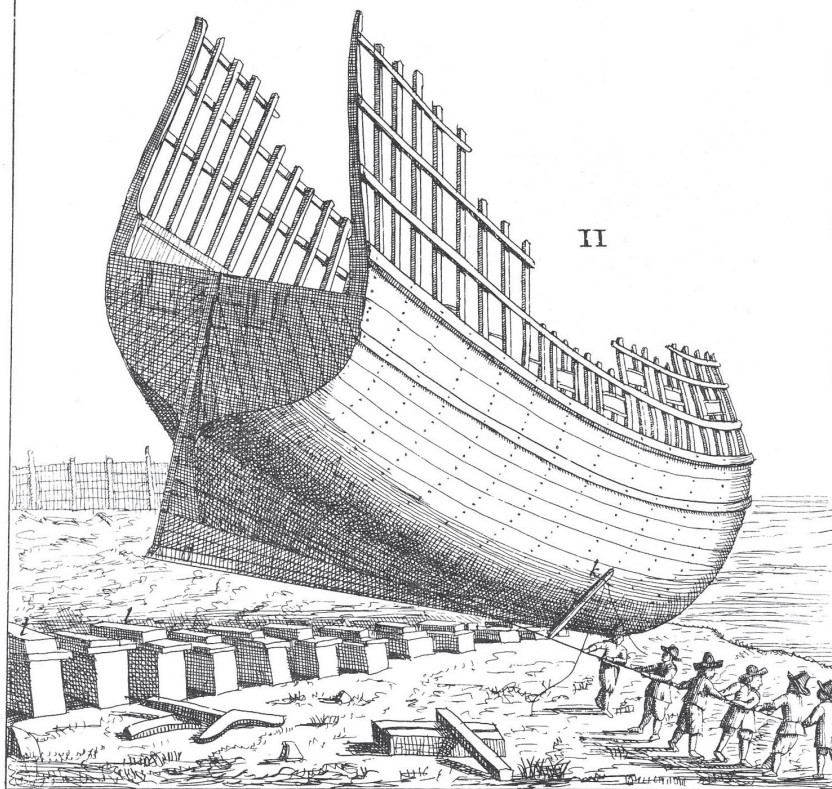
В Европе особый интерес к меняющимся соотношениям власти в Евразии проявляли именно голландцы. Республика Соединенных Провинций Нидерландов переживала в XVII веке необычайный экономический и культурный расцвет. Торговля привела голландцев не только в земли, омываемые Северным, Балтийским морями и Северным Ледовитым океаном; они плавали почти во всех амери-

канских и азиатских водах. Что касается сбора информации о расширении русской и китайской экспансии во *Внутреннюю Евразию*, то здесь голландцы имели преимущество. В XVII веке на протяжении значительного периода они играли ведущую роль в торговле и перевозке грузов между Московией и Западной Европой, а в европейской части России находилось довольно много голландцев. Одновременно представители могущественной голландской Объединенной ост-индской компании (*далее* – ОИК) пытались пробиться на рынки Китая и Японии из Индонезии. Торговля и мореплавание могли развиваться лишь путем накопления географической информации, и голландцы ревностно собирали ее, наносили на карты и включали в книги. Стремление узнать о мире как можно больше сопровождалось колониальной экспансией, продвигающейся все дальше.

В период между 1672 и 1707 годом Витсен входил в немногочисленную группу регентов, которые управляли Амстердамом – торговой метрополией – и, одновременно, оказывали большое влияние на правительство Республики. После 1693 года он стал также одним из управляющих ОИК, в то время самой большой торговой организации в мире, поэтому имел доступ практически к любой информации, которая доходила в Нидерланды из Азии. Ее поставляли не только голландцы, но и, например, жившие в Китае иезуиты, которые пользовались ОИК для перевозки людей и пересылки почты⁴. Витсен также извлек много пользы из контактов, которые он установил в Москве в 1665–1667 гг. и во время пребывания Великого Посольства в Нидерландах в 1697–1698 гг. Видный государственный деятель и признанный в своей стране специалист по России, в течение нескольких десятилетий он был стержнем голландско-русских отношений.

Кроме того, Витсен был состоятельным человеком и охотно покупал информацию. По его собственным словам, он потратил на это много тысяч гульденов⁵. Никто в западном мире не находился в более благоприятных обстоятельствах для накопления знаний о Тартарии, и мало кто обладал амбициями, преданностью и выносливостью для того, чтобы посвятить себя этой задаче на протяжении десятилетий. На рубеже XVII–XVIII веков Витсен был уникальным ученым в Европе. Однако это еще ничего не говорит о природе и качестве труда Витсена, его восприятию современниками или влиянию, которое автор оказал на последующие поколения. В данном введении мы попытаемся подробно ответить на эти вопросы.

[Иллюстрация из книги Витсена о кораблестроении.]

II. Отзывы некоторых историков XX века

На протяжении почти двух столетий после смерти Витсена ведущие русские историки полагали, что его карта и книга о Тартарии представляют большую ценность для русской истории, в особенности, для истории Сибири. По мнению М. П. Алексеева, Витсен открыл «совершенно новую эпоху изучения европейцами Сибири». Об этом он писал в своем обстоятельном исследовании 1932 года, предметом которого были западноевропейские представления до начала XVIII века об этой в то время малоизученной части России. Алексеев собирался продолжить исследование и в намеченном втором томе обратиться к работам голландца Витсена и шведа Страленберга, который в 1730 году тоже издал книгу о северных областях Европы и Азии. По мнению ученого, оба автора заслуживали особого внимания, поскольку их объемные труды не были переведены на русский язык. «Полные переводы монументальных трудов Страленберга и Витсена, естественно, невозможны», – писал Алексеев в то время. Как специалист по Сибири, он считал, что в этом нет необходимости, потому что Витсен в своем обширном труде уделил много внимания и другим регионам⁶.

А. И. Андреев, опубликовавший в 1939 году первую часть исследования об исторических источниках изучения Сибири, также считал достижения Витсена уникальными. Никогда ранее ни один западный европеец не сделал так много, «создав своего рода энциклопедию о Сибири, включившую в себя, прежде всего, многочисленные русские источники». Андреев также сожалел, что «это драгоценное собрание материалов Витсена» было написано «на языке мало доступном». Отсутствие русского перевода *Северной и Восточной Тартарии* стало причиной пробела «в географической, этнографической и исторической литературах о Сибири XVII века». А. И. Андреев отмечал, что книга Витсена особенно ценна тем, что автор черпал информацию из русских источников, многие из которых были утеряны, и установить их теперь не представляется возможным. Соглашаясь с Алексеевым в том, что в полном переводе на русский язык *Северной и Восточной Тартарии* необходимости нет, Андреев считал нужным перевести фрагменты, основанные на неизвестных русских источниках⁷.

Сейчас, когда полный перевод на русский язык, наконец, опубликован, читатели могут сами судить, насколько справедливы были уверения М. П. Алексеева и А. И. Андреева. Действительно ли Вит-

сен своим «энциклопедическим» трудом открыл «совершенно новую эпоху» в науке о Сибири? Столь категоричные утверждения не могут не вызывать сомнений, и высказывания Алексеева и Андреева подверглись критике еще до Второй мировой войны. В 1937 году не менее авторитетный историк Сибири С. В. Бахрушин оценил значение книги Витсена гораздо ниже. На его взгляд, *Северная и Восточная Тартария* – объемный компилятивный труд, наполненный очень разнородными и не всегда хорошо переработанными сообщениями об Азии. Книга основана на случайно полученной и не проверенной информации XVII века о России. По мнению Бахрушина, она, возможно, содержала много новой и познавательной информации для тогдашнего европейского читателя, но русским инициаторам освоения Сибири в XVIII веке от нее было мало пользы⁸. М. П. Алексеев и А. И. Андреев не стали вступать в дискуссию. Во второй части своего исследования (об источниковедении Сибири XVIII в.) Андреев упоминал Витсена лишь мимоходом. Алексеев не продолжил свое подробное исследование об изучении Сибири в XVIII веке.

В 1968 году историк Э. П. Зиннер опубликовал монографию, в которой рассмотрел работы западных путешественников и ученых XVIII столетия о Сибири. Хотя эта книга была представлена как продолжение идей М. П. Алексеева, Зиннер разделял скорее мнение Бахрушина о Витсене, чем Алексеева или Андреева. Согласно Зиннеру, европейская литература XVIII века о Сибири отражала развитие естественных наук в эпоху Просвещения. От работ предыдущего столетия она отличалась эмпирическим, систематическим характером и ясными границами, которые были обозначены между легендами и фактами, поддающимися проверке. В этом отношении Витсен принадлежал еще XVII столетию, поскольку, по-видимому, записывал полученные данные в порядке поступления и не систематизировал их согласно критическому научному принципу: «Трудно дать даже приблизительное представление обо всем богатстве материала в труде Витсена». Эта избыточность материала привела к тому, что *Северная и Восточная Тартария* стала хаотичной книгой, полной повторов. В противоположность ей *Северная и Восточная части Европы и Азии* (*Das Nord und Östliche Teil von Europa und Asia*), написанная в 1730 году последователем и конкурентом Витсена шведом Филиппом Иоганном фон Страленбергом (Philipp Johann von Strahlenberg), отличалась, по мнению Зиннера, «стремлением систематизировать материал в виде «словаря» или своеобразной «сибирской энциклопедии»⁹.

Возможно, Алексеев, Андреев, Бахрушин и Зиннер были не в состоянии основательно изучить книгу Витсена на языке оригинала. Тем не менее, расхождения в их мнениях неслучайны. Они отражают реальные достоинства и недостатки *Северной и Восточной Тартарии*. Похвала М. П. Алексеева Витсену была справедливой, ибо тот действительно проложил новые пути в исследованиях. Объемом своей книги, происхождением ее материала и выбором ее предмета Витсен явно отличался от своих предшественников XVII века. Оценка Алексеева была подтверждена немецким историком Урсулой Менде (Ursula Mende), которая в 1968 году дала *Северной и Восточной Тартарии* следующую характеристику:¹⁰

«Труд Витсена представляет новую группу литературы о России, которая стала преобладать в XVIII и XIX столетиях, и показывает, в какой степени изменился (*западный – Б. Н.*) интерес к России. Уже не центральная область государства, старые русские княжества, являются предметом исследования, но завоеванные с XVI столетия земли иноязычных племен, которые также станут духовным достоянием (*европейской публики – Б. Н.*).»

У. Менде также указывает на то, что Витсен был первым западным европейцем, широко использовавшим русские источники. Такая возможность появилась у Витсена исключительно благодаря его хорошим контактам в России, откуда к нему приходил материал. Менде считала, что это сотрудничество между западными европейцами и русскими было характерным для значительной части научной литературы о России, появившейся после 1700 года.

Действительно, от более ранних западных картографов и писателей Витсена отличает поразительное богатство деталей, присущее его карте и книге о *Тартарии*. Во многих случаях именно Витсен первым из современников предоставил конкретную и обширную информацию об определенном регионе, обычаях населявшего его народа и его языке. К тому же, неукротимая страсть Витсена к коллекционированию разнообразных сведений не ограничивалась Сибирью. Он подробно сообщает о Маньчжурии и Корее, бассейнах рек Амура и Волги, Монголии, Тибете, Центральной Азии, Крыме и Кавказе, а порой «совершает вылазки» в Японию, Китай, Америку и Австралию. Но все же этот поток информации вызывает не только благодарность и восхищение читателя.

Почти каждый, кто пролистает книгу Витсена и прочтет несколько страниц, будет склонен согласиться с замечаниями Бахрушина и

Зиннера. *Северная и Восточная Тартария* является своего рода пакгаузом XVII века, который до краев наполнен разнородными сообщениями о всевозможных народах и землях, собранных, однако, весьма произвольно. Это не книга, в которой повествование ведется логически, а объемное досье с информацией по большому количеству предметов. Не нужно быть большим специалистом, чтобы заметить, что Витсен (или его информанты) многое исказили и что, возможно, не все изложенные в *Северной и Восточной Тартарии* факты верны. То же самое относится к его карте Тартарии 1687 года. И все же, по мнению А. И. Андреева и других специалистов, она дает более тщательное и подробное представление о Сибири, чем карты всех его западных предшественников¹¹, но в то же время сразу бросаются в глаза ошибки, которые она содержит.

III. Автор и его труд

Андреев также полагал, что самого Витсена нельзя обвинить в том, что недостатки его карты еще долго препятствовали адекватному отображению Сибири западными картографами XVIII века. Амстердамский ученый, подчеркивал Андреев, считал свое картографическое достижение «лишь первоначальным опытом и принимал все меры к тому, чтобы карта его не получила широкого распространения»¹². Действительно, есть подтверждения тому, что и после 1687 года Витсен продолжал уточнять карту. На рубеже XVII–XVIII веков он изготовил ее новую версию и в конце жизни работал над третьим, окончательным вариантом, который не закончил. Сохранилось всего девять экземпляров обоих изданий карты, что дает основания предполагать, что Витсен не выпустил свою карту в продажу¹³. То же самое произошло и с его книгой. Издания 1692 и 1705 гг. были напечатаны, но в книжную торговлю, насколько известно, не поступили.

Может быть, Витсен не опубликовал окончательные версии карты и книги, потому что хотел сохранить возможность дополнять информацию и, где нужно, исправлять ошибки? Несомненно, это была важная, но не единственная причина. Пока Витсен был в расцвете сил, его многочисленные политические обязанности, которые он исполнял добросовестно и аккуратно, не давали ему возможности полностью посвятить себя любимым научным занятиям. В старости же научные увлечения стали для него слишком обременительны. В 1709 году он написал своему другу по переписке Гейсберту Куперу (Gijssbert Super), что Петр I лично поощрял его завершить книгу.

Это оказывало на Витсена сильное давление, так как он чувствовал себя обязанным предоставить царю конечный результат для одобрения. Кроме этого, Витсен страдал от приступов депрессии¹⁴, и на склоне лет ему стоило все больших усилий концентрироваться на исследовании Тартарии¹⁵.

Однако недостатки *Северной и Восточной Тартарии* нельзя объяснять только слабостями преклонного возраста автора. Важно отметить, что Витсен был ярким представителем своего времени, когда ученые и любители путем собирания всевозможных предметов пытались установить, какие факты имели значение для понимания природы и мира. Он жил в эпоху «кабинетов редкостей» и у себя дома хранил обширную и известную среди современников коллекцию разных вещей. *Северную и Восточную Тартарию*, как и книгу Витсена о кораблестроении, следует воспринимать именно как такую коллекцию, «кабинет редкостей» в печатном виде, а не логически обоснованное научное исследование или литературное произведение. Современному читателю сразу бросятся в глаза такие недочеты содержания и редактирования, как пространный текст, отсутствие четкой структуры и довольно корявый стиль, не столь редкие для литературы XVII столетия. Так, например, ученый и друг Витсена Купер еще больше испытывает терпение современного читателя особенностями своего письма. Кроме этого, Витсен имел еще одну вескую причину не слишком заботиться о форме и представлять различный материал, на котором он основывал свою книгу, по возможности в необработанном виде. Изначально *Северная и Восточная Тартария* задумывалась как подробное пояснение к появившейся ранее карте. Так как Тартария была обширной и малоизвестной областью, невозможно было быть уверенным в верности любого сообщения о ней. Поэтому в *Северную и Восточную Тартарию* Витсен старался включить как можно больше источников. Сравнивая эти, часто противоречивые, рассказы друг с другом и с картой, читатель мог составить собственное представление о предмете речи. Правдивое же знание о Тартарии могло быть сформировано только будущими путешественниками, которые могли проверить на месте точность сведений, предложенных в книге и на карте. Таким образом, *Северная и Восточная Тартария* предполагалась именно как компилятивная работа, основанная на большом количестве самых разнообразных сведений. В издании 1705 года в некоторых главах использованы подчас десятки различных источников¹⁶.

Специфика *Северной и Восточной Тартарии* – следствие природы и цели этой книги, а также характера автора и сопровождавших его

Caerte van't Noorderste Rus

[Фрагмент карты русского севера И. Массы (1609).]

Samojedèn, ende Tingoesen Landt

жизненных обстоятельств, о которых имеет смысл рассказать подробнее. В сохранившихся письмах, посвященных политическим вопросам, Витсен предстает крайне осторожным человеком. Эта особенность характера была необходима Витсену-политику, чтобы действовать и ориентироваться в очень сложных отношениях, которые складывались в Европе и Республике Нидерландов¹⁷. В научных занятиях он стремился к совершенству своих пространственных работ и проявлял не меньшую осторожность, чем на дипломатическом поприще. Одним из исключений является его описание поездки в Россию в 1664–1665 гг. В нем молодой Витсен изложил свои впечатления в непосредственной и живой манере. Эти личные записки читаются лучше, чем *Северная и Восточная Тартария*, но для публикации они предназначены не были¹⁸.

Взявшись за науку, Витсен утратил непосредственность. Это обнаружилось, когда после пребывания в Москве, еще до начала политической карьеры, он написал книгу о кораблестроении, которую опубликовал в 1671 году, будучи 30 лет от роду. Даже в Нидерландах, на тот момент ведущей морской державе, труд молодого Витсена стал первым значительным исследованием на эту тему. Эта объемная книга явилась кладезем фактических сведений, но до сих пор имеет дурную славу из-за сумбурной манеры изложения и тяжеловесности стиля. Она обнаруживает те же достоинства и те же недостатки, что и *Северная и Восточная Тартария*¹⁹.

Витсен осознавал, что его книга о кораблестроении была далека от совершенства. Девятнадцать лет спустя, в 1690 году, он предпринял попытку подготовить второе издание, дополненное всевозможными новыми данными и с улучшенной структурой текста. Однако и в этом случае завершить книгу ему не удалось. Если первое издание продавалось в книжных магазинах²⁰, то второе издание так и не попало в продажу. Через три года после выхода в свет второго издания, автор добавил к нему еще тридцать две страницы и даже заказал новые формы для изготовления иллюстраций²¹. С книгой *Северная и Восточная Тартария* вышло нечто подобное, но с одним важным отличием. Ее первое издание 1692 года было не только меньше по объему, но и значительно «читабельнее», чем издание 1705 года. Позднее Витсен отошел от первоначального замысла: во второе издание он стремился вместить как можно большее количество сведений, отчего пострадала обзорность книги в целом. Возможно, позднее автор получил дополнительный материал, но добавить его в книгу и одновременно хорошо её отредактировать, сделать более удобной для чтения, ему уже не удалось²².

Таким образом, при жизни Витсен так и не опубликовал окончательную версию своей большой карты и обеих книг. Разумеется, профессиональный автор или картограф не мог бы столь долго медлить с публикацией своей работы, потому что в таком случае он не заработал бы ни цента. Витсен мог себе это позволить, так как был очень состоятельным человеком. Это «писакам» следовало уметь продавать свои книги и заботиться о привлекательности стиля и внятности изложения. Витсен мог не задумываться о желаниях как можно большего количества потенциальных покупателей. Его привлекала не денежная прибыль, а слава. Коллекционирование предметов искусства и редкостей, научная работа были занятиями, благодаря которым часть богатых голландских патрициев стремилась обрести большой почет²³. Витсен с немалым прилежанием и страстью занимался коллекционированием: сбором сведений о еще мало изученных областях мира.

Между карьерой Витсена как государственного деятеля и его занятиями коллекционера обнаруживается много сходства. При жизни Витсена Нидерланды были республикой, где большим влиянием пользовались как город Амстердам, так и статхаудер Вильям III. Продолжительный конфликт между городом и принцем Оранским мог иметь катастрофические последствия для страны. Основной политической ролью Витсена было посредничество между королем-статхаудером и амстердамскими регентами. Он не был амбициозным политиком, использующим власть в собственных интересах или стремившимся реализовать только свои идеи. Н. Витсен был талантливым посредником, который мог сблизить противоборствующие партии, потому что стремился понять аргументы всех причастных сторон. Также и в науке он желал принести пользу, прежде всего, путем сбора фактов, сведений, мнений и предметов. Как ученый, он был, прежде всего, коллекционером, а не аналитиком, стремившимся к более глубокому пониманию исследуемых предметов и явлений.

Витсен-ученый не пытался блистать ослепительными идеями и скептически относился к тем в своем окружении, кто едва посвящал себя общественным интересам и использовал власть и богатство исключительно для того, чтобы преумножить благосостояние²⁴. Вероятно, он считал, что высокое общественное положение обязывало его стремиться к максимальному результату и в науке. Именно поэтому он продолжал собирать новую информацию, которая могла бы дополнить или улучшить уже имеющийся у него материал. В 1705 году Витсен завершил второе издание *Северной и Восточной Тарта-*

рии словами *Soli Deo Gloria* (Слава предназначена лишь для Бога). Принципиально бесконечный научный поиск истины имел для него и религиозный смысл. Чем больше человек знал о природе и мире, тем сильнее было его восхищение и уважение к божьему творению, поэтому поспешность с публикацией результатов исследования ради личного честолюбия – от лукавого.

IV. Самоцензура

Осторожность Витсена и его стремление к совершенству объяснялись и другими причинами. Он рано осознал, что даже столь, на первый взгляд, невинные научные увлечения были не лишены политического риска. В некоторых дошедших до наших дней экземплярах первого издания его книги о кораблестроении пропущен ряд фрагментов и даже удалены целые страницы. В то же время в других сохранившихся экземплярах мы находим критические замечания молодого Витсена о действиях англичан во время второй морской войны с Нидерландами в 1665–1667 гг. Вероятно, эти купюры были сделаны по просьбе властей, так как в 1671 году республика находилась накануне третьей войны с Англией²⁵.

Неожиданные и серьезные последствия имело письмо о возможности северно-восточного пути в юго-восточную Азию через Северный Ледовитый океан, которое Витсен послал жившему в Англии филологу и библиофилу Исааку Воссиусу (Isaac Vossius). В нем он писал, что согласно русским сообщениям Новая Земля являлась частью материка. Те же русские считали, что до Японии можно добраться быстрее, если плыть вдоль Новой Земли с северной стороны²⁶. Позднее Витсен признавался, что поначалу он разделял мнение о том, что Новая Земля – полуостров. Однако он никогда не уверял, что северо-восточный проход морем в Азию был возможен на практике. Воссиус, которому Витсен не слишком доверял, перевел полученное письмо на английский, изменив при этом несколько его содержание, в результате чего создалось впечатление, что автор письма верил в существование более короткого морского пути в Японию. В таком виде письмо Витсена с приложением карты Новой Земли, было опубликовано в марте 1674 года в *Philosophical Transactions* (Философские труды), очень авторитетном бюллетене *Royal Society* (Королевское общество). В декабре 1674 и октябре 1675 гг. в нем появились две другие статьи, допускавшие возможность северо-восточного прохода в Японию и Китай²⁷.

На основании этого в 1676 году король Карл II принял решение

послать на север экспедицию в составе двух кораблей. Корабль *The Speedwell*, оплаченный королем, был полностью разрушен льдами у Новой Земли. Два члена команды утонули, остальные были взяты на борт второго корабля, финансируемого английскими купцами. Крушение корабля положило конец попыткам англичан найти более короткий путь в юго-восточную Азию через северо-восток²⁸. Провал экспедиции Витсен принял близко к сердцу и попробовал снять с себя любые возможные обвинения. Посетив Англию в 1689 году в качестве посла, он в разговоре с Воссюсом призвал того к ответственности. Можно предположить, что Витсен защищал себя в кругах *Королевского общества*, членом которого он стал в том же 1689 году. Известно, что он взял с собой в Англию несколько экземпляров большой карты Тартарии, а на ней Новая Земля ясно обозначена как остров²⁹. На этом неудачном происшествии он подробно остановился и в *Северной и Восточной Тартарии*³⁰. Однако все эти оборонительные действия не избавили Витсена от упреков. Спустя триста лет американский историк Карол Урнесс (Carol Urness) все еще проводила прямую связь между научными гипотезами Витсена и злополучной экспедицией 1676 года³¹.

Существует много указаний на то, что Витсен сознательно утаивал в *Северной и Восточной Тартарии* политически щекотливую информацию. Так, в главе о Корее он сообщал, что члены команды голландского корабля *De Sperwer* (*Ястреб*) в 1653 году встретили в этой стране некоего Велтефрея (Weltevree). Это был голландец, который, как написал Витсен, в 1627 году покинул голландское судно, подошедшее к берегу за пресной водой³². Таким образом, создается впечатление, что в Корее Велтефрей был оставлен голландским кораблем по недоразумению. Однако голландские моряки оказались в плену у корейских властей после того, как их высадила на берег команда китайской джонки: голландцы сначала захватили это судно, но во время шторма китайцы отвоевали его³³. Трудно поверить в то, что Витсен этого не знал. Он широко использовал отчет, написанный бухгалтером корабля *De Sperwer* для руководства Объединенной Ост-Индской компании. Наряду с этим он подробно расспросил двух моряков, участвовавших в корейской авантюре³⁴. Возможно, Витсен считал нежелательным публично сообщать о том, что персонал ОИК повинен в пиратстве.

Вот другой пример, который свидетельствует о том, как политическая осторожность стала причиной частичного замалчивания информации в *Северной и Восточной Тартарии*. Он касается известной экспедиции Маартена Герритсона Фриза (Maarten Gerritszoon

[Карта Тартарии К. Алларда (1696)
основана на карте Витсена 1687 года.]

AMPLISSIMI VERI D^{NI} NICOLAI WITSEN, Cos: AMST:
L. auctum, et in lucem editum a CAROLO ALLARD, Amft: Bat:
in *Rehanda et Westphalia*

Vries) в 1643 году, помимо прочего и на Курильские острова³⁵. Витсен основательно углубился в детали этого путешествия и к тому же почерпнул дополнительные сведения из письменных источников, которые позже были утеряны. Экспедиция Фриза упоминается в нескольких фрагментах *Северной и Восточной Тартарии*, и наиболее подробно – в главе о Йессо, неизвестной в то время области к северу от Японии. Там написано:

«Несколько матросов этих кораблей вышли на берег Японии и их привели ко двору в качестве пленных. Японские господа допрашивали их по многим вопросам»³⁶.

Учитывая, что в то время Япония была полностью закрыта для европейцев, речь шла о драматическом и деликатном инциденте в голландско-японских отношениях. В то время торговать с Японией могли только голландцы, но исключительно через особое поселение в Нагасаки. Голландским морякам было запрещено сходить на японский берег в других местах. Витсен не сообщает, что моряки с корабля *Castricum*³⁷ позволили заманить себя в ловушку в бухте Ямада (на северо-восточном побережье Хонсю). Они не устояли перед обольщениями проституток из храма, и тем самым дали повод местным властям взять их в плен³⁸.

Изменившееся отношение Витсена к русским также обнаруживает одну из форм самоцензуры в *Северной и Восточной Тартарии*. Будучи в 1664–1665 гг. ещё молодым человеком, он стремился непредвзято осмотреть все в Московии, но, естественно, был несвободен от господствовавших тогда в Западной Европе предрассудков относительно русских. В своем московском дневнике он высказывается о них подчас крайне пренебрежительно. По мнению А. Клуйвера (А. Kluiver), который в 1895 году первым изучил рассказ Витсена о путешествии в Московию, склонность автора к резким суждениям была следствием юношеской неопытности: «Как человек, подобный Витсену, который почти не путешествовал и, помимо родного языка, выучил только латынь, мог быть беспристрастным судьей?»³⁹ Действительно, есть ряд свидетельств, указывающих на то, что в дальнейшем Витсен судил о русских с большими нюансами и был в состоянии понять их взгляды и мнения по определенным вопросам. Однако поразительно, как Витсен, который в своей книге не скрывал неприязни к нерусским народам, считая их вслед за используемыми источниками примитивными и нецивилизованными, все же боялся открыто критиковать русских. Подчас он даже

опускал определенные сведения, встречающиеся в его источниках, что обнаруживается, например, в обработке Витсеном одного рассказа, принадлежащего Исааку Массе (Isaac Massa). Этот голландский купец, дипломат, картограф и историк во время пребывания в Московии в начале XVII столетия перевел русские сообщения о завоевании Сибири. Оригиналы были утеряны, но до этого их в 1612 году опубликовал в Амстердаме картограф Гессель Геритц (Hessel Gerritsz). Довольно своенравный Масса добавил к переводам личные наблюдения. Он писал, например, что всякий, кто в России добился успеха в какой-либо области, должен был поддерживать хорошие связи с двором в Москве, иначе придворные будут завистливо третировать такого человека, обманывать, дурачить и притеснять. Витсен использовал большую часть рассказа Массы, но подобные фрагменты оставил в стороне⁴⁰.

Аналогичный пример можно привести, говоря о том, как Витсен описывал ситуацию, сложившуюся в областях, где проживали монголы незадолго до подписания Нерчинского договора в 1689 году. Этот документ впервые установил границу между Китаем и Россией. В то время и китайцы, и русские стремились окончательно подчинить своей власти монгольские племена в пограничных областях. Разумеется, Витсен не мог закрыть глаза на насилие, которым сопровождалось покорение Сибири и граничащих с ней земель, но он предпочел изобразить русскую экспансию как сравнительно рациональный и необратимый процесс, в котором русские проявили себя в целом смело и великодушно.

О монголах, часть которых в то время находилась в сфере русского влияния, Витсен сообщал, что большинство из них принимало власть царя добровольно. Он писал, например, что Ф. А. Головин, представитель царя, заключил договор о «вечном мире» с некоторыми местными князьями. Те получили подарки от Головина и в будущем должны были платить всего лишь незначительную дань в обмен на русскую защиту. Однако Статейный список, который поручил составить Головин и который Витсен позднее использовал как источник в *Северной и Восточной Тартарии*, описывает положение дел в значительно менее радужных тонах. Из него явствует, что некоторые монгольские князья отказывались подписывать договор с русскими, другие его подписали, но воспринимали как форму сотрудничества с Россией, а не как окончательную потерю политической независимости⁴¹.

Осторожность Витсена была продиктована не только лучшим пониманием русской действительности, но и политическими сооб-

ражениями. Чувствительность русского правительства к западной критике регулярно упоминалась в рассказах европейских путешественников в Московию XVII столетия, в том числе, самого Витсена. Помимо того, Витсен получал из России все новые, многочисленные и детальные сведения о ранее неизвестных землях. Существовала вероятность, что русское правительство в какой-то момент решит засекретить подобную информацию и запретить ее публикацию за рубежом⁴². Поэтому Витсен не хотел, чтобы *Северная и Восточная Тартария*, которая, кстати говоря, была посвящена лично царю, вызвала какое-либо раздражение со стороны русских. Это могло очень навредить голландско-русским связям, в которых он играл одну из главных ролей. Хотя во времена Витсена в экономическом и политическом смысле Нидерланды имели для России большее значение, чем наоборот, республика очень стремилась к хорошим отношениям с российским государством. Без содействия Москвы Нидерландам было бы значительно труднее блюсти свои интересы в районе Балтийского моря. Особенно в крепких связях с Россией был заинтересован Амстердам. Из-за ухудшения отношений голландские купцы, торговавшие в России, могли понести значительный экономический ущерб, а русские информанты Витсена – оказаться в большой опасности. Но автор *Северной и Восточной Тартарии* обделил бы и себя, потеряв доверие русских властей и утратив доступ к информации из России, поэтому осторожность была необходима.

V. Путешествие в Московию

Когда Витсен, двадцатичетырехлетний юрист, только что защитивший диссертацию, в 1664 году поехал в Россию, его мало что связывало с этой страной. Витсены не принадлежали к тем амстердамским купеческим династиям, которые специализировались на торговле с Россией, хотя некоторые из предков Николааса и были от случая к случаю причастны к этому⁴³. Его отец, Корнелис Витсен, действовал преимущественно как один из правителей Амстердама и Республики. Однако он занимался не только внутренней политикой. В качестве одного из директоров Вест-индской Компании (*West-Indische Compagnie*) он участвовал в торговле и экспедициях судов в Америку. Достаточно обширная библиотека и коллекция редкостей Корнелиса Витсена содержала довольно много книг и изобразительного материала о кораблестроении и чужеземных странах и народах⁴⁴.

Интерес к этим вопросам Николаас унаследовал от своего отца⁴⁵, но внимание к ним стимулировали и другие люди. Его двоюродный дед служил консулом в Алеппо. На Ближнем Востоке его секретарем был востоковед Якоб Гоол (Голиус), который позднее преподавал восточные языки в Лейденском университете, и Николаас Витсен, будучи студентом, посещал его лекции. Позднее он писал, что получил от Голиуса «основательное образование по восточным странам»⁴⁶. Когда вскоре после защиты диссертации Николааса пригласили для участия в посольстве в Московию, его учитель дал ему своего рода вопросник об этой стране. Голиус, помимо прочего, интересовался сохранившимися старинными русскими хрониками, протяженностью страны на восток, наличием месторождений металлов и системой мер и весов⁴⁷.

Путевой дневник Витсена показывает, что в Московии он проявлял умеренный интерес к проблемам посольства, главной задачей которого было содействие торговым интересам Нидерландов. Свое пребывание он использовал преимущественно для того, чтобы больше узнать о государстве Российском и о землях к югу и востоку от него. Втайне и вопреки воле властей он посетил изгнанного из Москвы патриарха Никона. Голландского купца Яна ван Свейдена (Jan van Sweeden) он расспрашивал о землях за Уралом⁴⁸. Пообщался с самоедами и ногайским татаринном, провел долгую беседу с калмыцким князем Джалбоем, находившимся в Кремле в качестве заложника⁴⁹. Он несколько раз встречался с бывавшим в Москве митрополитом Газы, православным прелатом с Ближнего Востока. Он посетил торговавшего в Персии русского купца Кирилова и торговавших в России персов⁵⁰. Он также говорил с высокопоставленными чиновниками Посольского приказа, одним из которых был Л. Т. Голосов, знавший латынь и выразивший готовность поддерживать переписку с Витсеном после отъезда голландского посольства из Москвы⁵¹.

Можно предположить, что в Москве Витсен больше всего контактировал с человеком, которого, что особенно поразительно, он ни разу не называет по имени. Речь идет о его ровеснике и родственнике Андрее Андреевиче Виниусе (Andries Andriesz. Winius, 1641–1717), который в 1665 году, во время пребывания голландского посольства в Москве, устно и письменно переводил с голландского языка для русского двора. Оба молодых человека происходили из состоятельных семей, получили хорошее образование, любили рисовать, интересовались книгами, изобразительным искусством, картографией и другими науками. Мать Виниуса была в родстве с

ст. мет. Lang. Saam. Sonder. Loeuw,

[Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета. Рукописная подпись: *вол с длинной шерстью и без рогов.*]

семьей Витсенов. Его отец был голландским купцом, навсегда обосновавшимся в России и в 1646 году принявшим православие⁵².

Андрей Андреевич Виниус был одним из видных русских дипломатов и оказался в верхах русской государственной власти после получения дворянства и назначения в 1675 году государственным почтмейстером. Занимая высокий пост в дипломатическом аппарате и управлении Сибирью, он принадлежал к группе наиболее осведомленных людей России. Около 1670 года Виниус сам изготовил карту Сибири и позднее активнейшим образом участвовал в попытках нанесения этой огромной области на карту⁵³. Возможно, в 1667 году Витсен вернулся из России домой с материалами по истории, полученными благодаря посредничеству Виниуса, такими, например, как описание путешествия русского посланника Байкова, ездившего в Китай в 1653 году и карта Каспийского моря⁵⁴.

После возвращения из Московии Витсен дополнил свой путевой дневник *Записками о случившемся со мной во время моего московского путешествия (Aentekeningen van saeken mij voorgekomen op tyn Moscovise reyse)*, которые, среди прочего, содержали ответы на вопросы Голиуса. Эти записки, завершенные в 1669 году и составляющие в печатном виде около ста страниц, – первая попытка Витсена написать систематическое исследование о России⁵⁵. Так как при этом он уделял много внимания и нерусским подданным и землям царя, *Записки* являются наброском к *Северной и Восточной Тартарии*. Это касается и большой карты 1687 года, так как в *Записках* Витсен подробно изложил комментарий голландского шкипера Геррита Клаассена (Gerrit Claessen) к картам России Гесселя Геритца и Исаака Массы 1613 и 1635 гг.

Свои *Записки* Витсен закончил комментарием к голландскому изданию очень известной в то время книги, которую голштинец Адам Олеарий (Adam Olearius) написал в начале XVII столетия о путешествии в Россию и Персию. Эти *Mistellinge* А. Олеария, чье название в переводе означает «ошибки, просчеты», были, как писал Витсен, вручены ему «крещеным русским». Возможно, он имел в виду не русского, ставшего католиком или протестантом, а обратившегося в православие и, таким образом, ставшего русским, голландца⁵⁶. Можно предположить, что он имел в виду Виниуса, и упомянутый комментарий достиг Витсена лишь в 1669 году, спустя четыре года после возвращения из Москвы⁵⁷. Возможно, А. А. Виниус, отправившийся в 1672 году с дипломатической миссией в Западную Европу, в том же году посетил и Республику. Однако неизвестно, встретился ли он тогда с Витсеном. Позднее, будучи

почтмейстером России, Виниус, вне всякого сомнения, имел возможность поддерживать регулярную и конфиденциальную переписку с Витсенем. Вероятно, именно он наладил контакт Витсена с находившимися в России экспертами по Сибири и Китаю, такими, как хорват Крижанич⁵⁸ и румын Милеску (Спафарий)⁵⁹.

VI. Другие контакты

Однако Витсен не был полностью зависим от А. А. Виниуса. В Московии находились и другие информанты, например, Станислав Антонович Лапуцкий, придворный художник царя Алексея Михайловича. Кроме того, Витсен получал информацию и от голландцев, которые торговали в России или находились на службе у российского государства. В *Северной и Восточной Тартарии* Витсен редко указывает этих своих информантов по имени. Так, например, на странице 560 мы читаем:

«18 лет назад, в 1669 году⁶⁰, когда город Астрахань подвергся нападению Стеньки Разина, к дагестанским берегам убежали несколько голландских матросов, которые находились на службе у их Царских Величеств, для плаванья по Каспийскому морю, и которые там почти все были проданы в рабство. Князь в Бойнаке изнасиловал в присутствии мужа и многих других нидерландскую женщину, которую оставил себе в наложницах».

На полях Витсен прибавил: «Эта женщина так прижилась там, что впоследствии не захотела быть оттуда освобожденной. Я ее знал в Москве в 1666 году»⁶¹. Имя этой женщины – Маритье Янс (Maritje Jans) – упоминается только в сообщениях других голландцев: Яна Стрейса (Jan Struys) и Людовика Фабрициуса (Lodewijk Fabritius), которые оставили записи о своих увлекательных приключениях во время восстания Степана Разина. Витсен был с ними знаком и использовал полученную от них информацию в *Северной и Восточной Тартарии*, однако, имен не указал, хотя о Разине и области, где произошло восстание, говорится несколько раз. Маритье была женой Корнелиса Брака (Cornelis Brak), который, как и Стрейс, был членом команды *Орла*, первого военного корабля в России, который построили голландцы; они же составили его команду. Позднее он ходил в поход по Волге против восставших казаков⁶². Книга Стрейса о его путешествиях была посвящена Николаасу Витсену и пользовалась огромным успехом⁶³.

Людовик Фабрициус, голландский офицер на русской службе, был старым другом Витсена. Он тоже принимал участие в сражениях против Разина, был взят в плен и продан в рабство. В конце концов, он вернул себе свободу и смог вернуться в Москву, но в 1677 году покинул русскую армию и уехал в Швецию. В 1679–1682, 1683–1688 и 1697–1700 гг. он приезжал в Россию и Персию в качестве шведского посла. Записки Фабрициуса о восстании Разина и этих посольских поездках были опубликованы на шведском языке лишь после его смерти⁶⁴.

Фабрициус обещал Витсену поделиться с ним впечатлениями о своих путешествиях. Однако автором большинства писем, которые получил Витсен, был немецкий врач Энгельберт Кемпфер, сопровождавший Фабрициуса в качестве секретаря во время его второй поездки в Персию⁶⁵. Витсен использовал полученные от Кемпфера сведения в *Северной и Восточной Тартарии* и при этом указал имя информанта. Например, он сообщил, что карта нижнего течения Волги в издании 1705 года составлена на основе информации, предоставленной Кемпфером⁶⁶. Кроме того, полученные от Кемпфера данные он использовал при обсуждении ряда вопросов о России, постановку которых в западной литературе Витсен считал спорной и критиковал в своих *Записках* уже десятилетие назад. Сомнения вызывал, к примеру, указанный на карте Массы канал между Доном и Волгой. Дискуссии велись и о причине горько-соленого вкуса воды в Каспийском море, и о баранце (или скифском агнце), полурастении-полуживотном, якобы водившемся в России⁶⁷. Кемпфер провел несколько лет в Персии. Затем, отчасти благодаря Витсену, он поступил на службу в ОИК. После пребывания в Батавии (современная Джакарта) он перешел в голландскую торговую миссию в Нагасаки, где стал одним из первых знатоков Японии. Кемпфер сообщал Витсену информацию и о Японии⁶⁸.

VII. Регентство Софьи

В предисловии к *Северной и Восточной Тартарии* Витсен упоминает одного голландца, которому выражает признательность за важный вклад в создание книги. Этим человеком был барон Ван Келлер, с 1676 года представитель республики Нидерландов в Москве. Однако в тексте самой книги Ван Келлер не упоминается ни разу, если не считать его довольно незначительное сообщение на полстраницы о народах, проживающих в районе Каспийского моря⁶⁹. Можно предположить, что он предоставил и другие сведения, но, более

[*Nertzinskoy in het Lantschap Dauria* [Город Нерчинской (Нерчинск) в Даурии].
Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1705 г. библиотеки Амстердамского университета.]

вероятно, что Витсен хотел отблагодарить Ван Келлера за множество услуг, которые он оказал или мог оказать не только в области науки. Ван Келлер был активным, умелым и отлично информированным дипломатом, который при необходимости подкупал русских чиновников, чтобы получить достоверную информацию. Он имел легкий доступ в Посольский приказ, возможно, не в последнюю очередь благодаря Виниусу. За информацией и советами к нему регулярно обращалось и российское правительство⁷⁰. Так как постоянный представитель России появился в Голландии лишь после 1699 года, Витсен иногда выступал посредником между этими странами или защищал интересы России в республике Нидерландов.

Это произошло, например, в 1687 году. Россия, которой тогда управляла царевна Софья, регентша при царях Иване и Петре, вступила в Священную Лигу и готовилась к походу против крымских татар, вассалов турецкого султана. Нидерланды были заинтересованы в том, чтобы перенаправить внешнюю политику Москвы с прибалтийских земель на южные приграничные области. В Москве Ван Келлер активно поддерживал эту политику. Русские посланники, отправившиеся на Запад, не смогли заручиться дипломатической или финансовой поддержкой антитурецкого курса Софьи и ее фаворита В. В. Голицына. В Гааге многочисленные требования русского посланника В. Т. Посникова произвели на принимающую сторону столь негативное впечатление, что ему было отказано не только в аудиенции, но и в оплате пребывания. Членов нидерландских Генеральных Штатов русские посланники нередко воспринимали как подчиненных, практически, слуг принца Оранского и относились к ним, соответственно, не выказывая должного почтения. Витсен, в тот период представитель Амстердама в Гааге, понимал, что подобные недоразумения могли навредить торговым отношениям с Россией. О Посникове он писал: «Возможно, верно, что этот Господин Посланник вел себя очень дурно, однако, позже он с удвоенной вежливостью исправил ситуацию; русские подчас бывают несколько дерзкими. Он является вице-канцлером в секретариате по делам иностранцев, поэтому, думается мне, нельзя полностью пренебрегать им»⁷¹. Благодаря Витсену, Генеральные Штаты приняли Посникова, и его расходы были оплачены, но Гаага так и не предоставила России субсидию или займ. Впоследствии Витсен попробовал оказать русскому правительству финансовую помощь через деловые круги Амстердама. В конце концов, по настоянию Витсена и Ван Келлера, займы России предоставили несколько голландских купцов в обмен на определенные торговые привилегии⁷². Военный

поход против турок должен был, помимо прочего, укрепить престиж Софьи как правительницы России. Несмотря на то, что в Крыму Голицын фактически потерпел поражение, Ван Келлер помог составить о действиях русских войск благоприятные отчеты на латыни, немецком и французском языках. Эти сообщения были опубликованы в Амстердаме. Рисунок, изображавший военный лагерь Голицына в Крыму, который Витсен затем поместил в своей *Северной и Восточной Тартарии*⁷³, также может быть частью этой пропагандистской кампании.

К этому же периоду относится участие Витсена и в другой акции в пользу регентши, куда его привлек А. А. Виниус, возможно, действующий с подачи боярина Ф. Л. Шакловитого, важнейшего (после Голицына) сподвижника Софьи и главы Стрелецкого приказа. Украинский гравер Леонтий Тарасевич выполнил портрет Софьи, на котором она изображена как настоящая правящая царица: в короне, со скипетром и державой на фоне двуглавого орла. А. Виниус привез или отправил этот портрет в Нидерланды. Впоследствии Витсен заказал голландскому художнику Абрахаму Блотелингу (Abraham Bloteling) версию этого портрета в западном стиле, «чтобы эта великая полновластная женщина прославилась за морем»⁷⁴.

На гравюре Блотелинга Софья предстает с теми же атрибутами власти, но орел заменен аллегорическими изображениями добродетелей: справедливость, мудрость и целомудрие. Рисунок сопровождался стихами на латинском языке, в которых Софья сравнивалась с Семирамидой и английской королевой Елизаветой. Витсен отправил сто экземпляров этой гравюры А. Виниусу в Москву⁷⁵. Однако еще до того, как гравюры Блотелинга могли быть распространены, в сентябре 1689 года регентшу сместил ее семнадцатилетний сводный брат Петр I. Голландские гравюры с изображением Софьи были конфискованы и уничтожены. Софью отправили в монастырь, Голицына – в ссылку, а Шакловитого казнили. К счастью, царь Петр был благосклонен к голландцам, и Виниус лишился должности лишь на короткое время. Однако эти события наверняка научили как Виниуса, так и Витсена крайней осторожности.

VIII. Карта и книга

Первым результатом сотрудничества Витсена с Виниусом и другими информантами стала карта Тартарии. Эта *Новая Географическая Карта Северной и Восточной Части Азии и Европы* отличалась чрезвычайно большим форматом – 115 на 125 сантиметров. Изначально

она была выгравирована на шести отдельных листах, которые необходимо было склеивать друг с другом. На виньетке в правом углу указано, что карта выпущена в 1687 году, а виньетка в левом углу содержит посвящение царю Петру Алексеевичу. То есть, вопреки ожиданиям, не регентше Софьи или обоим царям – Петру и Ивану. С учетом того, что в том же 1687 году как Витсен, так и Виниус содействовали пропаганде власти Софьи, посвящение карты исключительно Петру выглядит непонятным. Можно предположить, что Витсену и Виниусу было очень важно заручиться согласием русского правительства на публикацию такой детальной карты. В предисловии к *Северной и Восточной Тартарии* Витсен сообщал, что для своей карты 1687 или 1688 года⁷⁶ получил «привилегию» от обеих царей. Получается, что это разрешение он попросил и получил еще во время правления Софьи. Несмотря на указанную дату – 1687 год – есть все основания предполагать, что мы имеем дело с более поздним вариантом карты. На ней, как справедливо указывали многие исследователи, обозначен остров, который шкипер Де Фламинг (De Vlaming) открыл и назвал в честь Витсена лишь в июле 1688 года⁷⁷. В 1689 году, вскоре после свержения Софьи, Виниус вошел в небольшой круг близких соратников Петра. Вскоре и Витсен смог из Нидерландов оказать царю немаловажные услуги. Возможно, они оба, и А. Виниус, и Н. Витсен, посчитали важным, чтобы новый правитель России лично одобрил эту крайне подробную карту.

По-видимому, еще один экземпляр карты Ван Келлер в 1690 году торжественно преподнес в Москве русскому правительству, то есть формально «царским величествам» Ивану и Петру. Возможно, эта карта отличалась от прежней, но все же маловероятно, что она уже была снабжена новой виньеткой с посвящением царю Петру⁷⁸. Вместе с картой Ван Келлер передал и письмо от Витсена о торговле с Востоком. Этот документ Витсен составил по поручению русского правительства, которое он, по всей вероятности, получил еще во время правления Софьи. Русским государственным деятелям он настоятельно рекомендовал установить контроль над Приамурьем, поскольку с точки зрения торговли этот регион обещал стать ключевым. Знать о том, что Приамурье только что уступили Китаю, он не мог, поскольку Головин, представлявший Россию на переговорах в Нерчинске, еще не вернулся в Москву.

В 1691 году Витсен (возможно, через Ван Келлера) получил от обеих царей благодарственную грамоту и предложение продолжить свои географические изыскания⁷⁹. Царская грамота предлагала Витсену торговые привилегии, но умалчивала о ситуации, сложившейся

на границе с Китаем. Позднее Витсен узнал об этом намного больше, но остался убежденным сторонником торговли с Китаем через Приамурье⁸⁰.

Еще в 1689 году Витсен привез в Англию несколько экземпляров своей карты Тартарии, однако, два года спустя, он, по всей видимости, отправил ее Королевскому Обществу повторно, поскольку именно к 1691 году относятся восторженные отзывы Роберта Саусвелла (Robert Southwell), главы этой организации. В лондонском научном журнале *Philosophical Transactions* Саусвелл описал карту Витсена как «открытие нового мира, подобное сделанному Колумбом». По словам Саусвелла, «каждому не терпелось узнать, благодаря какой магии Вы оказались способны создать такой труд»⁸¹. В 1692 году Витсен опубликовал высказывания Саусвелла в первом издании *Северной и Восточной Тартарии*. Кроме того, в предисловии к книге Витсен включил несколько положительных рецензий на свою карту, опубликованных ранее во французских журналах. Эти рецензии он дополнил хвалебными отзывами известных людей, к примеру, Хендрика ван Блейсвека (Hendrik van Bleijswijck), друга Витсена, бургомистра Делфта и одного из руководителей Объединенной Ост-Индской компании. В своем письме Ван Блейсвейк, как и многие другие, поражался тому, что Витсен, занимая большое количество важных постов в Нидерландах и за границей и прекрасно справляясь с возложенными на него обязанностями, находил время для таких трудоемких и требующих аккуратности занятий, как составление карты и сопровождающей ее книги⁸².

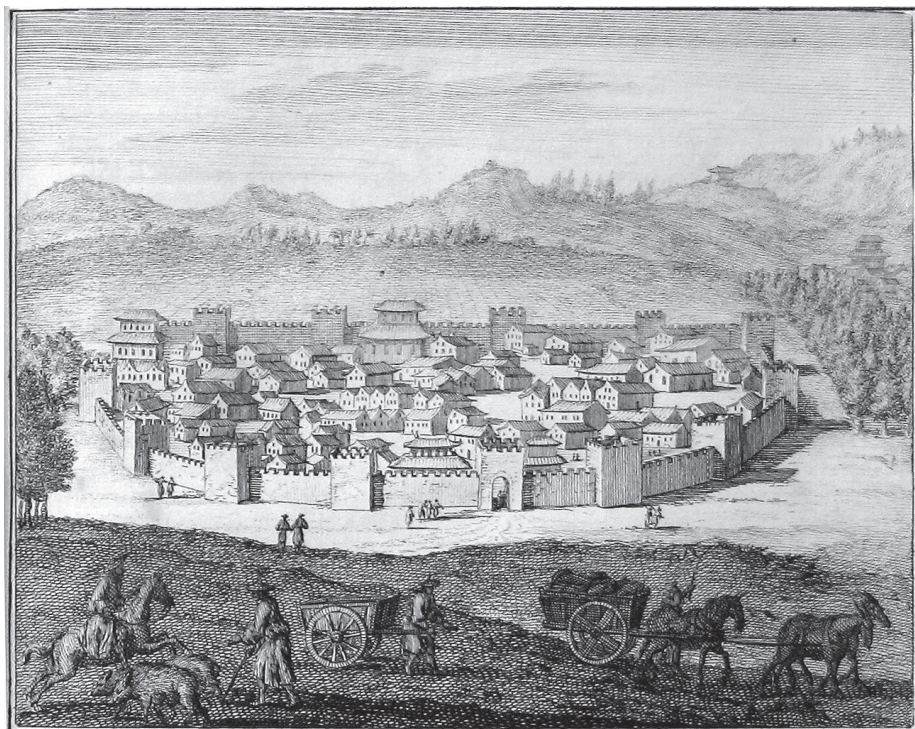
Достижения Витсена и в самом деле настолько поразительны, что возникает невольный вопрос: является ли он единственным автором карты и составителем книги о Тартарии? Разве нельзя предположить, что этот очень богатый регент, обремененный многочисленными политическими должностями, привлекал к работе помощников, так и оставшихся анонимными? Они могли копировать, конспектировать, переводить источники, а также перерабатывать их и подготавливать к изданию в книге⁸³. Если представить, что Витсену не хватало времени для того, чтобы отредактировать *Северную и Восточную Тартарию* должным образом, не этим ли объясняется ее корявый стиль и беспорядочная структура изложения (что в особенности относится ко второму изданию)⁸⁴?

В то же время нельзя недооценивать личный вклад Витсена в создание *Северной и Восточной Тартарии*. Его дом, как писал после смерти Витсена один из его почитателей, был «местом встречи путешественников, ученых и любознательных соотечественников и

иностранцев»⁸⁵. Здесь, конечно, не обошлось без преувеличения: Витсен часто покидал Амстердам по государственным делам. Но его заслуги по сбору самой разнообразной информации о Тартарии невозможно переоценить. Авторитетный комментарий, которым Витсен снабжал сведения, представленные в книге, а так же его письма к Куперу свидетельствуют о глубоких познаниях в этой обширной области знаний. Как было отмечено ранее, часть полученной информации Витсен считал деликатной и конфиденциальной. С этим связано его желание оставить за собой право решать, что войдет в книгу, а что – нет. Возможно, именно поэтому он не решился привлечь редактора со стороны даже в конце жизни⁸⁶. Вместе с тем, Витсен, наверняка, давал многочисленные поручения своим подчиненным: служащим и секретарям, о которых нам, к сожалению, ничего не известно⁸⁷.

Как уже было сказано ранее, мы далеко не всегда знаем, от кого именно Витсен получил те или иные сведения. Информация об источниках в *Северной и Восточной Тартарии* почти всегда ограничена, а часто и вовсе отсутствует. Исходный материал, который Витсен получил непосредственно от этих неназванных информантов, практически не сохранился, так что реконструировать их имена в большинстве случаев не представляется возможным⁸⁸. Однако масштабы его информационной сети были поистине впечатляющими. В ответе Саусвеллу в 1691 году Витсен слегка приподнял завесу над ней. Он писал, что двадцать восемь лет тому назад разговаривал в Москве не только с русскими, но и «со всякими тартарами»⁸⁹. Помимо того, пишет Витсен, «Я постоянно поддерживал переписку с Москвой, Астраханью, Грузией, Исфаханом, Польшей и Константинополем. Я ежегодно получал письма из Пекина [...]. Я собирал тома дневников и вахтенных журналов, которые содержат названия гор, рек, городов, а также большое количество набросков, мной самим систематизированных, которые описывают территории, уже упомянутые мной. На основании материалов этого фонда, который я собирал многие годы, сравнивал между собой и приводил в порядок упорно и непрерывно, и была сделана моя карта»⁹⁰.

Действительно, в первом издании *Северной и Восточной Тартарии* мы находим сообщения из вышеупомянутых мест. Из Москвы Витсен получил многочисленные известия о Сибири, а также два письма о Грузии, написанные князем Арчилом Багратиони⁹¹. Из Грузии поступили сообщения живших там европейцев о калмыках, узбеках и народах, обитавших в районе Каспийского моря⁹². Из Персии один армянин прислал информацию о Центральной Азии.

De stat ~~Galga~~ in sinu Xantunung

[*De stat Xantunung* [Город Ксантунунг в Китае]. Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

Можно предположить, что на месте с этим человеком разговаривал представитель ОИК⁹³. От польских дипломатов Витсен получил описания Персии и путешествия из Персии в Астрахань.

Мы уже говорили, что родственники Н. Витсена имели торговые и дипломатические контакты с Османской империей. Еще теснее с этой страной были связаны родственники его жены Катерины Ошпье (Catherina Nocherpied). Благодаря контактам семьи Ошпье, Витсен приобретал античные статуи, монеты, а также арабские рукописи о Центральной Азии, рассказы турецких моряков из Константинополя об Азовском море и сообщения других путешественников о Грузии и Мингрелии⁹⁴. Помимо этого, он имел прекрасные связи с иезуитами в Китае, которые использовали ОИК для контактов с Европой. В своей книге Н. Витсен поместил письма отца Фербиста (Verbiest) о том, как тот путешествовал с Китайским императором и сопровождал его за пределы Великой Стены, а также сообщения других путешественников о землях по берегам реки Амур, о Манчжурии, Сибири и Центральной Азии, также записанные иезуитами в Китае⁹⁵.

В предисловии к *Северной и Восточной Тартарии* Витсен ни разу впрямую не упоминает Батавию. Тем не менее, этот нидерландский город в Азии был важным узлом его информаторской сети. В этом же вступительном слове в числе людей, внесших значительный вклад в создание книги, Витсен упоминает не только Ван Келлера, но и Андреаса Клейера⁹⁶ и Херберта де Ягера, проживавших в Нидерландской Индии. И в самом деле, Витсен использовал длинное сообщение о Персии, которое Де Ягер прислал из Батавии в 1688 году⁹⁷. Можно предположить, что этот ученый, прекрасно владевший фарси, перевел для Витсена сообщение о позднесредневековом персидском посольстве в Китай и другие тексты, связанные с Персией⁹⁸. От Клейера Витсен получил кое-какие сведения о Корее и Японии. Несмотря на помощь, оказанную в сборе информации, в тексте *Северной и Восточной Тартарии* имена Де Ягера и Клейера мы встречаем лишь несколько раз. Упоминание их в предисловии можно также расценивать как дань дипломатической вежливости. Витсен понимал, что контакты с этими высокопоставленными представителями ОИК, которых он глубоко уважал за их интерес к науке, могут оказаться полезными и в будущем.

Из тех же соображений Витсен посвятил книгу обоим царям, а также сообщил в предисловии, что получил от них не только разрешение на создание большой карты, но и благодарственную грамоту за нее. Кроме того, Витсен подчеркнул, что в основу его работы

положены карты, составленные по указам первых двух Романовых. Он уверял, что извлек много пользы из деревянной карты Сибири, изготовленной по приказу «губернатора Петра Ивановича Лиондунова». Это сообщение крайне примечательно, поскольку именно эта карта, выполненная Ульяном Ремезовым в 1667 году по приказу воеводы П. Т. Годунова, была неплохо известна и ее копии имелись и у других европейцев. Зато Виниус, от которого Витсен получил куда более важную географическую информацию, не упомянут⁹⁹. Этот родственник Витсена вообще «забыт» в *Северной и Восточной Тартарии*. Вероятно, они оба предпочли из соображений безопасности не афишировать свое сотрудничество.

IX. Контакты с петровской Россией

В первые годы правления Петра I контакты с Витсеном имел не только Виниус. С ним общался и Франс Лефорт. Этот швейцарский офицер, завербованный в Нидерландах для военной службы в России, стал ближайшим соратником Петра I. В то время Лефорт все еще поддерживал тесные связи с Нидерландами и переписывался с Витсеном о судоходстве и кораблестроении. При посредничестве Витсена в Нидерландах был построен русский военный корабль *Св. Пророчество*, который восхищенный русский царь в 1694 году торжественно встретил в Архангельске. Неизвестно, получил ли Витсен, как было принято в то время, денежное вознаграждение за свое посредничество. Однако благодарность с русской стороны была столь велика, что в том же году сын Лефорта вручил Витсену в Амстердаме портрет Петра I, усыпанный алмазами¹⁰⁰.

Во время первой поездки царя за границу Лефорт был первым из трех уполномоченных послов, возглавлявших Великое Посольство 1697 года. В это Посольство входило более двухсот человек, среди них был и сам Петр I, выдававший себя за простого члена миссии. Виниус остался в России, но государь уже давно имел обыкновение, находясь за пределами Москвы, поддерживать интенсивную переписку со своим почтмейстером. 17 августа 1697 года Петр сообщил Виниусу, что Витсен подыскал ему подходящее жилье в Амстердаме¹⁰¹. Во время недельного пребывания в Заандаме стало ясно, что инкогнито не защищало царя от назойливого любопытства голландцев. В Амстердаме, на закрытой верфи ОИК, Петр мог без помех посвятить себя кораблестроению, а также принимать заграничных дипломатов, не привлекая к себе внимания.

Широко известно, что Витсен был гидом и советником царя в

Нидерландах¹⁰². Многие авторы, писавшие о пребывании Петра в Нидерландах, полагали, что царь регулярно беседовал с Витсеном о кораблестроении, картографии и Тартарии. В книге Витсена доказательств этому мы не находим, но Лейбницу он писал, что царь всегда был готов ответить на его вопросы, а в переписке с Гейсбертом Купером Витсен сообщал о беседе с царем о костях мамонта, найденных в Сибири¹⁰³. Среди членов Великого Посольства были выходцы из восточных областей России, и Витсен не упустил случай расспросить их о Тартарии. Такой вывод можно сделать, изучив второе издание его книги. Он с энтузиазмом описал танец двух черкесов, исполненный во время обеда у царя в Амстердаме¹⁰⁴. Он расспросил прислугу-калмыка из состава Посольства о его родном крае и употребляемых там языках¹⁰⁵. Свои познания о Грузии Витсен пополнил в беседах с грузинским князем Александром Багратиони, который с ранней юности дружил с царем Петром и входил в состав Великого Посольства. После отъезда Посольства Александр Багратиони еще какое-то время оставался в Нидерландах для завершения обучения у нидерландских артиллеристов. Очевидно, контакты Витсена с этим князем были довольно интенсивными, так как за свою добрую заботу об Александре Витсен получил благодарственное письмо от его отца, Арчила Багратиони. Это был не первый контакт с семьей Багратиони: еще раньше Витсен помог князю решить вопрос с изготовлением грузинских литер в Амстердаме. Вполне возможно, что длинный грузинско-голландский словарь в *Северной и Восточной Тартарии* был составлен также с помощью Александра Багратиони, но об этом Витсен ничего не сообщает¹⁰⁶.

Крайне полезными были отношения, которые Витсен поддерживал в 1697–1698 гг. с Ф. А. Головиным, вторым послом Великого Посольства, заключившим с Китаем Нерчинский договор в 1689 году и много знавшим о Сибири. Беседы с этим высокопоставленным вельможей в Амстердаме Витсен упоминает в книге более десяти раз¹⁰⁷. Головин подарил Витсену старинное серебряное блюдо, которое было найдено в одном из скифских курганов в Сибири. Он критиковал большую карту Витсена, предоставил информацию о протяженности Амура, старых рудниках в бассейне этой реки и о побережье Северного Ледовитого океана между устьями Лены и Енисея. На вопрос Витсена о существовании северо-восточного морского прохода Ф. А. Головин ответил, что русские пытались обогнуть северно-восточный угол Сибири из устья Енисея шесть или семь раз, но тщетно. Он предоставил Витсену список народов, которые встречал во время продвижения к китайским границам.

Afgoden Tempel jugangu.

[*Afgoden tempel Jugangu* (Храма Джуянгу, где стоят идолы). Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

Позднее Витсен вступил в переписку с Головиным, и тот, возможно, позволил своему голландскому корреспонденту использовать очень подробный статейный список, включавший, помимо прочего, информацию о переговорах, которые русский вельможа вел с монголами и китайцами в 1688–1689 гг. Витсен подробно цитировал его в различных фрагментах *Северной и Восточной Тартарии*.

После отбытия Великого Посольства Витсен отправил еще несколько писем царю, написанных в очень официальном стиле. Речь в них шла, однако, не о Тартарии¹⁰⁸. Нидерландский историк Схелтема полагал, что в 1705 году Петр I поручил доставить Витсену одежду и другие личные вещи мужчины, найденного мертвым в каяке в Северном Ледовитом океане¹⁰⁹. Высокопоставленные посланцы из России, посещавшие Нидерланды, также снабжали Витсена новой информацией о Тартарии. Так, например, Ф. С. Салтыков показывал Витсену эфес своей сабли, переплавленный из скифского серебряного украшения¹¹⁰. Этот дворянин рассказывал о костях мамонта, найденных им в Сибири, и уверял, что, отправившись морем вдоль северо-восточного побережья Сибири, можно действительно добраться до устья Амура и японских островов. Он также дал Витсену карту Сибири, которая, возможно, была изготовлена по поручению его отца¹¹¹.

С 1700 года Витсен поддерживал постоянные контакты с А. А. Матвеевым, русским послом в Нидерландах, считавшим амстердамского бургомистра своим «самым большим покровителем» и «единственным» и «крайне верным другом» России в Нидерландах. Действительно, Амстердам (во многом благодаря лично Витсену) поддерживал Россию секретными поставками оружия, в то время как официально Республика Нидерландов придерживалась нейтралитета в конфликте между Россией и Швецией. Встречи с Матвеевым (особенно в годы Северной войны) нередко носили политический характер, но в 1707 году Витсен не был переизбран на пост бургомистра Амстердама, и контакты стали менее интенсивными¹¹².

Тем временем в России А. А. Виниус практически полностью посвятил себя налаживанию производства как можно большего количества пушек. Однако контакты с Витсеном по вопросам географии и картографии не прекращались. Будучи главой Сибирского приказа, Виниус поручил Семену Ремезову составить атлас Сибири. Возможно, Виниус с Витсеном собирались напечатать атлас в Нидерландах, но, в конечном итоге, реализовать этот план не удалось¹¹³. Географические познания, особенно о Восточной Сибири,

увеличивались с поразительной быстротой. В предисловии ко второму изданию *Северной и Восточной Тартарии* Витсен писал, что «в некоторой степени» пересмотрел свою большую карту 1687 года, но эту новую версию он так и не опубликовал¹¹⁴. Тем не менее, в 1704 году он заказал *Новую карту российской империи (Nova Tabula Imperii Russici)* и добавил ее к иллюстрированному изданию путешествия И. Идеса, которое сам же и подготовил¹¹⁵.

В качестве русского посланника Исбрант Идес ездил с картой Витсена через Сибирь в Китай. Позже Н. Витсен писал: «Господин Исбрант использовал мою карту, он ездил с ней и ежедневно прикреплял ее к стенам своей палатки, однако, внес некоторые исправления, как он мне сообщил»¹¹⁶. Действительно, на пути в Китай Идес сделал ряд географических наблюдений и измерений, поэтому он смог указать на некоторые несоответствия карты Витсена. На титульной странице рассказа о поездке Идеса сообщалось, что прилагавшаяся «географическая карта нарисована верным образом послом на месте». На деле, *Новая карта [Nova Tabula]* являлась картой всей Тартарии, и невозможно представить, чтобы автором ее был один только Идес. Эта карта менее подробна, но охватывает большую область, чем карта Витсена 1687 года. Можно предположить, что карта Идеса-Витсена составлена с учетом новых идей Ремезова, которые попали к Витсену через А. А. Виниуса. Вместе с тем, улучшенная *Карта* была далеко не совершенной. Важную часть работы Витсен, что случалось нередко, перепоручил третьим лицам, в данном случае – амстердамским граверам, которые сохранили на *Карте* устаревшие картографические понятия¹¹⁷.

В 1703 году Виниус был обвинен в финансовой бесхозяйственности и впал у царя в немилость. Он лишился всех постов, на него был наложен высокий штраф, его недвижимость и библиотека были конфискованы. В 1705 году Витсен написал письмо Ф. А. Головину, в котором заступился за своего родственника. А. А. Виниус вернул себе царскую благосклонность, но в 1706 году снова осложнил свое положение, когда без разрешения царя покинул расположение русских войск у Гродно и отправился в Нидерланды. Пока он пребывал у Витсена в Амстердаме, в России его снова сместили со всех должностей, а имущество отписали в казну¹¹⁸. Виниус был воспитан в кальвинистском духе, но впоследствии принял православие. В Нидерландах он с помощью Витсена и одного голландского теолога изучил сходства и различия этих ветвей христианства, а так же рассмотрел возможности их воссоединения¹¹⁹.

Из Амстердама Виниус писал письма царю, а в 1708 году и Витсен

снова заступился за кузена, объяснив и оправдав его поведение в письме Петру I¹²⁰. В результате шестидесятисемилетний Виниус смог вернуться в Россию. Вероятно, с его багажом в Россию приехало второе издание *Северной и Восточной Тартарии*, в которое Виниус внес столь важный, но оставшийся неупомянутым вклад¹²¹. В Москве ему вернули собственность, восстановили в чинах, но важных постов Виниус больше не занимал, посвятив себя в основном переводческой работе. Он продолжал переписываться с Витсеном, таким же, как и он, стариком, практически отошедшим от дел. Витсен послал ему глобусы и прекрасно иллюстрированную книгу художника Корнелиса де Бруина (Cornelis de Buijn) о путешествии в Россию и Персию¹²². Некоторое отношение Виниус имел и к отправке Витсену изделий из драгоценных металлов, найденных в скифских курганах в Сибири¹²³. Кроме того, он продолжал посылать в Амстердам и географическую информацию о Тартарии. Но эти новые сведения, как мы знаем, Витсен уже не переработал и в новое издание книги не включил¹²⁴.

А. А. Виниус и Н. Витсен умерли в 1717 году. Согласно преданию, царь Петр посетил Витсена на смертном одре во время своей второй заграничной поездки. Две эти смерти обозначили важные перемены в голландско-русских отношениях. После победы под Полтавой Россия окончательно утвердила свой статус крупной евроазиатской державы и, благодаря освоению собственных рудников, строительству фабрик, вооружение российской армии больше не зависело от голландских поставщиков. Иностранная торговля переместилась из Архангельска в Санкт-Петербург, и голландцы утратили доминирующее положение. Уже во время визита Великого Посольства Нидерландская Республика клонилась к закату своего величия. В первой половине XVIII века она превратилась в европейское государство второго ранга. Однако Голландия оставалась важным финансовым центром, и голландские банкиры по-прежнему предоставляли России существенные займы. Карту и книгу Витсена все еще использовали при подготовке больших экспедиций, предпринимаемых в XVIII веке в Сибирь и Северо-Западную Америку под покровительством Академии наук, основанной Петром Великим. Однако эти экспедиции собрали столько новой достоверной информации, что третье издание *Северной и Восточной Тартарии*, вышедшее в 1785 году, оказалось сильно устаревшим.

Keijzers jaght,

[*Keijzers jaght* [Охота императора].
Иллюстрация из экземпляра *Северной
и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки
Утрехтского университета.]

Х. После смерти Витсена

Почему же книга была переиздана? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется сделать небольшое отступление о репутации Витсена-государственного деятеля и о значении, которое придавалось его научному труду. Состоятельный человек и бургомистр Амстердама, Николаас Витсен сосредоточил в своих руках значительную власть. Он покровительствовал многим: обеспечивал работой или помогал каким-нибудь другим образом. Именно поэтому ему посвящено поразительное количество книг, пьес и карт, где Витсена превозносили в прозе, а иногда даже в стихах¹²⁵. Compliments он получал, по большей части от тех, кто от него зависел или рассчитывал на определенную услугу. К примеру, о Витсене писали, что он не нажил «на щекотливых постах, занимаемых в самые опасные времена, ни единого врага, ни единого завистника, ни единого недовольного им человека»¹²⁶. Разумеется, мы имеем дело с преувеличением. Несмотря на все усилия предотвратить конфликт или разрешить его как можно скорее и с минимальными потерями, Витсену доводилось нарываться на резкую критику политических противников. Например, в 1690 году правая рука принца Оранского Ханс Вильям Бентинк, граф Портланд (Hans Willem Bentinck) назвал его «самым слабым человеком в мире»¹²⁷.

После 1706 года власть в Амстердаме перешла к Йоану Корверу (Joan Corver) и его сторонникам, сделавшим все возможное, чтобы расположить к себе короля-статхаудера. Они не стали переизбирать Витсена на пост бургомистра Амстердама, и таким образом, он лишился своего политического влияния¹²⁸. После этого поток похвал от современников иссяк поразительно быстро. И все же на исходе жизни Витсен пользовался международной известностью и был даже своего рода знаменитостью. Он был известен не только как государственный деятель, поддерживавший контакты с такими крупными фигурами, как Вильгельм III, Петр Великий, герцог Мальборо и король Пруссии, но и как ученый. За год до смерти Витсена английский инженер Джон Перри опубликовал книгу *The state of Russia under the present czar* (*Состояние России при нынешнем царе*), которая была переведена на многие языки, и пользовалась большой популярностью и авторитетом в Европе. В ней Перри утверждал, что Витсена будут помнить именно как ученого, принимавшего Петра Великого в Амстердаме: «Во время своего пребывания в Амстердаме он [царь Петр] неоднократно посещал господина

Витсена, очень известного своей похвальной склонностью к искусствам и наукам; посылавшего часто людей во все уголки мира, чтобы сделать там открытия, который много затратил средств, чтобы установить большие подзорные трубы для наблюдения за двигающимися небесными телами»¹²⁹.

После смерти Витсена один амстердамский сочинитель, Клаас Брюинс (Claas Bruins), написал длинное стихотворение, в котором предсказывал, что благодарные потомки и через сотни лет будут вспоминать своего соотечественника, помимо прочего, в связи с его ученостью, осведомленностью о России и описанием Тартарии¹³⁰. Однако сам Витсен мало способствовал утверждению собственной научной славы. Он даже препятствовал тому, чтобы современники могли ознакомиться с результатами его исследований. После смерти Витсена его наследники приложили к этому еще меньше усилий. Они не знали, как распорядиться научным наследием Витсена, множество его ценностей было распродано на аукционе. Разумеется, его карта и книга не были забыты сразу, но судьбы их весьма несхожи.

Несмотря на то, что в обращении находилось очень ограниченное количество экземпляров карты Витсена, путешественники и исследователи в России продолжали использовать ее в практической работе. Кроме того, информацию, представленную на карте, вполне могли использовать и другие картографы, через их карты труд Витсена доходил до широкой публики. Еще при жизни Витсена копии его карты появлялись не всегда с разрешения автора¹³¹. Витсен злился на плагиаторов, но бороться с ними можно было только одним способом – вовремя выпустить улучшенную версию карты. К тому же некоторые картографы были порядочными людьми и ссылались на карту Витсена и после его смерти. Частота, с которой его большая карта Тартарии частично или полностью копировалась в Нидерландах, Франции и Англии свидетельствовала о том, что в первые три десятилетия XVIII века он все еще оказывал большое влияние на европейскую картографию Сибири и Азии¹³². Позднее, в результате экспедиций Беринга и других исследователей, Внутренняя Евразия столь стремительно обрела точные и подробные географические очертания, что карта Витсена совершенно исчезла из поля зрения. Первые два издания *Северной и Восточной Тартарии* не были доступны европейской публике, и многие специалисты считали это большой потерей. Немецкий исследователь античности и востоковед Готфрид Зигфрид Байер (Gottlieb Siegfried Bayer), впоследствии член русской Академии наук и основатель китаеведения в России, в 1720 году писал в Берлин Ла Крозе (La Croze), библиотекаря прус-

ского короля: «*Editusne est Vitsii Amstelodamensis consulis liber de rebus Tartariae? Et apud quem est editus? Qua lingua? Quo titulo?*» (Разве амстердамский государственный деятель Витсен не опубликовал книгу о Тартарии? Кем она издана? На каком языке? Под каким названием?)¹³³. В предисловии к одной немецкой книге о Сибири 1725 года издатель уверял, что описания этих земель скудны и встречаются лишь в нескольких европейских книгах. По мнению этого издателя, единственным, кто посвятил этой теме основательное, подробное и компетентное историко-географическое исследование, был амстердамский бургомистр Николаас Витсен, но труд его нигде не найти: «Не без оснований я сомневаюсь в том, что эта книга действительно напечатана и опубликована, так как даже самые большие знатоки хороших книг не помнят, видели ли ее когда-либо в натуральном виде или в каталоге. Возможно, ее рукопись хранится в Голландии. Если же книга напечатана, то, во всяком случае, нашим немецким землякам она неизвестна»¹³⁴.

XI. Критика Страленберга

В 1730 году у недоступного труда Витсена появился конкурент – книга, на которую, напротив, можно было легко подписаться. Ее автор, Филипп Йохан Таберт фон Страленберг (1676–1747), был родом из Северной Германии, но служил офицером в шведской армии, и в этом качестве попал в русский плен после поражения под Полтавой. Затем он, подобно сотням других шведских офицеров, был сослан в Сибирь, где провел тринадцать лет. После заключения Ништадского мира ему разрешили вернуться в Швецию. В 1725 году Страленберг опубликовал карту *Tartaria Magna*. Как и Витсен, он впоследствии дополнил карту книгой, которая называлась *Северная и Восточная части Европы и Азии*. В 1730 году Страленберг подверг Витсена жесткой критике в предисловии и введении к этому труду. По его словам, многие ожидали чудес «от большой карты господина Витсена, потому что она была столь большой, как ее превосходно представляют, столь драгоценной, и содержала кладезь точных географических сведений...» Но Страленберг на собственном опыте убедился, что передвигаться по Сибири с этой картой затруднительно, так как указанные на ней места «не были снабжены точными географическими *долготой* или *широтой*, большая часть этой огромной области мира была неправильно *расположена* на карте, малая часть географических названий Тартарии или Сибири верна, большинство существующих названий найти, однако, невозможно.

В то время как на ней есть названия, которые русские, татары, калмыки или язычники не понимают или не знают»¹³⁵. Поэтому Страленберг рекомендовал свою собственную карту, которая была намного точнее и компактнее, но при этом содержала вдвое больше географических сведений.

Говоря о *Северной и Восточной Тартарии*, он отмечал, что всем известно, сколько времени и средств Витсен вложил в эту, несомненно, очень объемную книгу ин-фолио, украшенную множеством ценных рисунков. Однако сам Страленберг не ручался за верность изложенных в ней сведений, так как считал, например, что Витсен неправильно информировал Лейбница по некоторым вопросам. По мнению Страленберга, читающей публике следовало расстаться с надеждой когда-либо увидеть труд Витсена, «потому что на него был наложен арест и запрет на публикацию, когда он еще лежал на печатном стане, чтобы быть изготовленным»¹³⁶. Из этого можно сделать следующий вывод: Страленберг полагал, что Петр Великий велел выкупить рукопись *Северной и Восточной Тартарии* у типографа, чтобы воспрепятствовать публикации книги Витсена. Двадцать лет спустя этим ошибочным суждением ограничивалось упоминание о Витсене, которое мы находим в известном и часто используемом справочнике биографий европейских ученых Христиана Готлиба Йохера (Christian Gottlieb Jöcher)¹³⁷, изданном во второй половине XVIII века.

В отличие от богатого правителя Витсена, бедный офицер Страленберг горел желанием опубликовать написанную им книгу. Он издал ее за свой счет в надежде заработать. Он также собрал материалы для второй части, но опубликовать ее не смог, по-видимому, из-за нехватки денег¹³⁸. Трудно установить, действительно ли научные успехи Страленберга далеко превосходили достижения Витсена¹³⁹. На стороне Страленберга было то, что над своей книгой и картой он работал на месте и на четверть века позже Витсена, когда Сибирь стала уже значительно более освоенным регионом. В XVIII веке знатоки Сибири ценили его труд, но считали, что, помимо прочего, он допустил множество ошибок, поскольку плохо знал русский язык¹⁴⁰.

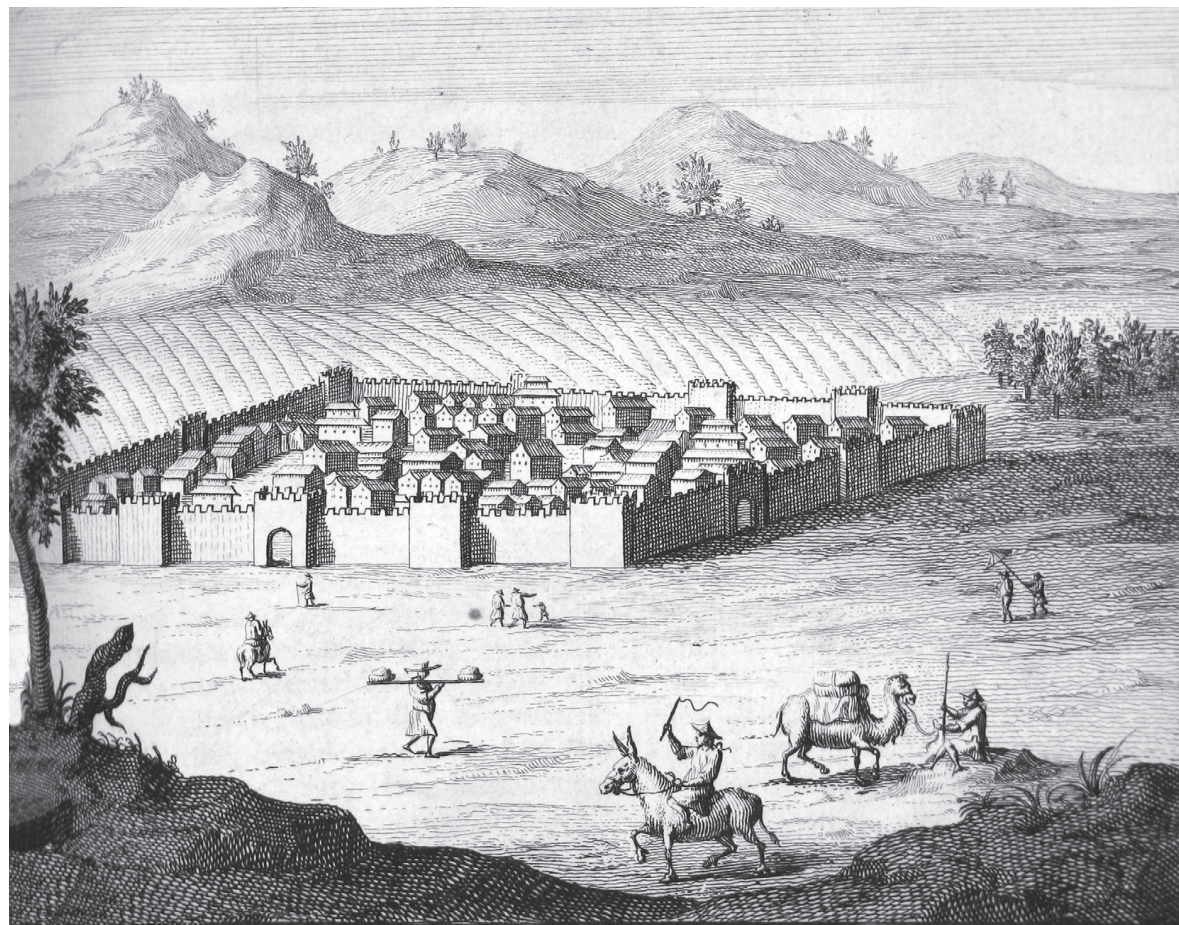
Тем не менее, в борьбе за благосклонность западного читателя с большим отрывом победил Страленберг. Его цитировали такие великие умы, как Эдвард Гиббон, Александр фон Гумбольдт и Александр Пушкин¹⁴¹. Еще при жизни автора в свет вышло шведское и английское издания его книги, а после смерти появились переводы на французский и испанский. Книга Витсена не была переведена на другие языки. К тому же на протяжении XVIII века голландский

язык неуклонно вытеснялся на периферию европейского «литературного мира», так что количество людей, имевших возможность ознакомиться с *Северной и Восточной Тартарией*, все еще доступной в нескольких экземплярах, также постоянно сокращалось.

Помимо географии, внимание Витсена привлекали многочисленные языки, на которых говорили народы, населявшие Тартарию. О них он писал в своих письмах, в том числе Лейбницу. *Северная и Восточная Тартария* содержала уникальную информацию о ряде совершенно неизвестных в то время языков. Кроме того, в книге мы находим первые подробные словники некоторых из них. Однако именно за Страленбергом, благодаря составленной им *Табуле полиглоте* (*Tabula polyglotta*), закрепилась слава исследователя, впервые проводившего систематическое сравнение сибирских языков¹⁴². Более того, его всегда будут вспоминать как новатора, предложившего Петру Великому считать Уральские горы границей между Европой и Азией.

ХII. Вольтер и Заандам

За то, что в XVIII веке работа Витсена устояла перед натиском книги Страленберга, следует благодарить, прежде всего, целый ряд исследователей, членов Петербургской академии наук. Мы позволим себе процитировать лишь одного из самых известных: Августа Людвиг фон Шлецера (August Ludwig von Schlözer). Он полагал, что *Северная и Восточная Тартария* содержала «неоценимое количество уникальных и по сей день неизвестных в России сведений о России». Он также считал, что эту «великолепную книгу» («dieses herrliche Buch») следует досконально изучить и использовать для «истинного пополнения знаний об окружающем мире и его истории»¹⁴³. Поскольку труды этих ученых выходили не только на русском, но зачастую и на немецком языке, российские и западные ученые, интересовавшиеся Сибирью и Азией, не забывали имя Витсена¹⁴⁴. Но основная причина, по которой о Витсене помнили в Европе, – его дружба с Петром Великим. С начала XVIII века не иссякает поток многочисленных книг, написанных о царе. В 1725 году, сразу после смерти Петра I, Жан Руссе де Мисси (Jean Rousset de Missy), гугенот, бежавший в Нидерланды, опубликовал четырехтомную биографию царя на французском языке под причудливым псевдонимом «барон Жан де Нестесураной» (Baron Jean de Nestesuranoi). Фрагмент, посвященный Витсену, он по большей части переписал из мемуаров Перри¹⁴⁵. В 1742 году тот же самый пассаж о Петре и Витсене повторяется и в другой франкоязычной биографии

De Stadt Galga in Sina

[*De stadt Kalga in Sina* [Город Калга в Китае]. Возможно, город Калган или Чжанцзякоу (русс. Сифынкоу). Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

царя, сочиненной Элеазаром Мовильоном (Eléazar Mauvillon), еще одним протестантским эмигрантом из Франции¹⁴⁶. Этот же фрагмент мы встречаем в еще одной компилятивной работе о России, которую в 1744 году составил, на этот раз, голландец, Йохан Рейтц (Johan Frederik Reitz)¹⁴⁷. Подробнее о Витсене говорится в сборнике анекдотов о Петре Великом, которые собрал Якоб фон Штелин (Jacob von Stählin), профессор Петербургской академии наук. Эту книгу тоже часто цитируют.

Штелин, скорее царедворец, чем ученый, пересказал Вольтеру различные интересные эпизоды из жизни царя¹⁴⁸. К сожалению, в сборнике *Anecdotes sur le czar Pierre le Grand* (*Анекдоты о царе Петре Великом*) французского философа о Витсене говорится лишь мимоходом¹⁴⁹. Позднее Вольтер более подробно рассказал о Витсене в своей *Истории Российской империи в царствование Петра Великого* (1759–1763)¹⁵⁰. Эта книга была написана по поручению русского двора, и снабдить знаменитого француза необходимыми материалами было задачей, прежде всего, Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова. Вольтер не считал необходимым исправить многочисленные неточности, на которые ему указал Миллер¹⁵¹. В Европе эта книга тоже получила неоднозначную оценку, поскольку русский царь был изображен не как деспот, а как просвещенный монарх. Тем не менее, она пользовалась успехом у читателей, и, возможно, именно благодаря Вольтеру пребывание молодого Петра в Заандаме и Амстердаме окончательно закрепилось в коллективной памяти европейских читателей¹⁵².

Образ царя-реформатора, подвизавшегося учеником плотника в Голландии, долго не терял популярности: он соответствовал как нравоучительному духу эпохи Просвещения, так и поэтической чувствительности Романтизма¹⁵³. Именно поэтому во второй половине XVIII века Заандам посещали преимущественно иностранные туристы. Поначалу голландцы не слишком берегли память о пребывании русского царя в их стране. В XVIII веке деревянный домик в Заандаме, где царь прожил неделю, переходил из рук в руки. Владельцы сдавали его семьям рабочих, домик все больше приходил в запустение, а в конце века и вовсе находился под угрозой сноса. Но к тому времени он уже стал важной достопримечательностью, которую посещали такие высокопоставленные персоны, как граф Орлов (в 1780 году), австрийский император Йозеф II (в 1781 году) и великий князь Павел Петрович (будущий царь Павел I, в 1782 году)¹⁵⁴.

Ян Вагенаар (Jan Wagenaar) (1709–1773), авторитетнейший нидерландский историк XVIII века, посвятил визиту царя только один абзац. О Заандаме и о связях Витсена с Великим Посольством он

умалчивает¹⁵⁵. С разрешения наследников Вагенаар изучал личные записи Витсена, когда писал о трудных взаимоотношениях Амстердама и Вильгельма III, теме подробно рассмотренной в его книгах¹⁵⁶. Он также написал о Витсене в серии коротких биографий знаменитых амстердамцев. Вагенаар сообщал, что, закончив книгу о кораблестроении, Витсен «был полностью погружен в важные государственные дела, которые практически не оставили ему времени для литературных занятий». Карту и книгу о Тартарии Вагенаар нигде не упомянул¹⁵⁷.

О них сообщили другие писатели, когда в последней четверти XVIII века рассказ о плотнике-царе снискал некоторую популярность и в Нидерландах. Вольтер бывал в Нидерландах, где встречался с братьями ван Харен (Van Haren). Эти фризские дворяне были не только убежденными сторонниками принца Оранского, но и не были лишены литературных амбиций, считая Вольтера образцом для подражания¹⁵⁸. Сильные политические и социальные потрясения того времени вскоре привели Нидерланды к непродолжительной гражданской войне и попытке революции, но предшествовал этим драматическим событиям небывалый подъем патриотизма. Онно Звир ван Харен (Onno Zwier van Haren), один из упомянутых выше братьев ван Харен, был в числе видных поэтов того времени, облакавших этот новый патриотизм в литературную форму. Его перу принадлежит очень длинная поэма *Гёзы, Попытка патриотического стихотворения*. Это произведение открывается описанием непростого начала нидерландского восстания против испанского господства под руководством Вильгельма Оранского. Затем поэт изобразил, как Бог, желая укрепить мужество Вильгельма, являет ему во сне Амстердам в эпоху его расцвета столетия спустя. Из всех деятелей голландской истории в этом славном будущем первым принц видит именно Витсена. Бургомистр показан у себя дома. Он сидит в служебном одеянии с компасом в руке, перед ним раскинулась карта мира. Рядом с Витсеном поэт поместил молодого князя, одетого в сибирские меха. Этот гость советуется с радушным хозяином, как способствовать расцвету торговли, как выглядят самые отдаленные уголки земли. В этом «князе» без труда узнается Петр Великий¹⁵⁹.

ХIII. Третье издание Северной и Восточной Тартарии

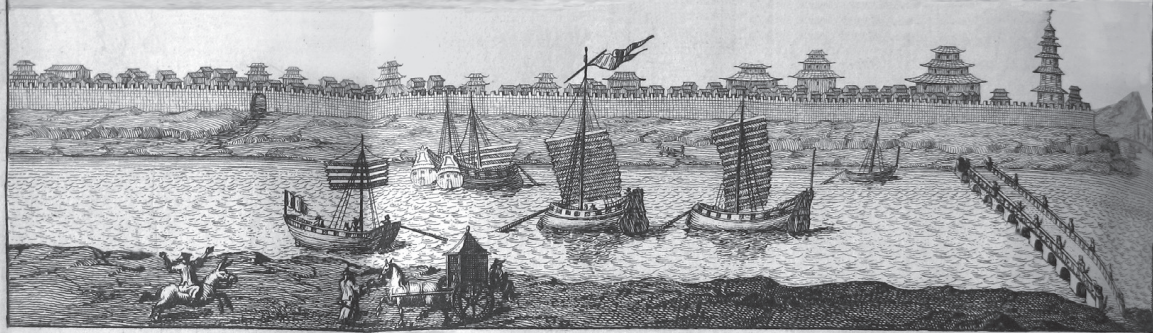
Несмотря на то, что после исследовательских экспедиций XVIII века содержание *Северной и Восточной Тартарии* во многом утратило свою уникальную ценность, книга все еще содержала ряд сведе-

ний на тот момент неизвестных или труднодоступных. Поэтому к труду Витсена продолжали обращаться ученые, у которых случайно оказался экземпляр его книги. Участник второй экспедиции Джеймса Кука, знаменитый немецкий натуралист Йохан Рейнхольд Форстер, ездивший по России по поручению Екатерины II, в своей книге 1784 года о путешествиях и открытиях на Севере использовал сведения из «крайне редкого», но «выдающегося труда замечательного амстердамского бургомистра»¹⁶⁰. При этом он записал, что университетская библиотека города Галле, где Форстер был профессором, приобрела экземпляр второго издания *Северной и Восточной Тартарии* за «восемьдесят рейхсталеров» в Петербургской императорской библиотеке: «Вместе с тем, с удовлетворением сообщая читательской публике, что амстердамский книготорговец Схаленкамп (Schalencamp) купил у наследников Витсена оставшиеся экземпляры книги и изготовленные для нее иллюстрации». Форстер получил из Амстердама письмо, в котором сообщалось, что готовится новое издание, «только говорят при этом, (что это новое издание) не будет столь полным, как первоначальное, (но) правда его снабдят новым предисловием и таким количеством оттисков с медных гравированных досок, сколько удастся найти»¹⁶¹.

Однако в дальнейшем Схаленкамп, видимо, изменил свои планы, или Форстер получил неверную информацию. Третье издание *Северной и Восточной Тартарии* было снабжено новым предисловием, в котором издатель сообщал о своих планах улучшить и дополнить второе издание, поскольку наряду с ранее неопубликованными иллюстрациями из наследства Витсена, в его распоряжении оказались так же заметки автора, сделанные после 1705 года. Мейнхарт Тидеман (Mijnhart Tydeman), известный литератор и правовед того времени, сначала пообещал переработать текст Витсена, но потом, как оказалось, не нашел для этого времени. Поэтому в третьем варианте книги текст издания 1705 года был оставлен без изменений, но к нему добавили ряд новых иллюстраций.

Тираж этого посмертного издания неизвестен, не установлено и количество проданных экземпляров¹⁶². Но можно предположить, что под влиянием того международного интереса, который книга по-прежнему вызывала, и из-за труднодоступности двух предыдущих изданий, Схаленкамп пришел к мнению, что, наконец, имеет смысл выпустить труд Витсена в продажу. Еще одна возможная причина, до некоторой степени повлиявшая на решение издателя, – усиление политических разногласий и рост националистических настроений в Нидерландах. В этих условиях Витсен с его репутаци-

DE STADT TUNXO.

Sinefche Bedevaert die by heele Dorps-huysgefinnen, de Afgoden na afgelegene plaatsen om een vruchtbaer Jaer jaen bedien.

[Вверху: Город Тунксо. Внизу: Китайское паломничество целыми деревенскими семьями к богам в отдаленные места, чтобы молиться об урожайном годе. Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

ей добросовестного ученого, неподкупного и бескорыстного политика мог служить наглядным примером всем «любящим науку патриотам»¹⁶³. Разумеется, издатель сознавал, что книга Витсена устарела. Этот недостаток он попытался компенсировать двадцати пяти страничным предисловием, автором которого стал юрист, литератор и ученый-любитель Питер Боддарт (Pieter Boddaert). Это вступительное слово кратко информировало читателя, прежде всего, о последних русских экспедициях, результаты которых были описаны в работах Д. Мессершмидта, И. Гмелина, Г. Миллера и П. С. Палласа¹⁶⁴.

XIV. От Якобуса Схелтемы до Нейенхауса

В период французского господства рос интерес голландцев к историческим связям с Россией. Важнейшие причины этого интереса – поход Наполеона в Россию в 1812 году (в нем, далеко не добровольно, участвовало довольно много голландцев) и освобождение Нидерландов от французской оккупации русскими казаками в 1814 году¹⁶⁵. В том же году царь Александр I посетил Заандам. В домике Петра нидерландский историк Якобус Схелтема вручил императору свое обширное исследование пребывания Петра I в Нидерландах. Нидерланды рубежа XVII–XVIII веков Схелтема изобразил колыбелью мощи и величия России. Эту романтическую идею он продолжал развивать в своем четырехтомном труде о связях между Россией и Нидерландами. В первой половине XIX века образ Нидерландов как страны, где лежат истоки современной Российской империи, закреплялся как среди голландцев, так и русских¹⁶⁶. Благодаря этому мифу, домик царя Петра в Заандаме превратился в важнейшее место памяти (*lieu de mémoire*). В 1820 году король Нидерландов Вильгельм I приобрел его в подарок своей невестке Анне Павловне, сестре русского императора¹⁶⁷.

В результате интерес к Николаасу Витсену неуклонно возрастал, поскольку именно он считался главным учителем царя Петра в Нидерландах. Еще в 1806 году Схелтема посвятил Витсену биографический очерк, отметив, что это «хорошее и полное описание жизни сего знаменитого голландца было бы дорогим подарком для всякого друга добродетели, учености и Родины»¹⁶⁸. В своей книге *Россия и Нидерланды* он подробно описал жизнь и работу «этого все еще недооцененного человека». Разумеется, особое внимание уделялось дружбе Витсена с Петром Великим и его многочисленным заслугам перед российским государством. Но даже Схелтема не

удержался от критики в адрес Витсена. Он приводит сообщение Г. Миллера о том, что читатели *Северной и Восточной Тартарии* не только восхищались книгой, но и жаловались на отсутствие систематики. Схелтема был усердным историком, полным энтузиазма, однако, его словам не всегда следует безоговорочно доверять. К примеру, Схелтема утверждает, что в 1665 году Витсен не уехал вместе с посольством Борейля обратно в Нидерланды, а путешествовал по России еще целых три года, посетив, в частности, побережье Каспийского моря. Никаких доказательств этому Схелтема не приводит. Нет их и в других источниках¹⁶⁹.

Выдающийся немецкий лингвист Иоганн Христоф фон Аделунг (Johann Christoph von Adelung, 1732–1806), составивший в конце XVIII века первый большой словарь немецкого языка, выпустил в 1806 году книгу под названием *Митридат*, в которую вошли переводы молитвы Отче наш на пятистах различных языках. Здесь фон Аделунг впервые перечисляет словники различных языков, собранные Витсеном¹⁷⁰. Помимо этого, он включил в свою книгу биографическую справку о Витсене, в которой опроверг рассказ о том, что первые два издания *Северной и Восточной Тартарии* якобы конфисковало русское правительство. «Более вероятно, – писал Аделунг, – что патриотизм Витсена и его любовь к правде и точности подвигли его к тому, чтобы не публиковать оба издания»¹⁷¹. Фридрих фон Аделунг (Friedrich von Adelung, 1768–1843), молодой родственник Иоганна Христофа, был не менее прославленным ученым. В России он служил воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловича. За фундаментальное библиографическое исследование Ф. Аделунга называли «покровителем русских библиотечарей», в 1825 году он стал членом–корреспондентом и почетным членом Российской Академии наук. Аделунг состоял в переписке с Якобусом Схелтемой и внимательно изучил научное наследие Витсена.

Аделунг ссылается на Г. Миллера, уверявшего, что Большая карта Витсена 1687 года начала «новую эру в описании стран и истории карт России». В 1841 году он написал пространную статью о картах России, изготовленных в Западной Европе. В этом исследовании он подробно рассмотрел не только карту Витсена, но и ее многочисленные подделки, а также изображенные в *Северной и Восточной Тартарии* значительно менее крупные карты различных областей России и Азии, составленные как самим Витсеном, так и другими авторами¹⁷². В фундаментальном исследовании, где Аделунг рассматривает опубликованные описания путешествий в допетровскую Россию, упомянуты три издания *Северной и Восточной Тартарии*.

Аделунг отметил, что Витсен собрал кладезь информации, «которую читатель не без удивления найдет в его книге, и которая еще и сейчас является важной и поучительной для России»¹⁷³. Позднее, в 1846 году, Аделунг писал, что Витсен значительно повлиял на формирование научных взглядов Петра Великого, и тем самым внес вклад в дальнейшее развитие российского государства. «То, что труд Витсена, несмотря на его большое значение, не нашел переводчика на какой-либо язык, поразительно и может быть объяснено лишь объемом и языком оригинала»¹⁷⁴.

Действительно, в это время к труду Витсена обращались преимущественно немецкие ученые, поскольку голландский язык был для них преодолимой преградой. Среди них был великий востоковед Генрих Юлиус фон Клапрот (Heinrich Julius von Klaproth, 1783-1835), живший и работавший в России до 1812 года. Клапрот был страстным коллекционером. Одной из жемчужин его коллекции была очень редкая карта Витсена 1687 года. У Клапрота находился единственный экземпляр более поздней версии, которая содержит ряд важных исправлений, внесенных по поручению Витсена¹⁷⁵. Клапрот также был автором книги об изобретении компаса (1834), написанной в форме пространнейшего письма Александру фон Гумбольдту. В ней Клапрот часто цитировал *Северную и Восточную Тартарию*¹⁷⁶.

Ссылки на Витсена мы находим и у Филиппа Франца фон Зибольда (Philipp Franz von Siebold, 1796–1866), немецкого врача и ботаника. Фон Зибольд состоял на голландской службе в Японии и за это время сформировался в видного япониста, а затем обосновался в Лейдене. Он тщетно пытался вызвать интерес нидерландского правительства и общества к Южным Курилам, которые, как он полагал, находились в собственности ОИК, поскольку в 1643 году их открыл и захватил Маартен Герритсон Фриз. Помимо собственных исследований важную роль в его аргументации играла *Северная и Восточная Тартария*, так как именно в ней была подробно описана эта исследовательская экспедиция, а также воспроизведены очертания береговой линии Курильских островов, зарисованные на борту корабля Фриза¹⁷⁷. В России, благодаря своим познаниям о Курилах и Сахалине, Зибольд пользовался большим уважением; особый интерес вызывали его суждения о международной ситуации в Восточной Азии¹⁷⁸.

В Нидерландах у Зибольда почти не было единомышленников, поскольку после смерти Витсена север Азии практически никто не изучал подробно. О *Северной и Восточной Тартарии* все еще писали с уважением, но саму книгу вряд ли читали.

Намного лучше голландцы разбирались в кораблестроении, но труд Витсена на эту тему воспринимался скорее как курьез, чем серьезное исследование. Ему предписывалось лишь «историческое значение», поскольку предполагалось, что он оказал большое влияние на Петра I и кораблестроение в России¹⁷⁹.

Зато все больше становилось известно о личности Витсена. Так, в 1854 году П. Босха (P. Bosscha) сделал описание многочисленных рукописей, оставшихся после смерти Гейсбрехта Купера. Значительное внимание в этом списке уделено корреспонденции между Купером и Витсеном¹⁸⁰. В 1856 году библиофил и коллекционер Йоханнес Тибериус Нейенхаус (Johannes Tiberius Nijenhuis) написал основательное и подробное биографическое эссе, в котором рассмотрел большое количество контактов Витсена с мореплавателями, членами исследовательских экспедиций, а также с людьми из сферы науки и искусства. Нейенхаус восхищался, прежде всего, многосторонностью интересов Витсена. Ведь тот оставил свой след как политик, военный специалист, историк, географ, математик, физик, ботаник, инженер-гидротехник, эксперт в области судоходства, художник, гравер и писатель. До оценки деятельности Витсена во всех этих областях Нейенхаус не дошел. Он лишь выразил надежду, что «имя Витсена будет вызывать уважение у еще не родившихся потомков» и призвал к большому количеству публикаций о нем, а также к созданию полноценной биографии¹⁸¹.

XV. От мифа к реальности

Однако к тому времени отношение к Витсену как к национальному герою, достойному почитания, стало безусловным. Витсен был знаменит, прежде всего, своими контактами с Россией, но Крымская война значительно подорвала репутацию этой страны даже в Нидерландах. Во второй половине XIX века миф об особой связи между обеими странами потерял привлекательность, как для голландцев, так и для русских. И Нейенхаус констатировал, что англофилы и франкофоны в Нидерландах недовольно морщили носы при упоминании Петра Великого¹⁸².

В связи с этим закатилась и звезда Витсена, особенно после того, как в свет вышли новые исследования его жизни и трудов. В 1859 году амстердамский книготорговец и библиофил Фредерик Муллер (Frederik Muller) в свою библиографию голландских работ, посвященных России и Польше, включил краткую биографическую справку о Витсене и сжатое сравнение трех изданий *Северной и Вос-*

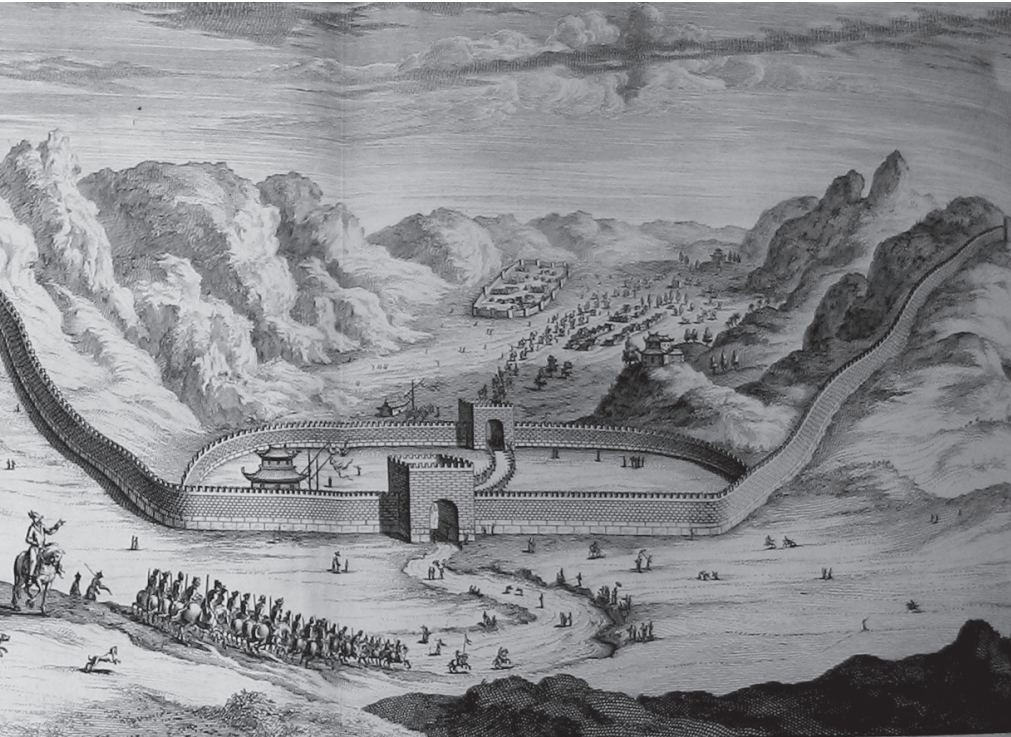
*точной Тартарии*¹⁸³. Витсеном также интересовался Пит Схелтема, глава городского архива Амстердама и молодой родственник Якобуса Схелтемы. В 1861 году он опубликовал ряд писем, которые Витсен послал из Лондона в Нидерланды в 1689 году¹⁸⁴. В предисловии к этому изданию он назвал Витсена «человеком с ясной головой и горячим сердцем». Но рецензента этого исследования по источниковедению больше интересовало другое: «Справедливо ли покойный магистр Якобус Схелтема превозносил заслуги Витсена как государственного деятеля, или стоит признать, вслед за другими авторами, что эта похвала незаслуженна?»¹⁸⁵ Действительно, в 1862 году амстердамский судья Хаис ван Бюрен (Chais van Buren), другой издатель писем Витсена, пришел к заключению, что его репутация одного из виднейших государственных деятелей сильно преувеличена. По мнению ван Бюрена, Витсен вовсе не был фигурой большого масштаба, скорее, он был типичным городским регентом, прилежным, но не более того¹⁸⁶. В 1863 году Пит Схелтема тоже согласился с этим мнением. В 1869 году, при издании ранее не публиковавшихся писем Витсена, он признал, что тот «как государственный деятель отличился меньше, чем как ученый и городской регент»¹⁸⁷.

Еще более критическую позицию занял Й. Ф. Гебхард (J. F. Gebhard), выпустивший в 1881–1882 годах более чем пятисотстраничную биографию Витсена – увесистый том с золотой отделкой. Его сопровождал столь же внушительный второй том, в который вошли исследования источников, не публиковавшиеся ранее. Гебхард пришел к выводу, что слава Витсена «при более близком рассмотрении кажется преувеличенной». В прошлом его очень хвалили, но те, кто вспоминали его как политического деятеля, всегда отсылали к его научным работам, а те, кто пытался оценить его деятельность как ученого, сожалели, что политические обязанности практически не оставляли Витсену времени для других дел: «Кажется, люди порой боятся заявить напрямую, что он, собственно говоря, ни как государственный деятель, ни как ученый не может быть причислен к лучшим и великим мужам своей страны и своего времени»¹⁸⁸.

Гебхард отмечал, что Витсен почти никогда не решался высказывать собственное мнение по важным политическим вопросам. Его можно охарактеризовать как честного и прилежного исполнителя, который проводил в жизнь решения вышестоящих структур и умело защищал интересы Амстердама. «Но этим, – как писал Гебхард, – по сути дела все и исчерпывается». Во втором томе своей книги Гебхард опубликовал почти все письма Витсена Куперу, потому что, как он считал, они были «единственными подлинными свидетель-

[Самая знаменитая Китайская стена,
отделяющая Китай от Тартарии.
Иллюстрация из экземпляра *Северной и
Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки
Утрехтского университета.]

ina, en, tartarijje, van, malkandere, zijde.

ствами того, в каких направлениях развивались исследования [Витсена]»¹⁸⁹. Но написанная Гебхардом биография уделяла наибольшее внимание политическим процессам и научного труда Витсена касалась лишь поверхностно. Гебхард не стал сколько-нибудь подробно анализировать содержание *Северной и Восточной Тартарии* и даже не попытался осмыслить значение этого труда.

Это привело к тому, что год спустя такой известный писатель как Конрад Бюскен Хюэт (Conrad Busken Huet) счел нужным вступить за Витсена в своей книге *Страна Рембрандта*, одной из важнейших работ по истории культуры Нидерландов. Бюскен Хюэт считал, что голландцы действительно часто переоценивали значение своих государственных деятелей и художников на международном уровне, но при этом он возражал Гебхарду, который считал, что Витсен был не более, «чем достойная уважения посредственность»: «Никакой другой бургомистр [Амстердама] не сыграл в истории Европы столь заметную роль». Витсена, как и его родственника и коллегу бургомистра Хюдде (Hudde), выделяет не только то, что он был политиком европейского уровня, но и международное признание его научных заслуг¹⁹⁰. В Нидерландах о Витсене продолжали писать довольно регулярно, но своего статуса фигуры национального масштаба он лишился окончательно. Он стал интересной и вызывающей симпатию фигурой второго плана. На рубеже XIX–XX веков он даже уступил в известности своему потомку – художнику, граверу, фотографу и писателю Виллему Витсену (Willem Witsen, 1860–1923). Время от времени *Северная и Восточная Тартария* Николааса Витсена удостоивалась уважительного упоминания, но ни один голландец не потрудился изучить ее основательно.

Благодаря работам таких историков, как Н. Г. Устрялов и С. М. Соловьев, а также дискуссиям между славянофилами и западниками, в России XIX века сложился более тонкий и сложный образ Петра Великого и его времени. В этой связи роль Нидерландов как образца петровских реформ уменьшилась до более реалистичных пропорций. В 1862 году новаторская работа П. П. Пекарского о науке и литературе в России периода Петра Великого, помимо прочего, показала, сколько стран и отдельных личностей было вовлечено в модернизацию России XVII и XVIII веков. В целом Нидерланды и голландцы заняли в его книге почетное, но далеко не первое место. Пекарский посвятил визиту Петра в Нидерланды одну из глав и даже опубликовал четыре письма Витсена царю, но о таких фигурах, как Виниус, Лейбниц и Страленберг он рассказал подробнее¹⁹¹.

XVI. Из XIX в XX век

Спустя полтора века после выхода специальных исследований ученых Академии наук XVIII века, посвященных карте и книге Витсена, к ним снова обратились русские специалисты по Сибири. П. А. Безсонов, историк литературы и убежденный славянофил, открыл для русской публики рукописи Крижанича. Этот хорватский священник не только написал книгу о Сибири, но также мог считаться своего рода предвестником панславизма XVII века. В 1882 году Безсонов обнаружил, что дата и место смерти Крижанича (1683 год, неподалеку от Вены) указаны только в *Северной и Восточной Тартарии*. Безсонов, вообще склонный фантазировать, полагал, что Витсен позаимствовал у Крижанича практически все знания о Сибири¹⁹².

В отличие от Безсонова, этнограф и зоолог А. И. Шренк исследовал и критиковал книгу Витсена исключительно с научных позиций. Экспансия русского государства на Дальний Восток в XIX веке дала ему возможность провести в 1854 году исследование коренных народов в бассейне реки Амур. В своей книге он обстоятельно изучил главу о Даурии (области Амура) из *Северной и Восточной Тартарии*, ведь Витсен был первым европейцем, подробно описавшим эти земли¹⁹³. Шренк предполагал, что со сбором материала Витсену помог, прежде всего, Виниус. К примеру, Витсен включил в свою книгу подстрочный перевод *Сказания о великой реке Амуре* Спафария, в то время как в России историк Г.И.Спасский издал его только в 1853 году. Но он использовал и другие источники, вследствие чего, к примеру, русский этноним «гиляки», который казаки дали в XVII веке народу, проживавшему у реки Амур, встречается в *Северной и Восточной Тартарии* в различном написании. А на карте 1687 года область проживания этой этнической группы была обозначена в различных местах¹⁹⁴. Изъяны и разночтения русских карт того времени, а также и недостаточное знание Витсеном русского языка, случалось, приводили к тому, что одна и та же река могла быть указана на его карте неоднократно, да еще и под разными названиями. Шренк также заметил, что указания направления движения Витсен нередко понимал как географические названия, например: *Otmore* (от моря) или *Nasabate* (на Занаде). Наибольшее недоумение вызывал топоним *Otsel Poschel* в месте, где Шилка и Аргунь сливались в Амур. Вероятно, на русской карте было написано: «отсель пошел Амур»¹⁹⁵.

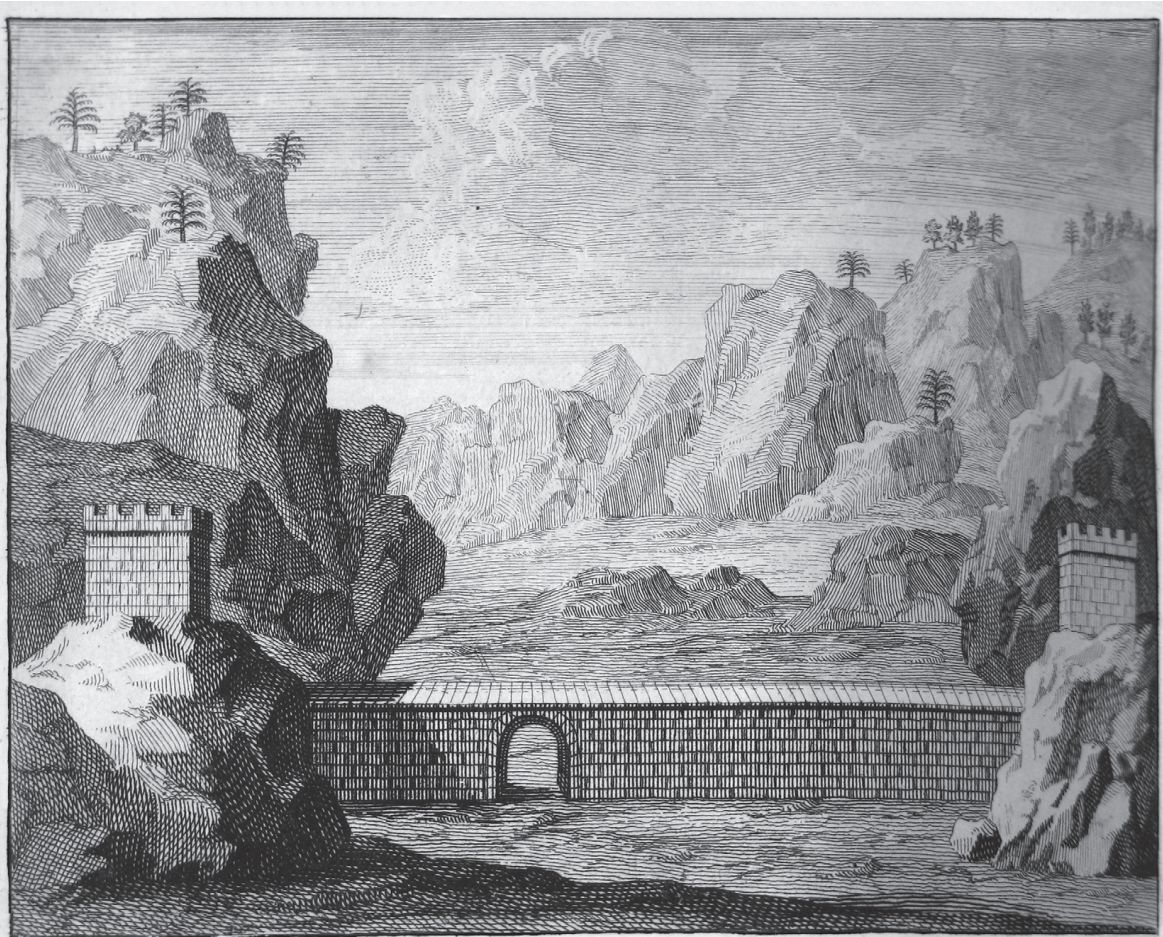
В 1887 году И. Тыжнов, тогда еще молодой историк Сибири, написал статью, интересную для нас, прежде всего, тем, что она содержала порядка десяти страниц из *Северной и Восточной Тартарии*, переведенных на русский язык. Эти обширные цитаты касались завоевания русскими Сибири в XVI веке. С помощью этих отрывков Тыжнов показал, что Витсен был не вполне удовлетворен информацией об этом процессе, которую в начале XVII века собрал другой голландец – Исаак Масса (Isaac Massa). Витсен воспользовался работой Крижанича, написанной спустя семь десятилетий после Массы. К тому же он смог обратиться к местным источникам. *Северная и Восточная Тартария* рассказывала не только о Ермаке, но и о Строгановых и других «действующих лицах». Сравнив между собой эти противоречивые рассказы XVI века, Витсен смог создать многогранную картину покорения русскими Сибири. Ряд других фрагментов *Северной и Восточной Тартарии* был переведен на русский язык в 1888 году по просьбе известного немецко-русского тюрколога и востоковеда Василия Васильевича Радлова (Friedrich Wilhelm Radloff, 1837–1918), позднее занимавшего пост директора Музея антропологии и этнографии, бывшей Кунсткамеры. В них речь шла о предметах из драгоценного металла, обнаруженных в скифских курганах в Сибири в XVII веке и вызвавших интерес Витсена, который стал коллекционировать их одним из первых. Наряду с этим в переведенных отрывках сообщалось о древних надписях, найденных на сибирских скалах. Вслед за Шренком и Тыжновым, Радлов показал, что труд Витсена содержал ценную информацию о различных областях знаний¹⁹⁶.

Вышеупомянутые русские ученые не делали никаких попыток к инвентаризации и анализу *Северной и Восточной Тартарии* как цельного произведения. Тыжнов, предположительно владевший голландским, составил довольно обширную биографию Витсена. При этом за основу он взял работу Якобуса Схелтемы, к тому времени уже устаревшую. В связи с этим в российской науке закрепилось мнение, что Витсен совершил продолжительное путешествие по России, видел Каспийское море и даже посещал Уральские горы¹⁹⁷. Сомнения, касающиеся подробностей пребывания Витсена в России, были окончательно развеяны лишь в 1886 году, после издания в Париже каталога голландских рукописей, хранящихся в Национальной библиотеке Франции. В этом каталоге были указаны три рукописи, содержавшие ранее неизвестное описание путешествия в Московию, составленное самим Витсеном¹⁹⁸.

Нидерландист А. Ключвер сделал с него копию и в 1887 году про-

читал обширный доклад в нидерландской Академии наук¹⁹⁹. Из дневника Витсена Ключвер узнал, что во время пребывания в Москве тот нанес визит опальному патриарху Никону. Историк А. М. Ловягин, посещавший заграничные архивы по заданию русского правительства, изучил рукопись Витсена в Париже. В 1899 году он сделал информацию об этой встрече достоянием русской публики²⁰⁰. Примерно в те же годы публиковались архивные исследования Уленбека (Uhlenbeck), Кордта (Cordt) и Бантыш-Каменского, посвященные голландско-русским отношениям. Они тоже сообщали новые факты о жизни Витсена²⁰¹. Между тем со времени визита Великого Посольства в Голландию прошло два столетия, поэтому книжку о домике царя Петра в Заандаме Ловягин написал на французском языке, и опубликовал ее в Амстердаме²⁰². В 1897 году М. А. Веневитинов, тогдашний директор Румянцевского музея в Москве, опубликовал первое обширное русское исследование о пребывании Петра Великого в Голландии. В нем Витсену уделялось много внимания, но, к сожалению, эта работа опиралась на уже существующие голландские источники и новой информации не содержала²⁰³.

В связи с тем, что во всем мире сохранилось лишь 9 экземпляров большой карты Витсена, возник спрос на ее переиздание в первоначальном виде, что и было сделано в Амстердаме в конце XIX века. Однако краткий комментарий, написанный голландским географом К. Г. Крампом (K. G. Kramp), сообщал мало нового и был основан, прежде всего, на работах Шренка²⁰⁴. Собрание материалов по русской картографии, изданное позднее В. И. Кордтом, также не содержало новых сведений о Витсене. То же самое можно сказать и о статьях немецкого географа Генриха Михова (Heinrich Michow)²⁰⁵. Фундаментальное значение имело исследование Гастона Каэна (Gaston Cahen) 1911 года. Этот французский синолог работал на Французский институт изучения Дальнего Востока (Ecole Française d' Extrême-Orient) и по поручению французского министерства образования находился в России с долгосрочной научной миссией. Вернувшись во Францию, он, наряду с двумя исследованиями русско-китайских отношений²⁰⁶, составил подробное описание 254 карт Сибири XVIII века. При этом за отправную точку он взял карту Витсена 1687 года, что объясняется ее доминирующей ролью в картографии Сибири на протяжении сорока лет. Двадцатистраничный анализ Каэна следует признать самым подробным разбором карты, из всех ранее сделанных. Он также упомянул о критике Страленберга и негативном комментарии С. Владиславича, русского посла в Китае в 1725-1727 году²⁰⁷.

D', berg, Kroinkid.

[Замок Кукус, часть Китайской стены.
Иллюстрация из экземпляра *Северной и
Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки
Утрехтского университета.]

В 1906 году русский архивист и историк С. А. Белокуров исследовал фрагменты *Северной и Восточной Тартарии*, в которых говорилось о Сибири. Его интересовали возможные контакты между Витсеном и хорватским ученым Крижаничем²⁰⁸. В том же году немецкий историк географии Георг Хеннинг (Georg Henning) опубликовал *Сообщения о поездках по Сибири (Reiseberichte über Sibirien)*. Эта книга включала детальный анализ содержания *Северной и Восточной Тартарии*. Хеннинг воспринимал книгу Витсена как «особенно богатое по содержанию собрание сообщений», но жаловался на многочисленные повторы и на то, что Витсен был крайне небрежен в том, что касалось сообщений об источниках. Хеннинг попытался их установить. Его книга показывает, как Витсен обрабатывал сообщения от европейцев. Среди его осведомителей были: Оливье Брюнель (Olivier Brunel), Герберштейн, Масса, Джон Меррик и Авриль. Кроме того, мы видим, что информация поступала к Витсену и от людей, состоящих на русской службе, таких как Спафарий, Крижанич, Идес, Атласов, Байков, Петлов и казаки, оставшиеся анонимными. Одну из глав своей книги Хеннинг посвятил этнографии Сибири XVII века, где прямо говорит о том, что зачастую именно Витсен первым (или, по крайней мере, первым подробно) зафиксировал в книжной форме информацию о различных сибирских народах²⁰⁹.

В 1909 году Мауриц Гресхоф (Maurits Greshoff), директор нидерландского колониального музея в Харлеме, предпринял еще одну попытку до некоторой степени восстановить репутацию Николааса Витсена. Гресхоф считал, что Гебхард и даже Бюскен Хюэт слишком поверхностно судили о Витсене, историческое значение которого трудно оценить из-за многосторонности его деятельности. Витсен был больше, чем «прототипом прилежного городского регента XVII века». Гресхоф напоминал, что сам Вольтер называл Витсена «достойным уважения гражданином» (*citoyen recommandable*), имея в виду его патриотизм. А за финансирование экспедиций в неизвестные края Витсен даже удостоился титула «гражданина мира» (*citoyen du monde*)²¹⁰. Витсену легко удалось объединить в себе кажущиеся противоречащими друг другу идеалы патриотизма и космополитизма. Он не жалел времени и денег на научные занятия, причем не только собственные; он также поддерживал многих своих современников. Он был не только политиком-патриотом, гражданином мира и ученым, но и подлинным меценатом, именно это сочетание выделяло его среди других. Говоря о научной деятельности Витсена, Гресхоф сообщал о его переписке со знаменитым

микроскопистом Ван Левенгуком (Van Leeuwenhoek) по поводу анализа образцов металлической руды, доставленных в Нидерланды из Сибири²¹¹. Однако статья Гресхофа была в основном посвящена вкладу Витсена в исследование флоры и фауны в нидерландских колониях²¹².

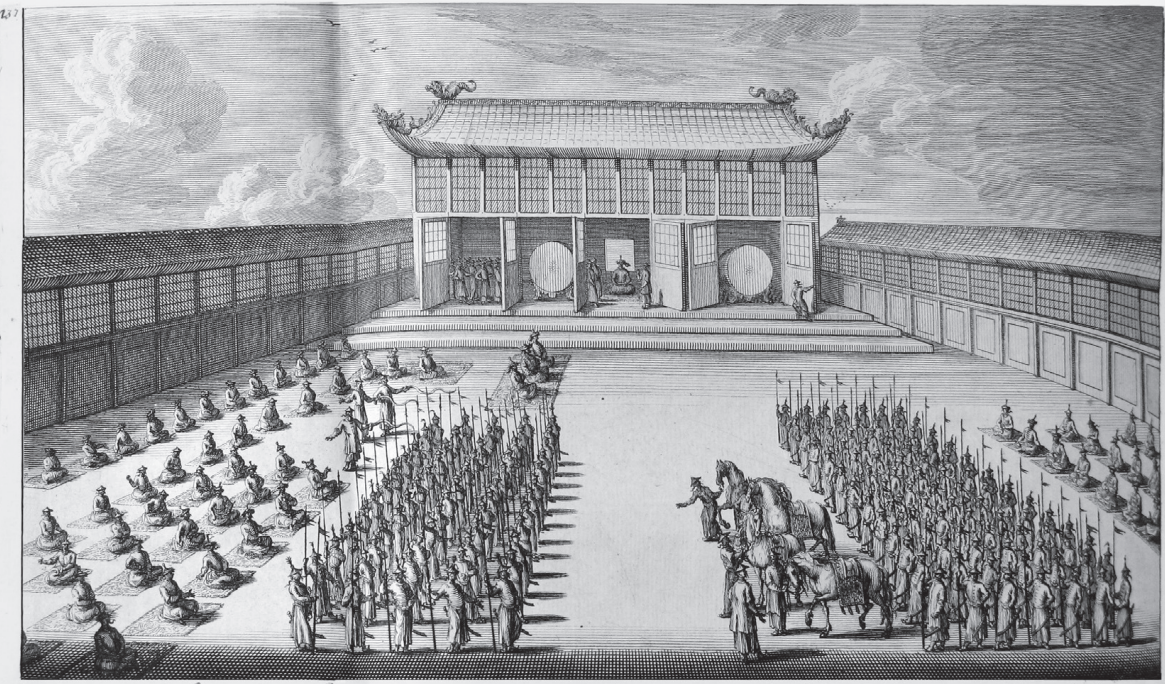
Основательное исследование книги и карты Витсена о *Тартарии* посвятил британский путешественник и писатель Джон Ф. Бэддли (J. F. Baddeley). Он одним из первых европейцев посетил на Дальнем Востоке территории, примыкающие к русско-китайской границе, и написал значимую книгу о русском завоевании Кавказа. Затем он вплотную занялся изучением связей между Россией, Монголией и Китаем в XVII веке. До первой мировой войны Бэддли собирал в русских архивах материалы для своей книги, в чем ему содействовали географ князь Кропоткин и такие русские историки, как С. А. Белокуров и Ю. В. Арсеньев. В 1919 году он опубликовал свой монументальный, непревзойденный и поныне труд *Россия, Монголия и Китай*, где неоднократно высказывался о Витсене с похвалой и энтузиазмом. Хотя исследование Бэддли охватывало период с 1602 по 1676 год, а труд Витсена, строго говоря, выходил за его пределы, он все же посвятил ему отдельную главу. Бэддли детально сопоставил карты Витсена и Страленберга, и его научные симпатии, в основном, оказались на стороне голландца²¹³. Кроме того, он десятки раз цитировал *Северную и Восточную Тартарию* в тексте своей книги²¹⁴.

XVII. Заключительное слово

Главная задача данной статьи – рассказать читателю о личности Николааса Витсена, об особенностях его главной научной работы и обстоятельствах ее создания. Кроме того, наряду с нижеследующей статьей А. Н. и Н. П. Копаневых, она дает представление о том, как на протяжении трех столетий карту и книгу Витсена воспринимали в России, Нидерландах и других странах. Ни в коем случае не претендуя на всеохватность, мы, тем не менее, надеемся, что полученная информация поможет читателям в полной мере оценить достоинства *Северной и Восточной Тартарии*, книги, которая, несмотря на все свои недостатки, не перестает удивлять богатством содержания.

Примечания

- 1 Для издания 1705 года Витсен не стал писать новое предисловие, а переработал и расширил предисловие к изданию 1692 года.
- 2 См. Christian D. A History of Russia, Central Asia and Mongolia. Malden Mass., 1998. Т. I: Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire. С. xv-xviii.
- 3 Завоевание Китая в середине XVII века маньчжурами, которых Витсен также считал тартарами, ничего не меняло. Династия Цин защищала традиционные китайские имперские ценности, и маньчжурские императоры, такие как Канси (K'ang-shi) и Юнчжэн (Yung-cheng), покорили монгольских кочевников.
- 4 Эти иезуиты пытались, таким образом, хоть сколько-нибудь освободиться от власти португальского и испанского королей, от которых они были полностью зависимыми в своих связях между Европой и Азией без поддержки ОИК. У Витсена было много их опубликованных трудов, которые он широко использовал в *Северной и Восточной Тартарии*. Например, *Nova Atlas Sinensis* Мартини, изданный голландским картографом Блау (Bleau), или знаменитый *China illustrata* Кирхнера. Витсен был дружен с патером Филиппом Купле (Philippe Couplet). См. Gebhard J. F. Het leven van Mr. Nicolaas Witsen (Жизнь магистра Николааса Витсена). Utrecht, 1882. Т. II, С. 364, 408.
- 5 См. письмо Витсена Куперу (Cuper) от 4 ноября 1705 года в: Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 309–310.
- 6 Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. I. С. xii, xiv.
- 7 Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Ленинград, 1939. С. 40–41.
- 8 Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер, Г.Ф. История Сибири, М., 1999. Первый выпуск этого издания появился в 1937 году.
- 9 Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 6, 26.
- 10 Mende U. Westeuropäische Bildzeugnisse zu Russland und Polen bis 1700. Ein Beitrag zur historischen Bildkunde. Diss. Bamberg, 1968. С. 42.
- 11 Десятилетие спустя такого же мнения придерживались такие голландские и русские историки географии, как Й. Кейнинг (J. Keuning) и Б. П. Полевой. См. сноску 13 и: Полевой Б. П. О картах Северной Азии Н. К. Витсена // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая, 1973, № 2.
- 12 Андреев А. И. Очерки... С. 36. Андреев отсылает здесь к письму Витсена своему другу Куперу, написанному 24 сентября 1709 года и опубликованному в: Gebhard J. F. Het leven..., Т. II. С. 322. В нем, однако, не говорится о причинах, побудивших Витсена не выставлять на продажу свою, тогда уже двадцатидвухлетней давности, карту, но сообщается о проблемах при завершении *Северной и Восточной Тартарии*. См. об этом данную статью, сноску 15.
- 13 Keuning J. Nicolaas Witsen as a cartographer // Imago Mundi, 1954. Т. XI. С. 98, 103.
- 14 Gebhard, J. F. Het leven... Т. I. С. 100–101, 375. См. также Peters M. Nicolaas Witsen and Gijbert Cuper: The seventeenth century Dutch burgomasters and their Gordian knot // Lias 16, 1989.

De verrijping van de gezanten voor den koning

[Появление послов перед королем [китайским императором]. Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

С. 128. и Peters M. From the study of Nicolaes Witsen (1641–1717). His life with books and manuscripts // *Lias* 21, 1994. С. 16. Более подробно о жизни и работе Витсена рассказывается в статьях Марион Петерс (Marion Peters) и ее книге: Peters M. Mercator Sapiens' (De wijze koopman). *Het wereldwijde onderzoek van Nicolaes Witsen (1641-1717), burgemeester en bewindvoerder van Amsterdam*. Amsterdam, 2010.

15 В 1709 году он писал об этом: «Я становлюсь слишком старым и ежедневно у меня все меньше мужества. Царь попросил меня продолжить мою работу, и я не могу издать ее, не показав ему». (Витсен – Куперу, 24 сентября 1709 года в: Gebhard J. F. *Het leven... Т. II*. С. 322). Несколько лет спустя он написал: «Ваше Благородие имеет в виду мою *Тартарию*, и Вы, похоже, питаете высокие ожидания, но в этом случае *parturiunt montes, nascitur ridiculus mus* (гора родила мыш). Уже много лет я не могу над этим работать [...] Я бы охотно это опубликовал, рукопись готова, но, Ваше Благородие, у меня не достает сил, и я слишком стар, чтобы начать тяжелую работу по исправлению текста, которая отнимет у меня, по меньшей мере, еще два года». (Витсен – Куперу, 15 февраля 1713 года: Gebhard J. F. *Het leven... Т. II*. С. 360). Рукопись отредактированной версии *Северной и Восточной Тартарии* была утеряна. Текст посмертного третьего издания *Северной и Восточной Тартарии* 1785 года идентичен тексту второго издания 1705 года.

16 Так, например, 42 страницы главы о Маньчжурии (Ниухе) во втором издании *Северной и Восточной Тартарии* 1705 года основаны приблизительно на 25 различных источниках. Глава о Корее в 21 страницы – на 19-ти. 64 страницы главы об Амурской области (Даурия) – приблизительно на 80-ти.

На 80 страницах главы об области к северу от Японии (Йессо) использованы около 80-ти различных источников. В среднем это приблизительно один источник на страницу.

17 Согласно его биографу Гебхарду, «осторожность, часто слишком большая осторожность», была одной из основных особенностей Витсена. См. Gebhard J. F. *Het leven... Т. I*. С. 161. Джон Е. Виллс (John E. Wills) писал об этом: «Письма Витсена читать нелегко. Стиль формален, много вежливых оборотов. В них много отсылок к разговорам, слишком чувствительным для обобщения на бумаге, к более или менее подходящим способам общения с сановником без потери чувства достоинства кем-либо. Это образцы мастерства непрямых оборотов, избегания конфронтации, осмотрительных подходов к трудным решениям». (Wills J. E. 1688. *A Global History*. London, 2001. С. 214). Гебхард также констатировал, что все политические письма Витсена были написаны в не слишком привлекательном стиле и содержали разочаровывающе мало конкретной информации о действительно важных вопросах. Gebhard J. F. *Het leven... Т. I*. С. 138, 249, 297.

18 Locher Th. J. G., de Buck P. *Inleiding (Введение) // Witsen N. Moscovische reyse 1664-1665 (Путешествие в Московию)*. Den Haag, 1966. Т. I. С. li-llii. Отчет Витсена о неудачном посольстве в Англию в 1689 году был, должно быть, также легко читаемым и живым рассказом, вопреки несколько жалобному тону. Оригинал утерян, но Й. Схелтема опубликовал его конспект. См. сноски 156 и 169.

19 Название этой книги: *Aeloude u Hedendaegsche Scheepsbouw u Bestier (Древнее и современное кораблестроение и управление)*. Согласно биографу Витсена Гебхарду, «человеку, безусловно,

не нужно читать ее для удовольствия» и «книгу часто хвалили люди, которые в дальнейшем ничего путного о ней сказать не могли». (Gebhard J. F. Het leven... T. I. С. 70-71). А. Ховинг (Hoving), реставратор корабельных моделей в амстердамском Рейксмузее, разобрал смысл текста Витсена с большим трудом и посвятил этому специальное исследование. См: Hoving A. J. Nicolaes Witsens Scheeps-bouw-konst Open gestelt (Искусство кораблестроения Витсена, открытое для читателя). Franeker, 1994. Согласно Схелтеме (Scheltema J. Rusland en de Nederlanden (Россия и Нидерланды). Amsterdam, 1818. Т. III. С. 30) эта книга Витсена была одним из первых голландских изданий, которые по распоряжению Петра I перевели на русский язык, но я этому подтверждений не нашел. В 1694 году Витсен писал Виниусу (Winivius), что его книга не содержала определенных стандартов для изготовления кораблей, потому что каждый голландский корабельный плотник сам определял их на основе своего опыта. Впоследствии Виниус сообщил об этом царю. (См: Driessen J. Russen en Nederlanders. Uit de geschiedenis van de betrekkingen tussen Nederland и Rusland 1600-1917 (*Русские и голландцы. Из истории связей между Нидерландами и Россией в период 1600-1917*), Amsterdam, 1989. С. 66; а также: Дриссен Й. Царь Петр и его голландские друзья. СПб., 1996. С. 59, 60) Из этого можно сделать вывод, что незначительная польза книги для практики кораблестроения в России была известна. Книга Карела Алларда (Allard, C. Nieuwe Hollandse scheeps-bouw, waar in vertoon word een volmaakt schip, met alle des zelfs uitterlyke deelen etc. (Новое голландское кораблестроение, с изображением совершенного корабля, со всеми наружными частями и т.д.). Amsterdam,

1694, 1695, 1705), гораздо более ориентированная на практическую деятельность, была по распоряжению Петра Первого переведена Ф. С. Салтыковым и в 1709 году опубликована в Москве под названием *Новое Голландское Корабельное Строение*.

20 В 1671 году книга стоила двенадцать голландских гульденов. По-видимому, это была немалая сумма, так как известный голландский анатом Ян Сваммердам хотел приобрести книгу Витсена для французского ученого М. Тевено, но оплатить её не смог. (См: Lindeboom, G. A. The Letters of Jan Swammerdam to Melchisédech Thevenot. Amsterdam, 1975. С. 66). Можно предположить, что через несколько десятилетий она стала довольно редким и ценным изданием. В 1698 году посол Франции в Нидерландах купил ее для французского Министерства военно-морских сил за 43 гульдена. Возможно, интерес французов к книге Витсена в том году был вызван работой Петра I в Нидерландах в качестве корабельного плотника. См. Porta, A. Joan en Gerrit Corver. De politieke macht van Amsterdam 1702-1748 (Йоан и Геррит Корвер. Политическая власть Амстердама в период 1702-1748 гг.). Assen, Amsterdam, 1975. С. 39.

21 Wildeman, G. J. D. De twee edities van Witsens Scheepsbouw nader bekeken (Два издания Кораблестроения Витсена, рассмотренные более подробно) // Hoving, A. J. Nicolaes Witsens Scheeps-bouw-konst Open gestelt. Franeker, 1994. С. 404.

22 Поначалу в *Северной и Восточной Тартарии* Витсен следовал той же модели, что и в книге о *Старом и современном кораблестроении*, и на которую ориентировались многие другие авторы книг в XVII веке. Ее суть сводилась к противопоставлению древних античных писателей современным. В предид-

словии к изданию 1692 года он писал: «Содержание этого труда поделено на две части. Предметом первой являются Скифские или Тартарские области, сообщения о которых читатель найдет в рукописях старых и новых писателей. Вторая рассказывает о той же стране в настоящее время». Действительно, около 140 страниц в книге посвящены более ранним представлениям о Тартарии и обсуждению картографического труда предшественников. Затем новой нумерацией страниц начиналась вторая часть, которая содержала 660 страниц с сообщениями о различных областях Тартарии. В издание 1705 года первая часть включена не была, хотя некоторые ее элементы были переработаны во второй части, расширенной с шестисот до тысячи страниц. По сравнению со вторым изданием 1705 года, первое (1692 года) обозримо, потому что вторая часть короче, главы об определенных областях значительно меньше, в то время как отдельные сообщения, включенные в эти главы, часто длиннее и более четко отделены друг от друга. В издание 1705 года включены многочисленные короткие сообщения, и часто неясно, когда начинается одно, или кончается другое.

23 Bergvelt, E., Kistemaker, R. (ред.) *De Wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst en rariteitenverzamelingen, 1585-1735* (Мир под рукой. Нидерландское искусство и коллекции редкостей 1585-1735). Amsterdam, 1992.

24 1 августа 1712 г. Витсен пишет о тогдашних правителях Нидерландской Индии: «Достойно сожаления, что наши люди там заинтересованы только в деньгах, но не в науке». См. об этом и подобного рода высказываниях в: Gebhard J. F. *Het leven... Т. II*. С. 341, 370, 386, 457, 461.

25 Nijhoff W. *De Anglophobie van Nic. Witsen en de verschillende redactieën*

van zijn Scheepsbouw (Англофобия Ник. Витсена и различные редакции его Кораблестроения) // *Het Boek*. 14e Jg., 1925. С. 88–96. См. также: Wildeman G. J. D. *De twee edities... С. 403*.
26 В Московии Витсен уже слышал, что русские пробовали плыть на восток, обогнув Новую Землю. Он сообщил об этом в своих *Записках*, которые составил в дополнение к путевому дневнику, вернувшись из Московии в 1665 году. Он также сообщил в нем, что встретил в Москве некоего «Паси Лапуцкого» («Paesie Lapoetskij»), который по распоряжению царя сделал карту северных областей. См: Witsen N. *Moscovische Reyse*. Т. III. С. 334, 386-7. В *Philosophical Transactions* от марта 1674 года об этом написано: «Я посылаю Вам то, что получил из Московии и что является Новой Картой Новой Земли и Вайгача так, как они были открыты по специальному приказу Царя и нарисованы художником, по имени Панелапуцкий (Panela-roetski), который послал мне ее из Москвы в подарок». Им был Станислав Антонович Лапуцкий, придворный художник царя Алексея Михайловича, дворянин польского происхождения. (Отсюда – Панелапуцкий, т.е. Пан Лапуцкий. «Паси» – по всей вероятности, описка копировщика). Не совсем ясно, какую карту Лапуцкий послал Витсену. По мнению М. П. Алексева и А. В. Ефимова, это была карта Сибири, изготовленная Ульяном Ремезовым в 1667 году по распоряжению П. И. Годунова, воеводы Тобольска. Голландские ученые Де Бюк и Лохер (De Buek и Locher) отвергали такую возможность, потому что Лапуцкий в том году уже впал в немилость. Несомненно, Витсен располагал копией карты Годунова и с признательностью использовал ее, так как она дважды упоминается в *Северной и Вос-*

точной Тартарии, а именно – в Предисловии к читателю и на стр. 859. См: Gebhard J. F. *Het leven...* Т. I. С. 496 и Т. II. С. 248, 252, 377-378, 395, 442-443; Witsen N. *Moscovische Reyse*. Т. III. С. 382, 386; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом Океянах XVII – первая половина XVIII в. М., 1950. С. 74; Алексеев М. П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Сборник статей. Л., 1934. С. 54–57.

27 *Philosophical Transactions*. Giving some accompt of the Present Undertakings, Studies and Labours of the Ingenious in many considerable Parts of the World // London, 1674. Т. IX. С. 3–4, 197–208; London, 1675. Т. X. С. 417–424. В *Philosophical Transactions* Витсен не был назван по имени, но упомянут как «опытный человек, проживающий в Амстердаме». Статья в декабрьском номере 1674 года была написана знакомым Витсена Дирком Рембрантдом ван Ниропом (Dirk Rembrandtz van Nierop). Отрывки из этой статьи Витсен включил в *Noord en Oost Tartarye* (1705), С. 152–155 и при этом сообщил, что Ван Нироп, увидев карту Витсена, был менее оптимистически настроен относительно возможности существования северо-восточного прохода.

28 Отчет об этой экспедиции: A Journal in his Majesties Ship Speedwell, Captain John Wood, bound for the discovery of a Passage to the East –Indies by the North East about Nova Zembla and Tartary and so to Japan in 1676 // Harrison, J. *Navigantium atque Itinerantium Bibliotheca*. London, 1705. С. 611–613.

29 Константайн Гюйгенс, брат знаменитого физика Христиана Гюйгенса, также находился в Лондоне. 25 мая

1689 года он записал в дневнике: «Днем господин Витсен показал мне свою карту Тартарии. Он работал над ней двадцать лет, но карта еще полностью не завершена». *Journal van Constantijn Huuygens, den zoon* (Дневник Константайна Гюйгенса). Utrecht, 1876. Т. I. С. 130.

30 См. *Noord en Oost Tartarye* (1705), С. 907–913.

31 Müller G. F. *Bering's Voyages: The Reports from Russia / Translated, with commentary by Carol Urness*. Fairbanks, 1995. С. 6-8; см. также: Gebhard J. F. *Het leven...* Т. II. С. 378.

32 Witsen N. *Noord en Oost Tartarye* (1705). С. 53.

33 Roeper V., Walraven B. *Hamel's World. A Dutch-Korean Encounter in the Seventeenth Century*. Amsterdam, 2003. С. 115. См. также: Hoetink B. (ред.) *Verhaal van het vergaan van het jacht De Sperwer en van het wedervaren der schipbreukelingen op het eiland Quelpaert en het vasteland van Korea (1653–1666) met een beschrijving van dat Rijk', door Hendrik Hamel* (История крушения яхты Ястреб и приключений потерпевших кораблекрушение на острове Квелпарт и суше Кореи (1653–1666) с описанием этой империи, написанная Хендриком Хамелом) // *Werken Linschoten-Vereniging* (Труды Общества Линдсхотена). Den Haag, 1920. Т. XVIII. С. xviii, xxxiii.

34 Цитируется по изданию: Witsen N. *Noord en Oost Tartarye* (1705), С. 43–45, 47, 49, 55–57, 59, 150.

35 Как известно, пролив между Курильскими островами Утуруп и Уруп до сих пор носит имя Фриза. Этот пролив служил в 1855 и 1875 гг. границей между Россией и Японией. Об экспедиции Фриза см. *Reis naar de eilanden ten N. en N.O. van JAPAN door MRT.GERR.VRIES in 1643 (...)* uitgegeven door P. A. Leupe met aantekeninge

ningen (...) door P. F. von Siebold (Путешествие на острова к С. и В. от ЯПОНИИ, совершенное МРТ. ГЕРР.ФРИЗОМ в 1643 г.(...), изданное П. А. Лейпе с записями (...) П. Ф. фон Зибольда). Amsterdam, 1858.

36 Witsen N. Noord en Oost Tartarye. (1705). С. 129.

37 Корабль получил название в честь северо-голландской деревни Кастрикум, расположенной на берегу Северного моря.

38 См. монографию по этому вопросу: Hesselink R. H. De gevangenen uit Nambu (Пленные из Намбу). Zutphen, 2000. Английский оригинал этой книги (Hesselink, R. H. The prisoners from Nambu) доступен в виде микрофильма в University Microfilms International, Ann Harbor, Mich.USA: Nr. DA9312196.

39 Kluuyver A. Verspreide Opstellen (Разбросанные сочинения). Den Haag, 1929. С. 52. О суждениях Витсена о русских см. Witsen, N. Moscovische reyse. С. 135, 141, 143, 237-238, 440-446, или Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. Спб., 1996. С. 111, 117, 119, 193-194.

40 Ср. описание И. Массы в Honoré Faber S.P. (ред.). Beschrijvinge van der Samoyeden landt. (Описание страны самоедов). Den Haag, 1924. С. 14 с описанием Витсена в Noord en Oost Tartarye (1705). С. 827.

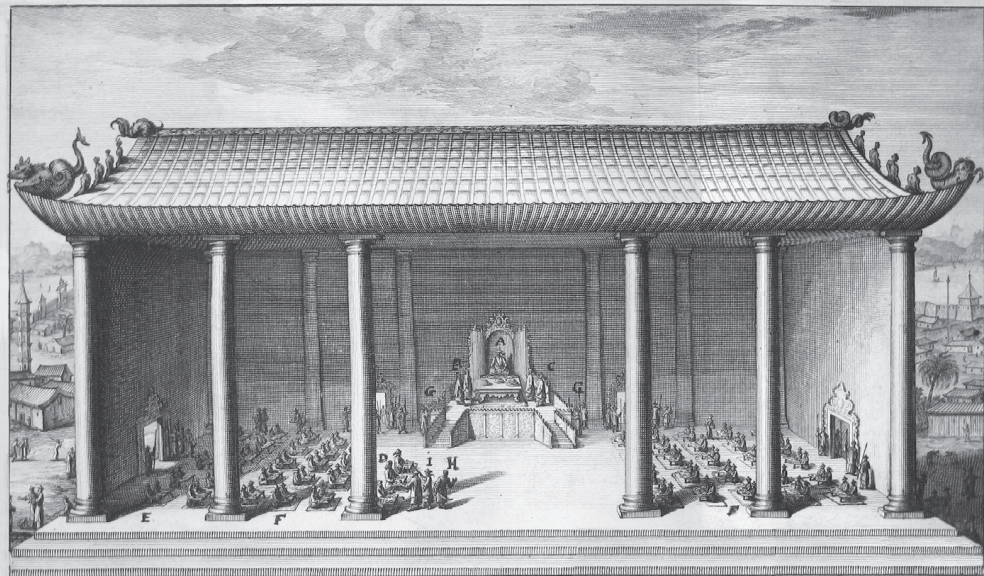
41 Ср. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 237-239 со сб. Русско-китайские отношения. Т. II. С. 411-422, 617 и Русско-монгольские отношения. Т. II. С. 186.

42 Во время дипломатических встреч часто возникали конфликты по поводу титулов царя. Это произошло и во время посольства Борейля (Boreel), в состав которого входил Витсен. См. Witsen N. Moscovische reyse. С. 169 и далее. В *Записках* Витсен рассказал о голландце, который был забит

почти до смерти за то, что осмелился критически отозваться о монете, придуманной царем. Там же. С. 296.

Ярким примером является хранящаяся в амстердамском городском архиве грамота, в которой Петр I дал разрешение Яну Тесингу (Jan Thesingh) в 1700 году печатать карты и книги. В ней было настоятельно сказано: «Унижение очень высокой чести Нашего Царского Величества и наших стран не должно иметь места в этих картах и книгах». Veluwenkamp J. W. 'n Huis op Archangel. De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh 1650-1725 (Дом в Архангельске. Амстердамская купеческая семья Тесинг 1650-1725) // Jaarboek Amstelodatum 69. 1977. С. 139. В отличие от Витсена, Масса объяснял, с какими опасностями для русских было связано предоставление географической информации иностранцам. Русский, давший в обмен на оказанные услуги карту города Москвы, делал это, согласно Массе, в самой глубокой тайне, потому что иначе мог быть казнен как предатель. (См. Orchard G. E. (ред.) A short history of the beginnings and the origins of these present wars in Moscow under the reign of various sovereigns down to the year 1610 by Isaac Massa. Toronto, London, 1982. С. 130. См. также: Масса И., Петрей П.О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

С. 111.) Также Масса поведал о географическом наброске Северной России и Северной Сибири, полученном им от одного москвитя: «Я получил его с большим трудом, так как если бы это стало известно, то стоило бы жизни тому москвитю, поэтому я не упомянул его имени». См. в: Honoré Faber S. P. (ред.) Beschrijvinge van der Samoyeden landt. С. xvii. Бэддли уже отмечал, что Витсен не использовал этот фрагмент из описаний И. Массы. (Baddeley

Koninghs grote gaste maelt, den den Afgefant, in 's koninghs besse. Rindewansio, vordach, of saal
 den Amolordosan, of koningh van Sina,
 hooe zeshite, galdio, Riddiu, tomad. en zoan gerbillou
 hooe minnistors, Als dotianda, en Alligumbra,
 den Afgefant, sittende, hysse, id koninghs oom, en
 den vorst van qualiterst.

E d'el. Afgefant en. Ginnijalste. hijnor. zjste
 F 's minnistors, of vooi'antste. mandrijns
 G 's koninghs. Eij. waagt
 H melkooit'et. taanslat'or. in d' tartariso.
 I Sijnghis. taanslat'or. in d' tartariso.

[Большой торжественный обед, данный королем [китайским императором] послу. Иллюстрация из экземпляра Северной и Восточной Тартарии 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

J. F. Russia, Mongolia and China. London, 1919. Т. II. С. 11).

43 Витсены не упоминаются в книге Й. В. Велувенкампа (J. W. Veluwenkamp) и даже не внесены в список 644 голландских купцов в России XVII столетия, составленный А. В. Демкиным. См: Veluwenkamp J. W. Archangel, Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785 (Архангельск. Голландские предприниматели в России 1550–1785). S.l., 2000; Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России XVI I в. Вып. 2. М., 1994. С. 67–81. См. однако, также: Witsen N. Moscovische reyse. С. xlv–xlvi; Wijnroks E. Handel tussen Rusland en de Nederlanden 1560–1640 (Торговля между Россией и Нидерландами 1560–1640). Hilversum, 2003. С. 230–231, 363–364, 367, 376, 419.

44 В предисловии к своей книге о кораблестроении Н. Витсен писал: «Никогда бы я не осмелился задумать труд о новом кораблестроении, если бы в мои руки не попали некоторые основы и рисунки, прежде разработанные моим покойным отцом Корнелисом Витсеном». См: Aen den Leser // Witsen N. Aeloude en Hedendaegsche Scheepsbouw en Bestier. Amsterdam, 1671. О библиотеке Витсена см. Peters M. From the study of Nicolaes Witsen (1641–1717). His life with books and manuscripts // Lias 21, 1994. В 1717 году Николаас Витсен завещал книги своему племяннику. После смерти того в 1746 году библиотека, насчитывавшая 2138 книг, была в 1747 году выставлена на аукцион. Согласно сохранившемуся аукционному каталогу (Bibliotheca Nitidissima sive Catalogus Librorum (...) Quibus dum vixit, Usus est Nicolaus Witsen (...) 1747. Amstaelodami), 177 из этих книг были посвящены другим странам и народам. Вероятно, большинство из них принадлежало отцу Николааса, так как 63 % всей библиоте-

ки состояло из книг, напечатанных до 1669 года (даты смерти Корнелиса Витсена). Каталог также дает возможность установить, что Витсен регулярно заимствовал для *Северной и Восточной Тартарии* пассажи из книг, находившихся в этой библиотеке.

45 Корнелис Витсен позаботился о том, чтобы посольство в Китай сопровождал рисовальщик. Это свидетельствует о его личном интересе к Востоку, а также о несомненном духовном родстве с сыном, увлекавшимся рисованием. Художником, поехавшим в составе этой первой голландской дипломатической миссии в Пекин, был Йохан Ниухоф (Johan Nieuhof). Позже он посвятил свою богато иллюстрированную книгу об этой поездке Корнелису Витсену. См. Blussé L., Falkenburg R. Johan Nieuhofs beelden van een Chinareis 1655-1657 (Изображения Йохана Ниухофа, сделанные в поездке в Китай). Middelburg, 1987. С. 14, 63. Николаас Витсен использовал несколько иллюстраций из книги Ниухофа для своей книги о кораблестроении. В *Северную и Восточную Тартарию* он также включил некоторые изображения восточных правителей из отцовской коллекции персидско-индийских миниатюр. См., например, портрет Тамерлана между стр. 70–71 в издании 1692 года и рядом со стр. 215 в издании 1705 года. См. также: Lunsingh Scheurleer P. Het Witsenalbum: Zeventiende eeuwse Indiase portretten op bestelling (Альбом Витсена: индийские портреты семнадцатого века на заказ) // Bulletin van het Rijksmuseum. Jg. 44. 1996. С. 107–270. Заслуживают внимания художественные работы самого Николааса. Во время поездки в Московию он сделал ряд рисунков и заботился о том, чтобы в экспедиции в чужеземные края входили рисовальщики. См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II, С. 294–295.

- 46 Scheltema P. (ред.) Nicolaes Witsen. Eene autobiografie met verklarende aantekeningen (Николаас Витсен. Автобиография с пояснительными записями) // *Aemstel's Oudheid*. Amsterdam, 1872. Т. 6. С. 42.
- 47 Оригинал этого вопроса не сохранился, но сохранились ответы Витсена. См: Witsen N. *Moscovische reyse*. С. 336 и далее.
- 48 См: Witsen N. *Moscovische reyse*. С. 373 и далее. Борейль, глава посольства, в состав которого входил Витсен, посетовал русскому правительству на Ван Свейдена (Van Sweeden), который якобы вел себя непорядочно по отношению к другим голландским купцам и, тем не менее, продолжал получать многочисленные привилегии от русской стороны. Для Витсена, по всей видимости, это не было причиной избегать контакта с Ван Свейденом.
- 49 См: Witsen N. *Moscovische reyse*. С. 122, 139, 152–156, 189. Витсен обозначил на своей карте 1687 года место, где находились «орды» князя Джалбы, и заново сообщил о разговоре с ним в *Северной и Восточной Тартарии* (1705), С. 294–295. О положении Джалбы и взаимоотношениях калмыков с русскими в то время См. Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met. The Russian state and the Kalmyk Nomads* 1600–1671. Ithaca, London, 1992. С. 96–99; см. также Balakaeva D. *De bijdrage van Nicolaas Witsen aan de kennis over de Kalmukken (De informatie over de Kalmukken op de Nieuwe Landkaart van Witsen en in het commentaar erop in Noord en Oost Tartarye)* (Вклад Николааса Витсена в познания о калмыках (Информация о калмыках на *Новой географической карте* Витсена и в комментарии к ней в *Северной и Восточной Тартарии*). Amsterdam, Universiteit van Amsterdam (дипломная работа), 2000.
- 50 Witsen N. *Moscovische reyse*. С. 133, 136–138, 159–160, 161–163, 198–200, 203, 205–206, 207–208.
- 51 Witsen N. *Moscovische reyse*. С. 175, 221–222. О Голосове см. также: Рогожин Н. М. *Посольский приказ, колыбель Российской дипломатии*. М., 2003. С. 104–105.
- 52 В официальном отчете голландского посольства А. А. Виниус назван русским переводчиком. См. Witsen N. *Moscovische Reyse*. С. 109, сноска 4. Примечательно, что Витсен описал, как умер отец Андрея Андреевича, Андрей Денисович Виниус. Он испытывал огромное отвращение к своим бывшим кальвинистским единоверцам в Москве и собирался жаловаться на них царю. Он жестоко обращался со своей женой, которая якобы не хотела переходить в православие. Он вынуждал ее креститься силой, но «подвергся в тот же день каре от руки Господа, лишился дара речи и умер на третий день, в рождество 1656 года» См. Witsen N. *Moscovische Reyse*. С. 411. Между прочим, женщина, о которой идет речь, – Гертруда Мейер (Gertrud Meyer), вторая супруга А. Д. Виниуса, на которой он женился в 1648 году после смерти первой – Гейтрют ван Рейн (Geertruut van Rijn), матери Андрея Андреевича, которая и была родственницей Николааса Витсена. См: Wladimiroff I. *Andries Winus and Nicolaas Witsen, Tsar Peter's Dutch Connection* // Horstmeier С. и др. (ред.), *Around Peter the Great. Three centuries of Russian-Dutch Relations*. Groningen, 1997. С. 6. См. также Wladimiroff I. *De kaart van een verzwegen vriendschap. Nicolaes Witsen en Andrej Winus en de Nederlandse cartografie van Rusland* (Карта замолчанной дружбы. Николаас Витсен, Андрей Виниус и нидерландская картография России). Groningen, 2008. Кроме того: Демкин А. В. *Западноев-*

ропейское купечество... С. 31; Veluwenkamp J. W. Archangel... С. 132. Указания на интенсивный контакт между Виниусом и Витсеном содержат рисунки в известной *Книге Виниуса*, сделанные предположительно Витсеном, а именно, один – самого Витсена, а другой – Виниуса. Эти рисунки см. в: Кирпичников А. Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995. С. 17 и Driessen, J. Russen en Nederlanders. Uit de geschiedenis van de betrekkingen tussen Nederland en Rusland 1600-1917. Amsterdam, 1989. С. 53.

53 О Виниусе и его отношениях с Витсеном см., наряду с Wladimiroff I. Andries Winius... также: Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус, его библиотека и альбом // Копанева Н. П. (ред.) Россия – Голландия. Книжные связи XV – XX вв. СПб., 2000. С. 103–123; Милюков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус: [сайт]. URL: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats1/a36.htm>

Диссертацию С. Г. Милюкова о Виниусе, а также исследование И. П. Козловского (Козловский И. П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб., 1911) я изучить не смог.

54 О Байкове см. Voor-Reden (Предисловие) // Noord en Oost Tartarye. 1705, последняя страница и С. 857–859. Карта Каспийского моря, которую Витсен взял с собой, была, возможно, копией карты, изготовленной по приказу царя Алексея Михайловича. См. Voor-Reden (Предисловие) // Noord en Oost Tartarye. 1705 и 1792. См. также: Witsen, N. Moscovische reyse. С. vii, 336–339, 473.

55 Эти *Записки*, в отличие от путевого дневника, не переведены и не изданы на русском языке. Они опубликованы на голландском как третья часть *Moscovische Reyse* Витсена.

56 Это также мнение Де Бюка (De Buck) и Лохера (Locher). См. Witsen N. Moscovische reyse. С. 448.

57 Сразу после этого комментария на книгу Олеариуса Витсен поместил собственной рукой примечание: «Конец. Николаас Витсен. Dii omnia laboribus vendunt. (Боги имеют все для тех, кто старается) Amstelodami 1669». См. Witsen N. Moscovische reyse. С. 465.

58 Католический священник и монах Юрий Крижанич (1618–1683) был панславистом *avant la lettre* и сторонником выступления русских против турок за освобождение христиан на Балканах. После пребывания в Москве, в период с 1661 по 1677 гг., он был выслан в Сибирь, в Тобольск. Крижанич написал историю Сибири. Витсен упоминает его в *Северной и Восточной Тартарии* по фамилии, но дает ему имя Фредерикус и описывает как «польского монаха». Возможно, Витсен предполагал еще неопубликованными рукописями Крижанича. Кажется невероятным, что Витсен мог хорошо знать Крижанича, учитывая антипротестантские и антиголландские взгляды этого хорвата. Примечательно, что Крижанич одним из первых выступил против переплавки старинных золотых и серебряных предметов из скифских курганов в Сибири, а Витсен одним из первых стал их коллекционировать. Помимо этого, Витсен оказался единственным источником информации о дате и месте смерти Крижанича (вблизи Вены в 1683 году). См: Noord en Oost Tartarye (1705). С. 115, 686. См. также: Eekman Th., Kadić A. (ред.) Juraj Križanić (1618–1683) Russophile and Eucumenic Visionary. The Hague, 1976.

59 Николай Гаврилович Милеску (1636–1709), также известный как Спафарий, был молдавским дипломатом,

военным и ученым. После 1671 года находился на службе у царя как переводчик и стал приближенным А. С. Матвеева, в то время русского «министра иностранных дел». В 1675 году Милеску был отправлен в качестве русского посла в Китай. В Тобольске он повстречался с Крижаничем, который перевел для него различные работы о Китае (в том числе описание поездки голландцев в Китай). В 1684 году Милеску выступал переводчиком во время беседы знакомого Витсена – Энгельберта Кемпфера (Engelbert Kaempfer) и русского министра В. В. Голицына. В *Северной и Восточной Тартарии* Витсен рассказывает о «некомом греческом путешественнике, по имени Спафариус, который был очевидцем и делал для меня письменные сообщения». Совсем не странно, что Витсен называет румына Милеску греком. Семья Милеску была родом из Греции, греки играли видную роль в Молдавии того периода, и Милеску известен в литературе как покровитель греко-православного Ренессанса во второй половине XVII столетия. *Описание Китая* Милеску циркулировало в виде различных рукописей (экземпляр, возможно, был и у Витсена) и впервые вышло в печатном виде лишь в 1910 году в Казани. По мнению Бэддли, его нельзя считать оригинальной работой, это по преимуществу перевод известного атласа Китая работы иезуита Мартини. Фрагменты о Корее в *Северной и Восточной Тартарии*, написанные, согласно Витсену, «неким славянским писателем», действительно обнаруживают поразительные совпадения с фрагментами из работы Мартини. См. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 101, 288 и Baddeley J. F. *Russia, Mongolia and China...* Т. II. С. 209. Витсен писал Лейбницу о Милеску: «Это мужчина с умом. Он на службе в канце-

лярии в Москве. Я раньше получал различные письма от него. Но так как он иностранец в Москве, не думаю, что он осмелится предоставить копию своего рассказа о путешествии (другому иностранцу)». Цитируется по: Müller K. *Gottfried Wilhelm Leibniz und Nicolaas Witsen*. Berlin, 1955. С. 23. См. также: Mancall M. *Russia and China. Their diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, Mass., 1971. С. 65-111, 323-333.

60 В 1669 году Разин действительно находился в Астрахани, но город взял лишь в 1670 году. Если Витсен написал этот фрагмент в 1687 году, то вышеупомянутое случилось не 18, а 17 лет назад.

61 Из поездки в Московию Витсен вернулся в Амстердам 12 августа 1665 года, поэтому дата 1666 год неверна. Эта примечательная ошибка также сделана в предисловии к изданию *Северной и Восточной Тартарии* 1705 года. См. также сноску 169.

62 *Орел* был построен по заказу царя голландским купцом Йоханом ван Свейденом (Johan van Sweeden), с которым Витсен общался в Москве. Капитаном *Орла* стал Бутлер (Butler), родственник Ван Свейдена. Стрейс был мастером по изготовлению парусов на борту корабля, а позже входил в состав голландского посольства в Московию в 1675-6 гг. под руководством Ван Кленка (Van Klenck) в качестве канонира и конюха. См. Veluwenkamp J. W. 'n Huis op Archangel... С. 151; Буганов В. И. Разин и разинцы. М., 1995. С. 319.

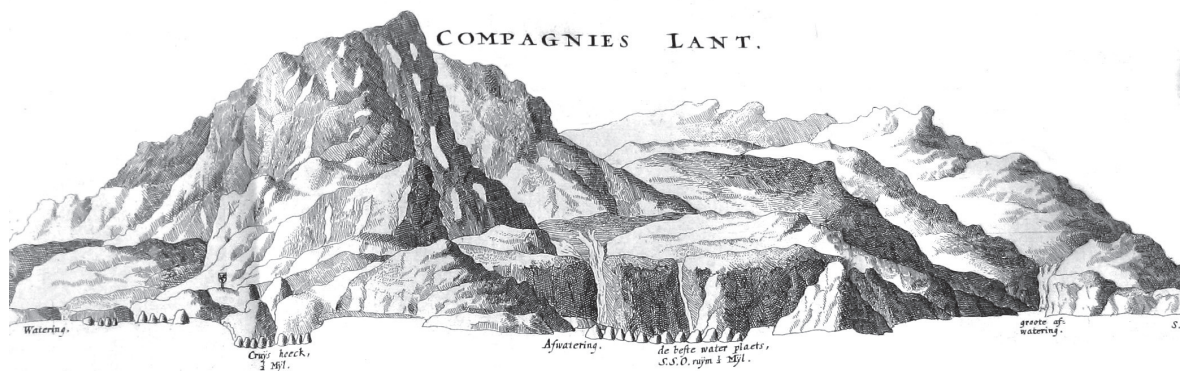
63 Возможно, Витсен помог Стрейсу подготовить это издание, так же как позднее помог составить описание путешествия Идесу, ездившему по заданию царя в Китай. Книга Стрейса под названием *Три примечательных и очень злополучных путешествия (Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige reysen)* была опубликована в 1676 году в

Амстердаме и после этого переведена на французский, немецкий, английский языки, а в 1701 году по указу Петра Великого – на русский. Помимо Витсена книга была посвящена Ван Кленку. В своем посвящении Стрейс просил обоих покровителей помочь получить вознаграждение, недоплаченное царем. Есть мнение, что Стрейс и Фабрициус – единственные иностранцы, записавшие знаменитый впоследствии рассказ и песню о Стеньке Разине, бросившем персидскую княжну со своего корабля в Волгу, где она и утонула. Стрейс также включил в книгу иллюстрацию к этому рассказу. Витсен был в восторге от изобретенного Стрейсом способа водозащиты кораблей и сообщил об этом во втором издании своей книги о кораблестроении. См. Peters M. Nepotisme, patronage en boekopdrachten bij Nicolaes Witsen (1641-1717), burgemeester van Amsterdam (Непотизм, патронаж и книжные заказы Николааса Витсена, бургомистра Амстердама) // *Lias*, Jg. 25, 1998. С. 108-110; *Boterbloem K. The Fiction and Reality of Jan Struys. A Seventeenth-Century Dutch Globetrotter*. MacMillan Publishers, 2009.

64 Фабрициус был сыном лейденского профессора, отправившегося в Бразилию в качестве хирурга Вест-Индской Компании (ВИК). В то время побережье Бразилии было в руках ВИК, одним из управляющих которой, как уже говорилось ранее, был отец Н. Витсена. В Бразилии отец Фабрициуса умер, а мать снова вышла замуж и вернулась в Нидерланды. В 1660 году Фабрициус вместе со своим приемным отцом, офицером Паулом Рудольфом Беймом (Paul Rudolf Beem), отправился в Россию. В 1670 году Бейм был убит сторонниками Разина в Астрахани. «Фабрициус принял от меня выражение дружбы», – писал Витсен в 1712 году Куперу (Gebhard J. F. Het

leven... Т. II. С. 347) Подобная формулировка подразумевает, что Витсен оказал Фабрициусу какую-то помощь. Возможно, речь идет о преодолении трудностей при увольнении с русской службы, в чем Фабрициусу также помог Йохан ван Келлер (Johan van Keller), голландский дипломатический представитель в Москве. Видимо, Витсен также использовал свои контакты в Швеции и содействовал назначению Фабрициуса посланником в эту страну. Можно предположить, что после этого Витсен встретился с ним в Нидерландах, так как помимо России и Персии Фабрициус в 1693 году был с дипломатическим поручением в Республике, а в 1704 году, вероятно, посетил Амстердам на пути в Турцию, куда он отправился побудить турок к войне с Россией. См. Uhlenbeck C. C. *Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland* (Отчет об исследовании в архивах России). 's-Gravenhage, 1891. С. 85 и Маньков А. Г. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 6. См. далее: Kononov S. *Ludvig Fabritius's Account of the Razin Rebellion*. // *Oxford Slavonic Papers*. 1955 Т. VI. С. 71-101; Буганов В. И. Разин и разинцы... С. 308-310; Норре Н. *Die diplomatischen Missionen des schwedischen Gesandten Ludwig Fabritius nach Moskau und Isfahan gegen Ende des 17. Jahrhunderts* // *Engelbert Kaempfer zum 330. Geburtstag*. Lemgo, 1982. С. 155-165. Фабрициус был знатоком не только России и Персии, но и Кавказа, и областей вокруг Каспийского моря. Во всяком случае, он упомянут как ценный информант на карте той области, сделанной знаменитым картографом Г. Делилем (G. Delisle). См. Allen W. *The sources for G. Delisle's Carte des Pays Voisins de la Mer Caspiene of 1723* // *Imago Mundi*. 1959. N. XIII. С. 137-150.

COMPAGNIES LANT.

[*Compagnies lant* [Земля Компании], т.е. земли Объединенной ост-индской компании (VOC) или Курильский остров Уруп. Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

65 В 1712 году Витсен писал Лейбницу: «Посланник Фабрициус, который из Стокгольма ездил в Испахан, был голландцем и моим другом, пользовавшимся моим расположением перед тем, как уехать отсюда (из Амстердама – *Б.Н.*). В благодарность он обещал мне предавать наблюдению все, что может быть интересным в дальних странах, и сообщать об этом. Что он и сделал через своего секретаря господина Кемпфера». Цитируется по: Drijvers J. W. *Persepolis as Perceived by Engelbert Kaempfer and Cornelis de Bruyn*. // Haberland D. (ред.) *Engelbert Kaempfer. Werk und Wirkung*. Stuttgart, 1993. С. 92.

66 См. *Noord en Oost Tartarije* (1705), С. 306 и *Noord en Oost Tartarije* (1785), С. 604. Обстоятельства получения от Кемпфера той или иной информации неясны. На карте Волги указано, что она сделана в 1697 году, т.е. через 14 лет после поездки Кемпфера на Волгу в октябре-ноябре 1683 года и спустя несколько лет пребывания Кемпфера в Нидерландах в 1693-1694 гг. См. Lazar M. *Engelbert Kaempfer als Kartograph und Geograph* // Haberland D. (ред.) *Engelbert Kaempfer. Werk und Wirkung*. Stuttgart, 1993. С. 370-382.

67 См. *Aentekeningen* (Записки) // Witsen N. *Moscovische reyse*. С. 335, 345-347, 366, 368, 471-473. См. далее *Noord en Oost Tartarye* (1705), С. 288-289, 604-605, 615-617, 716-718. О сообщениях Кемпфера чаще всего Витсен рассказывает как о «им мне сделанных (письменно на латыни)». Создается впечатление, что письма или рапорты он получал от Кемпфера напрямую. Вышеупомянутые вопросы Кемпфер рассмотрел и в диссертации, которую защитил в Лейдене в 1693-1694 гг. Тогда же произошла первая встреча Кемпфера и Витсена, который получил экземпляр диссертации. См. Hüls H.

Engelbert Kaempfers Promotion in Leiden 1693/94 // Haberland, D. (ред.) *Engelbert Kaempfer. Werk und Wirkung*. Stuttgart, 1993. С. 183-189. В этом сборнике текст диссертации Кемпфера опубликован в переводе с латыни на немецкий язык.

68 В России Кемпфер встретил Спафрия и Виниуса, а в Персии установил контакт с Хербертом де Ягером (*Herbert de Jager*), еще одним информантом Витсена. В Батавии и Японии он познакомился с Андреасом Клейером (*Andreas Cleyer*) и другими представителями ОИК, с которыми Витсен переписывался о научных делах. В 1687 году (или вскоре после этого) Кемпфер отправил Витсену изображения руин и надписей в древнем Персеполисе. Благодаря Витсену они впоследствии были опубликованы в журнале *Philosophical Transactions* Королевского научного общества Британии. В 1712 году Кемпфер выпустил о Персии книгу под названием *Amoenitates Exoticae* (*Прелести экзотики*). Была эта книга и у Витсена, в письме Лейбницу он отзывался о ней положительно. Позднее, изображения Персеполиса, иллюстрировавшие эту книгу, критиковал художник Корнелис де Бруин (*Cornelis de Bruyn*). Благодаря поддержке Витсена, он совершил поездку в Россию и Персию и лично сделал зарисовки Персеполиса. Об этом Витсен подробно писал в письмах Куперу. См. Drijvers J. W. *Persepolis as Perceived by Engelbert Kaempfer and Cornelis de Bruyn* // Haberland D. (ред.) *Engelbert Kaempfer. Werk und Wirkung*. Stuttgart, 1993. С. 85-104. Кемпфер умер в 1716 году. Его знаменитая книга о Японии была опубликована лишь в 1727 году на английском, а затем и на других европейских языках. См. современную работу, посвященную этому изданию: Bodaert-Bailey B. M. *Kaempfer's Japan*.

Tookugawa Culture Observed. Honolulu, 1999. Из письма Витсена Лейбницу следует, что он пытался добиться публикации исследований Кемпфера о Японии еще до 1712 года. Чрезвычайно вероятно, что книга Кемпфера о Японии была у Витсена еще в рукописи. В переиздании *Северной и Восточной Тартарии* 1785 года использованы гравюры, которые Витсен заказал, но не включил в издание 1705 года. В этом третьем издании изображения японских кораблей, помещенные рядом со страницей 56, идентичны рисункам в книге Кемпфера о Японии.

69 См. Noord en Oost Tartarye (1692), С. 439 и Noord en Oost Tartarye (1705), С. 692.

70 Ван Келлер поддерживал регулярный контакт с Фабрициусом, другом Витсена. О Ван Келлере См. Белов М. И. Письма Иоганна ван Келлера в собрании Нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М., Л., 1964. С. 374-382; Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII – XVIII вв. М., 1966. С. 58-83; Scheltema J. Rusland en de Nederlanden (Россия и Нидерланды). Amsterdam, 1818. Т. I. С. 348-368, и Т. II. С. 23-46.

71 См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 184, 203; Scheltema P. De Russische ambassade te Amsterdam in de jaren 1687 en 1688 (Русское посольство в Амстердаме в 1687 и 1688 гг.) // Aemstel's Oudheid. 1885. Т. 7. С. 31-47. Посников действительно был думным дьяком Посольского приказа. См. Рогожин Н. М. Посольский приказ... С. 109.

72 См. Белов М. И. Россия и Голландия... С. 71, 81.

73 Witsen, N. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 571.

74 Цитируется по: Hughes L. Sophia, Regent of Russia 1657-1704. New Haven, London, 1990. С. 143.

75 См. Hughes L. Sophia... С. 141-144, 203-204, 224. Гравюра Блотелинга изображена в этой книге рядом с титульной страницей, портрет царевичей – на стр. 143. См. также: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 201-202. Wladimiroff I. Winius en Witsen... С. 13 и Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус... С. 109-110.

76 Витсен писал, что грамота датирована 7196 годом, то есть относится к периоду между сентябрем 1687 и сентябрем 1688 года. См. Voogreden aen den lezer (Предисловие к читателю) // Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1692 и 1705).

77 Однако позднее существование этого острова не подтвердилось. Вероятно, это был всего лишь крупный айсберг.

78 Намерения Витсена адаптировать карту к новой политической ситуации, становятся понятны из его письма Куперу, написанного примерно в то же время. См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 284. Андреев полагал, что карта с виньеткой посвящением царю Петру была опубликована не ранее 1696 года, то есть после начала единоличного правления Петра I, или даже в августе 1697 года, когда царь встретился с Витсеном. Но эти предположения ничем не подтверждены. Андреев А. И. Очерки по источниковедению... С. 36.

79 Историк Схелтема указывает неверную дату в переводе письма царей Петра и Ивана на голландский язык: 15 мая 6198 года, который он пересчитывает как 1690 год. (См: Scheltema J. Rusland en de Nederlanden... Т. II. С. 334). Если исходить из указанного Витсеном 7199 года, который приведен

и в современном издании книги Идеса, то правильная дата благодарственного письма – 27 мая 7199 года (что соответствует 6 июню 1691 года). См. также: Идес И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967. С. 386.

80 См. Северная и Восточная Тартария (1705), С. 2, 11, 64-65, 90, 105.

81 Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 250.

82 Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1692), С. 1

83 По поводу книги Витсена о кораблестроении Вилдеман (G. J. D. Wildeman) писал, в частности, следующее: «Как мог этот молодой сын регента написать столь большую книгу? Собственно говоря, мы ничего не знаем об этом точно». См. Wildeman G. J. D. Twee edities van Witsens Scheepsbouw... С. 398. Схелтема (Scheltema J. Rusland en de Nederlanden... Т. II. С. 197-198) полагал, что Витсену помогал Ян Якобсон Файселаар (Jan Jacobszoon Vyselaar). Впоследствии этот корабель предположительно заведовал витсеновской коллекцией инструментов и судовых предметов. В 1697 году он якобы постоянно сопровождал Петра Великого на верфи ОИК в Амстердаме. В этом сомневался уже Н. Г. Устрялов, а затем и М. М. Богословский. В общем и целом предположения Схелтемы практически ничем не подкрепляются. (Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Л., 1941. Т. II. С. 272)

84 Некоторые ошибки в *Северной и Восточной Тартарии* можно расценить как результат некомпетентности ассистентов Витсена, а так же недостаточного контроля с его стороны. Так, например, на С. 555 сообщается: «Алхасен (*Alhasen*), который описывает жизнь Великого Тамерлана». В XVII столетии специалисты знали, что Алхасен, или арабский писатель Абу Али ал-Хайтам (Aboe Ali al-Haitham), жил в

Х-ХI вв. и не мог описать жизнь Тамерлана, который жил в XIV веке. Биография, упомянутая в *Северной и Восточной Тартарии*, является «фальшивым Алхасеном», фальсификацией XVI века, о чем в своей книге *Pseudoxica Epidemica* (1646) сообщил врач сэра Томас Браун (Sir Thomas Browne), живший в XVII веке. Трудно представить, что Витсен этого не знал. Еще в 1636 году Голиус, преподаватель Витсена в Лейдене, опубликовал биографию Тамерлана Ахмеда Арабсиды (Achmed Arabsiada's), написанную в XVI веке (т.е. арабский текст с латинским переводом). Витсен питал к Тамерлану особый интерес, его имя мы встречаем в предисловии, а также на десятках страниц *Северной и Восточной Тартарии*. Портрет Тамерлана помещен рядом со С. 215. Купер даже полагал, что именно Витсен мог бы стать автором современной биографии Тамерлана. См. Peters M. Nicolaes Witsen and Gijssbert Super... С. 131-132.

85 См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 277.

86 См. сноску 15.

87 Находясь при нидерландских войсках в качестве политического комиссара на фронте, Витсен имел в услужении несколько человек. В 1676 году он сообщал в одном из писем, что поспешно приехал из армии в Амстердам на несколько дней, «оставив всех ... слуг и багаж в поле». См. Gebhard J. F. Het leven... Т. I. С. 140. Оригиналы московского путевого дневника Витсена и его *Записок* утеряны. Если верить Лохеру и Де Бюку, над копией, которую Витсен послал французскому ученому Тевену (Thévenot), работали по меньшей мере семь разных переписчиков (она сохранилась в Париже). См. Witsen N. Moscovische reyse. С. IV. Кроме того, большинство писем Витсена написаны не им самим, а продикто-

ваны служащим. См. Gebhard J. F. *Het leven...* Т. I. С. 359. Вернувшись домой Витсен поручил художнику доработать наброски, сделанные в Московии. Стиль этих иллюстраций, часть из которых опубликована в книге А. Н. Кирпичникова, а также как приложение к русскому переводу путевого дневника, явно отличается от хранящихся в амстердамском Рейксмузее рисунков самого Витсена, куда более любительских. В книге о кораблестроении на большинстве рисунков указано имя Витсена, но, по всей вероятности, они также сделаны профессиональными граверами по его указаниям.

88 Большая коллекция предметов и редкостей, библиотека, рукописи и карты Витсена были выставлены его наследниками на аукцион в 1728, 1747 и 1761 гг. О названиях в каталоге аукциона см. Peters M. *From the study...* С. 6, 10. Согласно Схелтеме, сохранились еще три ящика из наследства Витсена, но в начале XIX века оказалось, что находившиеся в них бумаги испортились. Scheltema J. *Rusland en de Nederlanden...* Т. III. С. 131.

89 В предисловии к *Северной и Восточной Тартарии* он говорит также о греках, персах и людях, находившихся в Тартарии в качестве пленников.

90 В письме Куперу Витсен описывает свои исследования весьма похожим образом. Среди прочих мест, откуда к нему стекалась информация, он также называет Каффу (Caffa) в Крыму. Gebhard J. F. *Het leven...* Т. II. С. 251-252, 284-285.

91 Witsen, N. *Noord en Oost Tartarye* (1692), С. 472-509, 534-539, 326-327.

92 Там же, С. 131, 164-166, 449-450.

93 Там же, С. 201-219, 230-246, 290-315.

94 Там же, С. 317-326, 356-373, 396-401, 451-455. Разные поколения семьи Ошпье служили консулами Нидерландской Республики в Смирне. Кстати

говоря, и сам Н. Витсен был причастен к организации Левантской компании в Нидерландах. Как следует из предисловия к *Северной и Восточной Тартарии*, он располагал неопубликованными арабскими рукописями, приобретенными в свое время Левинусом Варнером (Levinus Warner, 1619-1665), крупным языковедом, коллекционером восточных рукописей и послом Нидерландов в Константинополе. Возможно, эти рукописи оказались у Витсена также благодаря семейным связям в тех краях.

Немаловажным для Витсена стал и тот факт, что Ошпье находились в родстве с тогдашним послом Нидерландов в Константинополе Якобусом Кольером (Jacobus Colyer), игравшим важную роль в русско-османских отношениях в период правления Петра Великого.

См. Gebhard J. F. *Het leven...* Т. I. С. 123 и далее. Koster D. *To Hellen's Noble land*. Groningen, Athene, 1995. С. 7-8.

95 См. Witsen N. *Noord en Oost Tartarije* (1692), С. 14-19, 30-36, 69-83, 125-128, 192-193, 277, 524-530.

96 Андреас Клейер (1634-1697) был главным аптекарем и одним из управляющих ОИК в Батавии (современная Джакарта). В течение нескольких лет он представлял Компанию в Японии. Он послал Витсену рисунки с японскими растениями и, возможно, помог ему войти в контакт с иезуитами в Китае, например, с отцом Купле.

97 Лингвист, ботаник и купец Херберт де Ягер (1636-1694) был протеже Витсена. Выходец из простой крестьянской семьи, он получил образование в Лейдене за счет ОИК и намеревался стать пастором в Нидерландской Индии. В студенческие годы он жил в доме профессора Голиуса и начал изучать восточные языки. Позже де Ягер стал представителем ОИК в Персии, Индии, на Цейлоне и «главным куп-

цом» в Нидерландской Индии. К слову сказать, повествование о персидском посольстве в Китай эпохи Минг принадлежит к числу классических литературных произведений так называемого «тимуридского возрождения» и неоднократно переведено на разные европейские языки (См: Maïtra K. M. A Persian Embassy to China. New York, 1970 и Thackston W. M. (ред.) A Century of Princes. Sources on Timurid History and Art. Washington, Los Angeles, 1989.) В литературе, посвященной этому захватывающему произведению, в качестве переводчика чаще всего упоминается имя француза Антуана де Галланда (Antoine de Galland, 1646-1715), автора сборника *Тысяча и одна ночь*, но биограф де Галланда не смог найти этому достаточных подтверждений. См. Abdul-Halim M. Antoine Galland son vie et son oeuvre. Paris, 1964. С. 82-84, 235-238, 487. Гораздо более правдоподобна версия о том, что первым переводчиком был Де Ягер, а именно Витсен впервые опубликовал этот текст (См. Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 419-435). Можно предположить, что Мельхисидек Тевено (Melchisédech Thévenot), библиотекарь Людовика XIV, хорошо знавший не только де Галланда, но и Витсена, перевел нидерландский текст Де Ягера на французский язык и опубликовал его в *Recueil de divers voyages curieux* (1696).

98 См. Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 419-435.

99 О карте Годунова см. Андреев А. И. Очерки по источниковедению...С. 25; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом Океянах XVII – первая половина XVIII века. М., 1950. С. 73-74; См. также сноску 27 данного издания.

100 Gebhard J. F. Het leven...Т. I.

С. 428. Поиск ценных руд в Сибири чрезвычайно способствовал увеличению географических знаний об этом регионе. Виниус всячески поощрял эти изыскания, и Витсен смог извлечь из этого определенную выгоду. К примеру, в качестве своеобразной благодарности за полученную информацию Витсен отправил в Россию шведского металлурга, а так же заказал в Амстердаме анализ образцов металлической руды, найденной в Сибири. См. Gebhard J. F. Het leven...Т. II. С. 340, 365; Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 74, 82, 83; Zandt Chr. Nederlanders en Siberië 1665-1750 (Голландцы и Сибирь в период 1665-1750): неопубликованная дипломная работа. Groningen, 1997. С. 20-21.

101 См. Богословский М. М. Петр I, Материалы для биографии. Т. II. С. 148.

102 См. Веневитинов М. А. Русские в Голландии. Великое Посольство 1697-1698 гг. М., 1897. Наряду с книгой М. М. Богословского (см. сноску 101), это наиболее подробное исследование пребывания Петра в Нидерландах.

103 Gebhard J. F. Het leven...Т. II. С. 296. Часто делаются предположения, что сибирское слово «мамонт» вошло в европейские языки благодаря Витсену, так как он первым написал об этом животном.

104 Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 553.

105 Там же, стр. 253-254.

106 Там же, стр. 524-526, 532-533.

См. Ватейшвили Д. Л. Николай Витсен и его сведения о Грузии // Ватейшвили Д. Л. Грузия и европейские страны. М., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 278-568 и Александр Багратиони. Друг и единомышленник Петра Великого. Очерк жизни и деятельности // Ватейшвили Д. Л. Грузия и европейские страны. М., 2003. Т. 2. С. 150-205.

[Таргазинский или тунгусский всадник и крестьяне. Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

107 Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1705), 79, 83, 91, 102, 214, 655, 748, 763, 803-804, 834, 855.

108 См. Gebhard J. F. Het leven... Т. I. С. 438-443 и Пекарский П. П. Наука и литература. Т. I. С. 517-520.

109 Витсен заказал изображение полученных предметов, которые затем были включены в третье издание *Северной и Восточной Тартарии* 1785 года рядом со страницей 473.

110 Витсен писал Куперу, что русские эти античные предметы не ценили и отправляли на переплавку. См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 308, 328, 405. Витсен начал собирать эти предметы искусства, еще не зная, что имеет дело со скифскими древностями. Можно предположить, что осквернителям могил он предложил более высокую цену, чем стоимость драгоценного металла, из которого эти предметы были сделаны. Витсен сообщает об этом уже во втором издании *Северной и Восточной Тартарии* (стр. 749-750), но большая часть коллекции оказалась в его руках после 1705 года. В тот же период он заказал изображения наиболее красивых экземпляров. Эти рисунки были опубликованы в третьем издании книги рядом со стр. 748.

Возможно, Петр I видел эту коллекцию золотых и серебряных предметов, когда посетил Витсена во время своей второй поездки за границу в 1717 году, незадолго до смерти Витсена. В том же 1717 году царь приказал губернатору Сибири начать собирать эти предметы и тем самым заложил основу современной коллекции Эрмитажа. Коллекция Витсена полностью утрачена. См. Rudenko S. I. Die Sibirische Sammlung Peter I. Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Archäologisches Institut. Moskau-Leningrad, 1962; Завитухина М. П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции

Петра I // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977; Zavitoechina M. De Siberische collectie van Peter de Grote // Kistemaker R. и др. (ред.) Peter de Grote en Holland (Петр Великий и Голландия). Amsterdam, 1996. С. 203.

111 Этого Салтыкова Витсен неоднократно называет «губернатором Тобольска», но, возможно, имеет в виду его отца. В январе 1697 года Петр отправил Федора Степановича Салтыкова в Голландию для обучения мореходству и судостроению. В 1711 году он снова приехал на Запад, чтобы приобрести корабли для царя и остался жить в Лондоне до самой смерти (в 1715 году). Вероятно, Витсен был знаком с ним еще до 1705 года. Воеводой Тобольска был не Федор Степанович, а его отец – Степан Иванович Салтыков. См. Witsen N. Noord en Oost Tartarije (1705), С. 91, 656, 746, 750 и 755.

112 В 1701 году А. А. Матвеев писал Ф. А. Головину об отправке партий оружия из Амстердама: «Он (Витсен) обещает привести все исполнение в тайне». Можно предположить, что Витсен получил весьма щедрую комиссию за посредничество в торговле оружием. Однако в 1702 году Головин хотел отдельно вознаградить Витсена «в связи с его многочисленными заслугами». Тот же Матвеев отсоветовал Головину посылать Витсену деньги, так как это могло выглядеть как подкуп и обидеть получателя. В 1703 году Витсен получил благодарственное письмо, написанное собственноручно царем, золотую медаль и другие подарки. См. Uhlenbeck C. C. Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Russland. 's-Gravenhage, 1891. С. 72 и Wladimiroff I. Winius en Witsen... С. 21. О торговле оружием между Амстердамом и Россией в те годы см. Koningsbrugge J. S. A. M. van. Tussen Rijswijk en

Utrecht. De diplomatieke betrekkingen tussen Zweden en de Verenigde Nederlanden 1697-1713 (Между Рейсвейком и Утрехтом. Дипломатические отношения между Швецией и Объединенными Нидерландами). Groningen, 1996. С. 101-104, 253. Veluwenkamp J. W. Archangel, Nederlandse ondernemers...С. 153 и далее; Zacharov V. Jan Lups – Der Handelsagent Peters des Grossen // Horstmeyer C. и др. (ред.) Around Peter the Great. Groningen, 1997. С. 78-85.

113 А. И. Андреев, Л. Багров и И. Владимиров полагали, что подходящим для этого замысла издателем был Ян Тесинг, который в 1700 году получил от Петра эксклюзивное право на печатание книг и карт. Якобы, выпуск атласа не состоялся потому, что Тесинг умер в 1701 году. Однако такой ход событий крайне маловероятен, поскольку в грамоте, врученной Тесингу, недвусмысленно утверждалось, что в Голландии право на издание карт и книг о Сибири и Китае сохранял за собой Исбрант Идес. См. Андреев А. И. Очерки по источниковедению...С. 65-75; Bagrow L. Semyon Remezov – a Siberian Cartographer. // *Imago Mundi*, 1954. XI. С. 120. Bagrow L. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. 's-Gravenhage, 1958. С. 15-16. Wladimiroff I. Winius and Witsen...С. 17. Veluwenkamp J. W. 'n huis op Archangel. De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh 1650-1725. // *Jaarboek Amstelodamum*, 1977. N. 69. С. 138-139; Идес И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967. С. 11-17, 384. Уже само по себе примечательно, что в качестве нидерландских издателей царь выбрал именно Тесинга и Идеса. Амстердамский купец Тесинг, торговавший с Архангельском, картографией и книгопечатанием не интересовался. Эту коммерческую привилегию он запросил в надежде на большую

прибыль. Предположительно, его просьба была удовлетворена потому, что он поставил в Россию много оружия. Однако он жил в издательском центре Амстердама и действительно напечатал несколько книг. См. Ockenfuss M. J. Inauspicious Beginnings; Jan Thesingh, Amsterdam, and the Origins of Petrine Printing // Waegemans E. (ред.) *Russia and the Low Countries in the 18th Century*. Groningen, 1998. С. 15-24.

Идес тоже был купцом, жил в России и принадлежал к числу близких друзей Петра. В 1691 году он попросил отправить его в качестве посланника в Китай. Идес надеялся хорошо заработать на китайских товарах и расплатиться по всем своим долгам. В 1692 году его просьба была удовлетворена. Таким образом, он получил возможность участвовать в российской внешней политике, хотя и не был «слишком образованным человеком», как отмечал М. И. Казанин, русский редактор отчета о путешествии Идеса. В 1695 году Идес снова приехал в Россию, а в 1698 году получил исключительное право печатать в Нидерландах книги и карты о Сибири и Китае. Однако в Нидерланды он так и не вернулся, и даже не опубликовал рассказ о своем путешествии.

114 Экземпляр этой пересмотренной версии хранится в Париже – в Bibliothèque Nationale. См. Keuning J. Nicolaas Witsen as a cartographer... С. 104-105. См. также сноску 175.

115 Витсен считал Идеса своим другом и цитировал его письма в *Северной и Восточной Тартарии* (1705), С. 118, 138. Идес также послал Витсену сообщения о своей поездке в Китай. По словам Витсена, записки эти были «написаны по-гамбургски или по-нижнесаксонски, очень запутанно.» (Gebhard J. F. *Het leven...* Т. II. С. 322) В 1704 году Витсен опубликовал рассказ о путеше-

ствии Идеса под названием *Driejaarige Reize naar China, te lande gedaan door den Moscovische Afgezant E. Ysbrants Ides* (*Трехлетнее путешествие в Китай, совершенное по суше посланником Московии Исбрантом Идесом*). Эту книгу Витсен также посвятил Петру Великому. Текст рассказа был дополнен двадцатью девятью прекрасно выполненными гравюрами. В составе посольства Идеса был голштинский художник Вельтсель (Wetsel), но он умер на пути в Западную Сибирь. Вполне вероятно, что несколько рисунков Вельтселя Идес передал А. А. Виниусу, который впоследствии использовал их для своей *Книги Виниуса*. (см. также сноску 52). Однако М. И. Казанин предполагает, что 29 гравюр, иллюстрировавших путешествие Идеса, были выполнены только по указаниям Витсена и представляют собой лишь фантазии амстердамских художников. С другой стороны, возможно также, что наброски для этих иллюстраций сделал сам Витсен. См: Идес И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967. С. 303, 371. Некоторые из этих гравюр Витсен затем использовал для второго издания *Северной и Восточной Тартарии*. При этом иллюстрации нередко подвергались изменениям: на них менялся задний план или две картины соединялись в одну.

116 Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 415, 421

117 В 1704 году Витсен уже знал, что Камчатка и Корея – полуострова. Но на *Табуре* это не отмечено. Кейнинг предполагал, что Идес пользовался картой не только Витсена, но С. И. Салтыкова, экземпляра которой был и у Витсена (см. данную статью выше). Идес встретил Салтыкова и двух его сыновей в Тобольске. Однако А. И. Андреев полагал, что идеи Реме-

зова проникли в *Табур* через Виниуса и Витсена. См: Keuning, J. Nicolaas Witsen as a cartographer... С. 107-108; Идес И., Брандт А. Записки о русском посольстве... С. 89, 369-371 и Андреев А. И. Очерки по источниковедению... С. 63-65.

118 И. Владимиров сообщает, что в 1705 году Витсен писал Ф. А. Головину. (Wladimiroff I. Winius and Witsen... С. 21) По мнению Зандта (Zandt Chr. Nederlanders en Siberië 1665-1750... С. 28), в 1705 году Витсен писал Гавриле Ивановичу Головкину, который тоже был сподвижником Петра I. (Оба автора ссылаются на письмо от 16 апреля 1705 года, РГАДА, ф. 50, оп. 1. ед. хр. 6). О причинах «бегства» Виниуса в Нидерланды высказываются различные предположения. Е. А. Савельева считает, что причиной стал страх цивилизованного европейского обывателя перед военным насилием. Милуков придерживается версии о душевном смятении, вызванном несоответствием кальвинисткой морали Виниуса и испорченности правящих кругов, близких царю. В письме Петру I Витсен настаивал на своем варианте: Виниус был отрезан от русских войск и не мог вернуться в Москву по суше. Эта версия кажется нам наиболее приемлемой. Wladimiroff I. Winius and Witsen... С. 21; Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус... С. 114; Милуков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус... С. 11.

119 В Англии и Нидерландах предпринимались неоднократные попытки примирить православную и протестантскую церковь. В первой половине XVII-го века Нидерланды продвигали эту идею особенно активно, в частности, через контакты с патриархом Константинополя Кириллом Лукарисом (Cyrillus Lucaris), интересующимся протестантизмом. См. Groot A. H. de.

Ottoman Empire and Dutch Republic. Leiden, Istanbul, 1978; Hadjianthoniou G. A. The Protestant Patriarch. The life of Cyril Lucaris (1572-1638) Patriarch of Constantinople. Richmond, Virginia, 1961. Церковная реформа Петра Великого дала как протестантам, так и католикам новую надежду на сближение с православием. По просьбе Виниуса Витсен обратился за помощью к голландскому теологу-кальвинисту Тако Хайю ван ден Хонерту, и тот написал по данному вопросу несколько писем. См. Honert T. H. van den. Brieven aan den weledelen grootagtbaren heer Mr. Nicolaas Witsen (Письма многоуважаемому господину магистру Николаасу Витсену). Leiden, 1744; Scheltema J. Rusland en de Nederlanden...Т. III. С. 136. Gebhard J. F. Het leven...Т. I. С. 445; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, London, 1998. С. 336-337.

120 Пекарский П. П. Наука и литература...С. 204-206; Wladimiroff I. Winius and Witsen...С. 21.

121 Среди книг, попавших в императорскую библиотеку после смерти Виниуса, было лишь первое издание *Северной и Восточной Тартарии*. См. Пекарский П. П. Наука и литература...С. 208; Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус...С. 121. Возможно, второе издание сгорело в 1712 году, когда в доме Виниуса вспыхнул пожар, в котором погибла его жена.

122 См. Cornelis de Bruins reizen over Moskovie, door Persie en Indie, etc. (Путешествия Корнелиса де Бруина в Московию через Персию и Индию и т. д.). Amsterdam, 1711 и Hannema K. (ред.) Cornelis de Bruijn. Reizen over Moskovie. Een Hollandse schilder ontmoet Peter de Grote (Корнелис де Бруин. Путешествия в Московию. Голландский художник встречает Петра Великого). Amsterdam, 1996. См. также

сноску 68. Витсен дал Де Бруину рекомендательные письма, и его принял царь Петр. Витсен пользовался информацией только из более ранней книги Де Бруина, а именно *Reizen door de vermaardste Deelen van Klein Asia (Путешествия по знаменитым частям Малой Азии)* 1698 года. См. Witsen N. Noord en Oost Tartarije (1705), С. 260, 261, 646, 798.

123 См. сноски 58 и 109. Из переписки между Виниусом и Витсеном следует, что Витсен, благодаря Виниусу, смог установить контакт с губернатором Сибири Матвеем Гагариным. Сын Гагарина дважды посещал Витсена в Амстердаме. См. Zandt Chr. Nederlanders en Siberië 1665-1750...С. 20-21.

124 Wladimiroff I. Winius and Witsen...С. 18.

125 Обзор посвящений и хвалебных благодарностей: Bodel Nijenhuis J. T. Verspreide bijzonderheden over Mr. Nicolaes Cornz. Witsen (Распространенные подробности о магистре Николаасе Корн. Витсене) // *Bijdragen voor Vaderlandsche Geschiedenis en Oudheidkunde* (Вклады в отечественную историю и археологию), 1856. Т. 10. С. 240-270 и Peters M. Nepotisme, patronage en boekopdrachten bij Nicolaes Witsen // *Lias*, 1998. N. 25. С. 83-134.

126 цитируется по: Bodel Nijenhuis J. T. Verspreide bijzonderheden...С. 267.

127 Письмо Портленда Вильгельму III, от 3-4 марта 1690 года, в: Japikse N. Correspondentie van Willem III en van Hans Willem Bentinck (Переписка Вильгельма III и Ханса Вильяма Бентинка). 's Gravenhage, 1927. Т. I. С. 134.

128 А. Порта подробно описал эти события в своей книге *Joan en Gerrit Corver. De politiek macht van Amsterdam* (Porta, A. Joan en Gerrit Corver. De politiek macht van Amsterdam. Assen, Amsterdam, 1975. С. 39-48). Порта трактовал Витсена как кабинетного учено-

го, не слишком разбравшегося в тонкостях политической жизни и международной дипломатии. Порта полагал, что Витсен оказался заложником обстоятельств, которые не мог контролировать, и пал жертвой, прежде всего, собственного тщеславия и наивности. Эти критические суждения Порты и политической деятельности Витсена выделяют его среди других авторов: Вагенаар (Wagenaar), Хаис ван Бюрен (Chais van Buren) или Гехбард, — чьи мнения мы рассмотрим ниже.

129 Цитируется по переводу книги Перри на голландский язык (переводчик А. Moubach): Perry J. Tegenwoordige Staat van Rusland (Нынешнее состояние России). Amsterdam, 1717. С. 165. Вильям де Фламинг руководил экспедицией в Зюдланд (Zuidland - Австралия) в 1696-1697 гг., организованной по инициативе Витсена. Он был разочарован результатами этой экспедиции, благодаря которым, однако, западное побережье Австралии было нанесено на карту точнее, чем прежде. См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II. 260-262, 293-295, 299-300. Другая экспедиция, за которой стоял Витсен — путешествие Симона ван дер Стела (Simon van der Stel) в Коперберген (Медные горы) в Южной Африке. Сделанные во время этой поездки акварели известны как Codex Witsenii. См. Wilson M. L. и др. (ред.) Codex Witsenii. Cape Town, 2002. Еще в молодости Витсен прочитал две лекции по астрономии. См. Burger Jr. C. P. Eene disputatio van Nicolaas Witsen in het Amsterdamsche Athenaeum (Один диспут Николааса Витсена в амстердамском Атенеуме) // Het Boek. Den Haag, 1922. С. 114-116. Его учитель Голиус основал обсерваторию в Лейденском университете. Подробности о причастности Витсена к постройке обсерватории и сооружению подзорной трубы нам не известны.

130 См. Gebhard, J. F. Het leven...

Т. I. С. 517-519.

131 О Мессершмидте, Беринге и карте Витсена см. напр.: Fisher R. Bering's Voyages. Whither and Why. Seattle, London, 1977. С. 77. В предисловии ко второму изданию *Noord en Oost Tartarye* Витсен сообщал, что в 1696 году амстердамский издатель Карел Аллард (Carel Allard) опубликовал карту Азии, «в которой он следовал моей большой карте Тартарии». Витсен имел в виду *Tartaria sive Magni Chami Imperium*, на которой его карта действительно упомянута как источник: «Extracta ex Authenticis Tabulis D. Nicolai Witsen...» Кроме того, ссылка на Витсена дается и в других изданиях карты Азии, опубликованной Аллардом под иным названием, а именно *Exactissima Asiae Delineatio...* и т.п. В дальнейшем карты Алларда копировали и издавали другие картографы, например, Герард и Леонард Фалк (Gerard en Leonard Valk) и Петрус Схенк (Petrus Schenk), который помимо прочего рисовал портреты Витсена. В предисловии к изданию *Noord en Oost Tartarye* 1705 года Витсен высказал недовольство в адрес французского картографа, сделавшего имитацию его карты в 1694 году без ссылки на источник и не получив разрешение. Вместе с тем он пытался защититься от критики, которой подверглась его карта во Франции, а также выступал против поправок, которые нанес на его карту картограф Николя де Фер (Nicolas de Fer). Письмо Куперу 1705 года дает нам представление, какую бурю негодования вызвали у Витсена плагиат и несправедливая критика: «ее [карту] издают в Париже, под другими названиями, и с триумфом говорят о некоторых промахах, якобы сделанных мной, что было неудивительно в работе, в которой такое множество сотен названий, хотя я никакого промаха не

1. Могольскыя монахиня 2. Могольскыя Ламы или священник

1. Крестьянин из Леотунга

[Вверху: 1) Монгольская монахиня.
2) Монгольский лама или священник.
Внизу: 1) Крестьянин из Леотунга.
Иллюстрация из экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

осознаю». См. Gebhard J. F. Het leven... Т. II. С. 309-310. С другой стороны, Де Фер скопировал и ошибки Витсена. Это видно на примере обозначения сибирского местечка Братск. На карте Витсена 1687 года написано:

Bratskoy, ofte Broeder stad (Братской, или Брат город). Видимо, Витсен не осознавал, что «*Брат*» – это искажение этнонима «*бурят*». На своей карте *La Partie de l'Asie ou se trouve le Grand Empire des Tartares Chinois et celui de Japon* 1705 года Де Фер вслед за Витсеном обозначил это поселение как *Bratsk* или же *Broeder ou Bratskoy*.

132 Об экземплярах французской и английской карты, выполненных на основании карты Витсена, см. Keuning J. Nicolaas Witsen as a cartographer... С. 108-109 и Cohen M. G. Les Cartes de Sibirie au XVIIIe siècle. Paris, 1911. Т. I. С. 5-10.

133 См. Thesauri Epistolici Lacroziani. 1742. Tomus I. С. 45.

134 См. Der allerneueste Staat von Sibirien, einer großen und zu vor wenig bekannten Moskowitischen Provinz in Asien, etc. Nürnberg, 1725. Vorrede, 2.

135 Vorrede // Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. xiii-xiv.

136 Там же, Vorrede, С. i и Einleitung, С. 3-4. См. также английский перевод: The Introduction // Strahlenberg Ph. J. von. An Historical Description of the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia. London, 1736. С. 4.

137 Эта лемма звучит следующим образом: «ВИТСЕН (Николаус), один из бургомистров Амстердама, в конце XVII века написал *Северную и Восточную части Азии и Европы*, о чем он много переписывался с господином Лейбницею. Уже на печатном стане эта работа была конфискована высокими властями, что было причиной для господина Филиппа Йохана фон Стрален-

берга опубликовать свое *Описание северной и восточной частей Европы и Азии*, в котором он вспоминает этого Витсена. См. Jöcher Ch. G. и др. (ред.) Allgemeines Gelehrten-Lexikon. Leipzig, 1750-1751. Т. 4. С. 2029.

138 См. Jarring G. Schicksal der zentralasiatischen wissenschaftlichen Erbschaft von Philipp Johann Strahlenberg // Central Asiatic Journal, 1977. Т. XXI. Nr. 3-4. С. 224-228.

139 Например, Бэддли, сделавший подробное сравнение карт Витсена и Страленберга, констатировал, что Страленберг до сих пор представлял Новую Землю в качестве полуострова, и отмечал: «... Мы вряд ли ошибемся, если отдадим пальмовую ветвь скорее знаменитому голландцу, чем его шведскому завистнику, чьи промахи по меньшей мере так же велики и менее прощительны». Baddeley J. F. Russia Mongolia and China... Т. I. С. cli. *Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia* насчитывала 438 четвертных страниц. Текст *Noord en Oost Tartarye* в издании 1705 года был приблизительно в три раза длиннее. Страленберг касался намного более ограниченного ряда предметов, и его книга была основана, прежде всего, на наблюдениях и исследовании самого автора. Все это делало книгу обозримее и читабельней, особенно по сравнению с более объемной книгой Витсена, содержавшей исключительно сообщения других.

140 Страленбергу пришлось сделать три версии своей карты, пострадавшей при пожаре. Он сталкивался с противодействием местных властей, но с другой стороны, ему помогали русские и европейцы (в основном шведы и немцы), находившиеся в то время в Тобольске. По Сибири Страленберг путешествовал с Даниэлем Готлибом Мессершмидтом, которому Петр I поручил исследование географических

особенностей этой области. В Сибири он также встретил всесторонне образованного В. Н. Татищева, позже посетившего его в Швеции. Впоследствии Татищев написал подробный обзор, в котором попытался исправить недочеты книги Страленберга и дополнить ее новыми подробностями. Кстати говоря, он был знаком и с трудом Витсена, который использовал для своей *Истории Российской*. См. Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev, 1686-1750. Berlin, 1963. С. 123, 174-177, 208. См. также: Пекарский П. П. Наука и литература...С. 354 и далее; Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966.

141 Гиббон цитировал Страленберга в 42-й главе своей *History of the Decline and Fall of the Roman Empire*; Фон Гумбольдт – в *Pittoreske Ansichten der Kordilleren und Monumente amerikanischer Völker*; Пушкин – в *Истории Петра I*.

142 В своей книге Витсен дал образцы 26 различных языков. Самые длинные – словники грузинского и калмыцкого языков. До второй половины XX века лингвисты несправедливо считали, что из европейцев именно Страленберг первым опубликовал словник калмыцкого языка. Фламандские лингвисты обнаружили вклад Витсена и представили его научному миру лишь намного позднее. См. Krueger J. R. The Kalmyk-Mongolian Vocabulary in Strahlenberg's *Geography of 1730*. Stockholm, 1975. С. 14. См. также: Sebock Th. A. The seventeenth century Chermis: The evidence from Witsen // Black M. и др. (ред.) *On language, culture and religion. In honor of Eugene A. Nida*. The Hague, Paris, 1974. С. 301-314; Наарден Б. Николаас Витсен и европейская одержимость языками в XVI и XVII веках // Копанева Н. П. и др. (ред.) *Россия –*

Голландия: на перекрестке мнений. СПб., 2008. С. 44-63.

143 Подробнее об этом рассказывается в нижеследующей статье А. Н. и Н. П. Копаневых, *Северная и Восточная Тартария Н. Витсена в России XVIII в.*

144 Такой вывод можно сделать, к примеру, на основании книги Самюэля Энгельса, советника города Берна. В 1772 году он выпустил работу о северных областях, где уделил Витсену много внимания. См. Engels S. *Geographische und kritische Nachrichten und Anmerkungen über die Lage der Nördlichen Gegenden von Asien und Amerika*. Mitau, Leipzig, 1772. С. 30.

145 «Царь часто посещал бургомистра Витсена, известного своим богатством и кораблями в море, но еще больше – своей любовью к наукам и как человек, посылавший людей во все уголки мира для открытий, что снискало ему особое расположение Царя, который с большим удовольствием находился в его обществе». Nestesuranoi I. *Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, père de la patrie*. Amsterdam. Т. I, II (1725); Т. III, IV. (1726). С. 196. Де Мисси (De Missy) уверял, что в 1697-1698 гг. Петр жил в Заандаме не семь дней, а семь недель, и плывал туда и обратно в Амстердам, чтобы работать плотником на верфи Объединенной ост-индской компании. (Nestesuranoi I. *Mémoires...*С. 194-195).

Информация о том, что по морю ходили корабли Витсена, – верная. Он сам сообщал, что в 1689 году понес убытки, потому что голландские корабли удерживались в английских гаванях, в том числе один из его кораблей. Так что он занимался не только наукой и политикой, но и бизнесом. См: Scheltema J. *Geschied- en Letterkundig Mengelwerk* (Смешанный историко-литературный труд). Utrecht, 1823. Т. 3, ч. II. С. 157-159.

146 Мовильон тоже предполагает, что Петр курсировал на своем буере между Заандамом и Амстердамом. Mauvillon E. de. *Histoire de Pierre I, surnommé le Grand, Empereur de toutes les Russies*. Amsterdam, 1742. С. 63-64.

147 *Oude en nieuwe staat van 't Russische of Moscovische keizerrijk, behelzende eene uitvoerige historie van Rusland en deszelfs groot-vorsten* (Старое и новое состояние Русской или Московской империи, содержащее подробную историю России и ее великих князей). Utrecht, 1744. С. 240.

148 *Original Anekdoten von Peter dem Großen* Якоба фон Штелины были опубликованы в 1785 году. Витсен фигурирует в получившем широкую известность анекдоте о Петре и евреях Амстердама. Источником этого анекдота указывают голландца Яна Хови (Jan Hovy), придворного хирурга Петра I. Сноска к этому рассказу содержит пояснение о Витсене. Он был назван «равно великим ученым и государственным деятелем», кроме того, в сноске сообщалось и о его карте и книге о Тартарии.

149 См. *The Complete works of Voltaire*. Oxford, 1999. Т. 46. С. 56. В этих *Anecdotes* уверялось, что в Заандаме и Амстердаме Петр провел два года. См. также: Mervaud M. *Les Anecdotes sur le czar Pierre le Grand: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and the Eighteenth century*. Voltaire Foundation, Oxford, 1996. С. 89-126.

150 «Il [Pierre I] s'instruisait de la physique naturelle dans la maison du bourgmestre *Witsen*, citoyen recommandable à jamais par son patriotisme, et par l'emploi de ses richesses immenses qu'il prodiguait en citoyen du monde, envoyant à grands frais des hommes habiles chercher ce qu'il y avait de plus rare dans toutes les parties de l'univers, et fréant des vaisseaux à ses dépens, pour découvrir de nouvelles ter-

res». (Он [Петр I] изучал естествознание в доме бургомистра Витсена, гражданина, достойного уважения вследствие своего патриотизма, гражданина мира, не жалеющего средств; он тратит огромные суммы, отправляя подходящих людей на поиски редкостей во всех частях мира, предоставляет в их распоряжение корабли для открытия новых земель.) Цитируется по: *The Complete works of Voltaire*. Oxford, 1999. Т. 46. С. 589-590.

151 См. Black J. L. G. F. Müller and the Imperial Russian Academy. Montreal, 1986. С. 146-147. См. также: Šmurlo E. *Voltaire et son œuvre «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand»*. Praag, 1929; Haintz O. *Peter der Große, Friedrich der Große und Voltaire. Zur Entstehungsgeschichte von Voltaires «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand»*. Berlin, 1961.

152 Вольтер повторяет предположение о том, что царь жил в Амстердаме и на своем буере плавал в Заандам, чтобы строить корабли. См. *The Complete works of Voltaire*. Oxford, 1999. Т. 46. С. 587-589.

153 В 1790 году книга Вольтера послужила источником вдохновения для *Pierre le Grand*, комической оперы, посвященной царю и его работе плотником. Либретто написал Жан Буий (Jean Nicolas Bouilly), а музыка – Андре Модест Гретри (André Modeste Grétry). Композиторы Адольф Адам (Adolphe Adam) и Фридрих фон Флотов (Friedrich von Flotow) сочинили в 1829 и 1833 гг. собственную версию этой оперетты под названием *Pierre et Catherine* (*Петр и Екатерина*). В 1818 году эта тема была обработана французскими драматургами Эженом де Буари (Eugène deBoirie) и Мелесвилем (Anne-Honoré-Joseph Duveyrier de Méléville) в пьесе *Le bourgmestre de Saardam, ou les deux Pierres* (*Бурго-*

Tungutsche Wooningen

*Int daer den Afgodt in staet. B. t'Lyk van een der verstorvenē bloetvrienden die sy dus
Witsen om te vergaen. C. Opgehangen Katten Honden en ander gedierten haer spys.*

[Тунгусские жилища. А. Шатер, где стоят
идолы. В. Гниющее тело мертвого
родственника. С. Висящие кошки, собаки и
другие животные, которые служат им
пищей. Иллюстрация из экземпляра
Северной и Восточной Тартарии 1692 г.
библиотеки Утрехтского университета.]

мистр Саардама, или два Петра). Доменико Джилардони (Domenico Gilardoni) использовал эту пьесу в качестве либретто для оперы-буфф Гаэтано Доницетти (Domenico Gaetano Maria Donizetti) *Il borgomastro di Saardam* (*Бургомистр Саардама*), премьера которой состоялась в 1827 году. В 1837 году немец Георг Кристиан Ремер (Georg Christian Römer) переработал французский оригинал в *Zar und Zimmermann* (*Царь и плотник*), оперу Альберта Лортцинга (Albert Lortzing). **154** В Заандаме практически ничего не было сделано для увековечивания памяти о кратком пребывании Петра I в 1698 году. Единственные подробные воспоминания об этом визите оставил местный торговец сукном Ян Корнелисзон Ноомен (Jan Corneliszoon Noomen), но его рукопись никогда не публиковалась в Нидерландах. (Зато она выходила в России: Кордт В. А. Записки Й.К. Ноомена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904.) См. Scheltema J. *Rusland en de Nederlanden*...Т. II. С. 349-353; брошюра Peter de Grote in Zaandam (Петр Великий в Заандаме), издание мэрии Заандама, дата не указана, С. 34.

155 Wagenaar J. *Vaderlandsche Historie* etc. (Отечественная история и т.д.) Amsterdam, 1757. Т. XVI. С. 378-379; Wagenaar J. *Amsterdam in zyne orkomst* etc. (Амстердам в его развитии и т.д.) Amsterdam, 1760. Т. I. С. 721, 731.

156 Вагенаар – единственный, кому удалось ознакомиться с этими бумагами Витсена, через некоторое время после этого они были утеряны. Сохранился только конспект одного источника. См. сноску 174. Вагенаар восторгается этим документом, потому что Витсен «все, что с ним случилось, пока все еще было свежо в его памяти, нанес на бумагу, так абсолютно правдиво, как

если бы он, как он поясняет, под присягой должен был подтвердить». Wagenaar J. *Vaderlandsche Historie*...Т. XV. С. 425. Витсен откровенно рассказывает о нидерландском посольстве в Англию в 1689 году. Эта поездка закончилась неудачно, и именно честность Витсена сослужила ему плохую службу: в рассказе Вагенаара он предстает далеко не самым искусным дипломатом. К примеру, сообщалось, что во время посольства Витсен должен был держать слово первым, но не стал это делать, потому что «недостаточно понимал английский, несовершенно говорил по-французски, и был немного боязливым». Wagenaar J. *Vaderlandsche Historie*...Т. XV. С. 31.

157 Wagenaar J. *Amsterdam in zyne orkomst*...часть III, глава *Vermaarde Persoonaadjen* (*Знаменитые личности*). С. 239-240.

158 См. Verduyze J. *Voltaire en Holland* // *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*. Geneve, 1966. Т. XLVI. С. 56-58.

159 Haren O. Z. van. *De Geuzen, Vaderlandsch Dichtstuk* (Гезы, патриотические стихи). Amsterdam, 1785. Т. I С. 73-75. См. также: De Geuzen (Гезы) // Laan, K. ter. *Letterkundig woordenboek voor Noord en Zuid* (Литературный словарь Севера и Юга). Электронная библиотека нидерландской литературы: [сайт]. URL: <http://www.dbnl.org>

160 Форстер использовал в том числе и перевод рассказа о персидском посольстве в Китай в XV веке. См. сноску 98 настоящего издания.

161 Forster J. R. *Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden*. Frankfurt an der Oder, 1784. С. 196.

162 Если верить Фредерику Муллеру (Frederik Muller), в середине XIX века издание *Северной и Восточной Тартарии* 1785 года было довольно редким.

Муллер не считал издание 1785 года новым вариантом книги. Печать производилась на бумаге двух сортов. Один из них применяли и для издания 1705 года. По мнению Муллера, при подготовке третьего издания, Схаленкамп использовал исключительно экземпляры издания 1705 года, попавшие к нему из наследства Витсена. Таким же образом в его руках оказались медные пластины с различными изображениями. Схаленкамп решил использовать их для изготовления 46 гравюр и карт. Эти новые иллюстрации, отпечатанные на другой бумаге, затем были добавлены к опубликованному ранее тексту. См. Muller F. *Essai d'une bibliographie Neerland-Russe, etc.* Amsterdam, 1859. С. 58.

163 В 1788 году известный голландский физик Жан Анри ван Свинден (Jean Henri van Swinden) выступил с речью для амстердамской элиты. В ней он указал трех государственных деятелей Нидерландов, отличившихся не только в управлении страной, но и в науке. Помимо Николааса Витсена он назвал известного политика Йохана де Вита (Johan de Wit) и родственника и со-бургомистра Витсена – Йоана Хюдде (Joan Hudde). Оба были крупными математиками. См. Swinden J. H. van. *Redevoering en Aenspraak ter inwijding van Felix Meritis* (Речь и торжественное слово в связи с посвящением Феликса Меритиса). Amsterdam, 1789. С. 64-69. Память о Николаасе Витсене сохранялась и благодаря выходу двух публикаций о роде Витсенов, в которых описывались его политические и научные заслуги и, разумеется, дружба с Петром Великим. См. Bol P. *Hand-boek, behelzende de oorsprongk der illustere familie van de alom beroemde heeren Witsens* (Справочник, содержащий происхождение прославленной семьи всюду известных господ Витсенов). Amster-

dam, 1774. С. 15-16; Kok J. *Vaderlandsch Woordenboek* (Отечественный словарь). Amsterdam, 1794. Т. 32. С. 247-248.

164 Boddaert P. *Inleiding tot de Beschrijving van Noord en Oost Tartaryen, bevattende een kort begrip van deszelfs tegenwoordigen aardryks- natuur- en staatkundigen toestand* (Введение в Описание Северной и Восточной Тартарии, содержащее краткое представление ее нынешних географического, физического и государственного состояния) // Witsen N. *Noord en Oost Tartaryen*, Amsterdam, 1785. С. i-xxv.

165 В 1803 году на голландский язык была переведена комическая опера *Pierre le Grand* (Петр Великий), Буйи и Гретри 1790 года (см. также выше сноску 153). В 1812 году богатый аристократ и ученый-библиофил Йохан Меерман (Johan Meerman), получивший от Наполеона титул *Граф Империи* (*Comte de l'Empire*), написал в Париже не только проникнутые ностальгией патристические стихотворения о голландском Золотом Веке, но и восьмидесятистраничный трактат (*discours*) о пребывании Петра Великого в Нидерландах. В этом произведении большое внимание уделено политической и научной деятельности Витсена. См. *Discours sur le Premier Voyage de Pierre le Grand par Mr. J. de Meerman. Comte l'Empire et Sénateur*. Paris, 1812. С. 65-69.

166 Особенно утешительной эта легенда была для голландцев, чья страна к тому времени оказалась практически полностью зависимой от крупных европейских держав. Соотечественники были очень благодарны Схелтеме за то, что его научное исследование доказало: «Россия своим возвышением по большей части обязана Нидерландам». См. Scheltema P. *Het leven en de letterkundige verrigtingen van den geschiedschrijver Mr. Jacobus Scheltema* (Жизнь

и литературные свершения историка магистра Якобуса Схелтемы). Amsterdam, 1849. С. 111. Однако Схелтеме удалось убедить в этом и многих русских. Свое исследование русско-нидерландских связей он в 1817 году посвятил Анне Павловне Романовой и при этом заметил, что Нидерланды озарили темные стороны русской истории и внесли вклад «в развитие благотельного государства, которому Европа обязана своим освобождением». (См. Scheltema J. *Rusland en de Nederlanden...* Amsterdam, 1817. Т. I. С. 3а). В 1818-1819 годах Схелтема стал членом-корреспондентом и почетным членом нескольких научных обществ в России.

167 К 1815 году Домик царя Петра пришел в изрядное запустение. Николай Бестужев, будущий декабрист, посетивший его примерно в это же время, оставил воспоминания о том, какую коммерческую выгоду извлекал из него местный трактирщик Буслинг (Busling), ловкий мальчик, купивший Домик около 1800 года – всего за шестьдесят гульденов. (Бестужев Н. А. *Записки о Голландии 1815 г.* СПб., 1821) В конце концов, король Вильгельм I выкупил Домик у Буслинга за шесть тысяч гульденов и подарил его своей невестке Анне Павловне Романовой. Под ее надзором Домик отреставрировали и окружили защитной конструкцией. Заандам также посетили ее братья: будущий царь Николай I и великий князь Михаил. Тем временем Домик получил статус важного места паломничества. М. П. Погодин, историк консервативного толка, писал, что в 1839 году он вступил в эту святыню с бьющимся сердцем и слезами на глазах. (См. Riasanovsky N. V. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought.* New York, Oxford, 1992. С. 111). В том же году Домик посетил цесаревич (будущий царь Александр

II). В поездке его сопровождал воспитатель, поэт В. А. Жуковский, написавший стихотворение, позже выбитое на мраморной мемориальной доске, которая и по сей день украшает Домик Петра:

*Над бедной хижинкою сей
Витают ангелы святые.
Великий Князь, благоговей,
Здесь колыбель Империи Твоей,
Здесь родилась Великая Россия.*

Другая литературная отсылка к Заандаму – русский исторический роман 1834 года, автор Р. Зотов: *Саардамский корабельный мастер, или нет имени его.* См. Riasanovsky N. V. *The Image of Peter the Great...* С. 120-121.

168 Scheltema J. *Staatkundig Nederland* (Политические Нидерланды). Amsterdam, 1806. Т. II. С. 505-508.

169 Схелтема не мог обратиться к путевому дневнику Витсена (см. ниже сноски 198 и 199), из которого следует, что 12 августа 1665 года Витсен вернулся из России в Амстердам. В своей краткой автобиографии Витсен сообщает, что в 1666-1667 году путешествовал по Франции и Италии. Этот очерк был опубликован лишь в 1872 году, однако, можно предположить, что Схелтема все же был с ним знаком. (См. также сноску 187). Помимо *Rusland en de Nederlanden*, в 1823 году Схелтема издал официальный отчет о посольстве Витсена в Англию, составленный в 1756 году (оригинал утерян). Этот очень интересный документ подтверждает уже знакомый нам по работам Вагенаара образ Витсена как малодеспособного политика. См. *Uittreksel uit het Bijzonder Verbaal, nopens de Deputatie en Ambassade daarop gevolgd in Engeland, 1689, gehouden door Mr. Nicolaas Witsen, burgermeester te Amsterdam* (Выписка из Особого протокола касательно депутации и последовавшего из этого посольства в Англию в 1689 году,

составленного магистром Николаасом Витсенем, бургомистром Амстердама) // Scheltema J. Geschied- en Letterkundig Mengelwerk. Utrecht, 1823. Т. 3. Ч. II. С. 131-170). См. также сноску 156.

170 Adelung J. Chr. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe etc. Berlin, 1806. С. 473-549.

171 Adelung J. Chr. Mithridates... С. 660-663.

172 Adelung Fr. Ueber die ältern ausländischen Karten von Russland // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs und der angrenzenden Länder Asiens. St. Petersburg, 1841. Т. 4. С. 40-45.

173 Adelung Fr. Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700 deren Berichte bekannt sind. St. Petersburg, 1846. Т. I. С. 32

174 Там же, Т. II. С. 338-339.

175 Эта карта хранится в Национальной библиотеке в Париже. См. Cahen G. Les cartes de la Sibérie au XVIIIe siècle. Paris, 1911. С. 57. См. также сноску 114.

176 См. Klaproth M. J. Lettre à M. le baron A. de Humboldt, sur l'invention de la boussole, Paris, 1834. Переиздание: Klaproth M. J. Lettre à M. le baron A. de Humboldt, sur l'invention de la boussole, Amsterdam, 1979. С. 137-138.

177 См. комментарии Фон Зибольда к рассказу об экспедиции М. Г. Фриза в издании XIX века: Reis naar de eilanden N. en N.O. van JAPAN door MRT.GERR.VRIES in 1643 [...] uitgegeven door P. A. Leupe met aantekeningen [...] door P. F. von Siebold. Amsterdam, 1858. С. 316-317. Это издание часто отсылает к *Северной и Восточной Тартарии*. В двадцатые годы XIX века, еще во время пребывания Фон Зибольда в Японии, местный географ и придворный астроном Такахаши Сакузаэмон (Takahashi Sakuzaemon)

заинтересовался имевшимися у Фон Зибольда картами, в том числе и России. В то время отношения между Россией и Японией были напряженными: опасность вооруженного конфликта становилась все более реальной. Поэтому Сакузаэмон предложил фон Зибольду обменять эти карты на подробные карты Сахалина и Курил, сделанные в Японии. Однако об этой договоренности стало известно японскому правительству, которое расценило этот обмен как предательство, а фон Зибольд был объявлен шпионом. В 1829 году фон Зибольда изгнали, но ему удалось вывезти в Нидерланды копии карт, полученных от Сакузаэмона, и опубликовать их. Сакузаэмон умер в японской тюрьме. Фон Зибольд предупредил нидерландское правительство, что расширение сфер влияния США и России вскоре положат конец монополии голландцев в Японии, которая в то время еще была закрыта для других иностранцев.

178 В 1834 году фон Зибольд встретился с Николаем I и продал ему десять экземпляров своей книги *Япония* (*Nippon*). Кроме того, фон Зибольд поддерживал контакт с русским путешественником и исследователем И. Ф. Крузенштерном. Великий князь Александр Николаевич (будущий царь Александр III) осмотрел в Лейдене знаменитую японскую коллекцию фон Зибольда. В 1852 году русское правительство пригласило его в Санкт-Петербург, где он провел несколько бесед с Нессельроде, министром иностранных дел. Чтобы предотвратить пограничный конфликт с Японией фон Зибольд рекомендовал русскому правительству заключить с ней торговый договор. См. об этом: Siebold Ph. F. von. Urkundliche Darstellung der Bestrebungen von Niederland und Russland zur Eröffnung Japans für die Schiff-

fahrt und den Seehandel aller Nationen. Bonn, 1854. См. также: Kouwenhoven A., Forrer M. Siebold and Japan. His life and work. Leiden, 2000. С. 39, 41, 44-47, 54, 62-63.

179 В 1805 году книга считалась в целом «научной и сведущей», но теория сопротивления воды в изложении Витсена была признана «поверхностной и неполной». См. Beek Calkoen J. F. van. Wiskundige Scheeps-bouw en Bestuur (Математическое кораблестроение и управление), Amsterdam, 1805. С. 4-5. Через полвека ее уже снова критиковали как полностью устаревшую, поскольку к тому времени огромное значение получили математические вычисления, которым Витсен не уделил должного внимания. См. Koenen H. J. Voorlezingen over de geschiedenis van de scheepsbouw en zeevaart (Предварительные чтения об истории кораблестроения и мореплавания). Amsterdam, 1854. С. 91-92.

180 См. Bosscha P. Opgave en Beschrijving van de Handschriften nagelaten door Gisbertus Super (Сообщение и описание рукописей, оставленных Гейсбергом Купером. Deventer, 1842. С. 25-33. В 1854 году потомки Купера продали его бумаги Босхе. Позднее переписка между Купером и Витсеном была передана библиотеке университета Амстердама.

181 Bodel Nijenhuis, J. T. Verspreide Bijzonderheden over Mr. Nicolaes Cornz. Witsen. Burgemeester van Amsterdam // Bijdragen voor Vaderlandsche Geschiedenis en Oudheidkunde, Arnhem, 1856. Т. 10. С. 240-270. Бодель Нейенхаус (Bodel Nijenhuis, 1797-1872) собрал десятки тысяч карт и атласов, которые оставил университету Лейдена. Среди них была большая карта Тартарии 1687 года и другие карты, выполненные Витсеном.

182 Всеобщий энтузиазм в отношении России, возникший в Европе к концу наполеоновских войн, сменился на ненависть и отвращение у «левых» европейцев после подавления польского и венгерского восстаний в 1830 и 1849 годах. В Нидерландах Крымская война и подавление второго польского восстания в 1863 году настроили против России либералов и католиков. См. Naarden B. Nederlanders en het Europese Ruslandbeeld voor 1917 (Голландцы и образ России в Европе до 1917 года) // Rusland in Nederlandse ogen (Россия глазами голландцев), Amsterdam, 1986. С. 9-32.

183 Muller F. Essai d'une bibliographie Neerland-Russe, etc. Amsterdam, 1859. С. 57-59. См. также сноску 162.

184 Scheltema P. (ред.) Brieven van Nicolaas Witsen aan burgemeesteren van Amsterdam uit Londen, etc. (Письма Николааса Витсена из Лондона бургомистрам Амстердама) // Aemstel's Oudheid, Amsterdam 1861. С. 91

185 Scheltema P. Voorberigt (Предисловие) // Aemstels Oudheid, Amsterdam, 1863.

186 Buren Mr. C. A. Chais van. Eene bladzijde uit het leven van Mr. Nicolaas Witsen (Страница из жизни магистра Николааса Витсена) // Berigten van het historisch genootschap gevestigd te Utrecht (Сообщения исторического общества, обосновавшегося в Утрехте), Utrecht, 1862. С. 3-12.

187 См. Scheltema P. Voorberigt (Предисловие) // Aemstels Oudheid, Amsterdam, 1863. В 1872 году Схелтема также опубликовал (по сохранившейся копии) автобиографические записки, написанные Витсеном в 1711 и 1717 году. См. Nicolaas Witsen, een autobiografie (Николаас Витсен, автобиография) // Aemstel's Oudheid, Amsterdam, 1872. С. 41-60.

[Город Тобольск. Иллюстрация из экземпляра
Северной и Восточной Тартарии 1692 г.
библиотеки Утрехтского университета.]

188 Gebhard J. F. Het leven... Т. I.

С. 522.

189 Там же, С. 523, 425.

190 Busken Huet С. Het land van Rembrandt. Первое издание 1883-1884 гг.

Цитируется по переизданию: Busken Huet С. Het land van Rembrandt.

Амстердам, 1987. С. 711-712, 942-943.

Стоит ли говорить, что франкофил Бюскен Хюэт не стал переводить с французского те места, в которых Вольтер пишет о Витсене. При этом он неправильно указал источник, а именно *Essai sur les Mœurs* Вольтера, вместо его же *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*.

191 Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом.

СПб., 1862. Т. I. С. 6-10, 517-520.

192 См. Jagić V. Život i rad Jurja Križanić. Zagreb, 1917. С. 201-205; Eekman Th., Kadić A. (ред.) Juraj Križanić (1618-1683) Russophile and Ecumenic visionary. The Hague, 1976. С. 253, 315.

193 Витсен упоминается, как в русском, так и в немецком издании исследования Шренка. См. Schrenck L. von. Reisen und Forschungen im Amur Lande in den Jahren 1854-1855. St. Petersburg, 1882. Т. III. Erste Lieferung. С. 95 и далее; Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. С. 97 и далее.

194 Витсен пользовался русскими источниками, и западному читателю он представил этот народ под именем, которое они получили от русских. Разумеется, Шренк сообщил и о том, что сами гиляки называли себя *Ниб(а)х*, что означает *человек*. В современной научной литературе этот народ обозначают этнонимом *нивхи*.

195 См. Шренк Л. Об инородцах Амурского края... С. 97-101. Вместе с тем, Шренк считал, что изменения, нанесенные на карту, прилагающуюся к рассказу о путешествии Идеса, в

соответствии с картой Витсена 1687 года, не всегда были к лучшему. Тем не менее, к рассказу Витсена об Амурской области Шренк отнесся с уважением. К сообщениям Страленберга о нивхах он был куда более критичен.

196 Переведенные фрагменты соответствуют стр. 748-750 и 759 оригинала (*Северная и Восточная Тартария*, 1705). Однако Радлов не стал использовать иллюстрации из книги Витсена, на которых были изображены скифские драгоценности и старинные надписи. Вместо этого, он опубликовал многочисленные иллюстрации сибирских древностей, позаимствованные из книги Страленберга. См. Radloff W. Antiquités Sibériennes. Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie. СПб., 1888. Т. I. Livraison I. С. 3-5; Радлов В. Сибирские древности. Материалы по археологии России. СПб., 1889. Т. I. Вып. II. С. 24-50.

197 См. также сноску 169. В этом заблуждении отчасти виноват и сам Витсен. Очень часто читателям *Северной и Восточной Тартарии* непонятно, кому принадлежат те или иные слова – самому Витсену или его источнику. Поэтому Тыжнов полагал, что так называемую «гору Ермака» у реки Чусовой Витсен видел своими глазами. См. Тыжнов И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века // Сибирский Сборник. СПб., 1887. С. 128-133; Witsen N. Noord en Oost Tartarye (1705), С. 736. Рассказ о трехлетнем пребывании Витсена в России можно найти также в: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV. С. 213. «Знаменитую, но малоизвестную» книгу Витсена Пыпин называл «наиболее замечательным» трудом, написанным об азиатской России иностранцем в XVII веке.

198 См. Catalogue des manuscrits Néerlandais de la Bibliothèque National par

M. Gédéon Huet, archiviste-paléographe. Paris, 1886.

199 См. Kluuyver A. Over het verblijf van Nicolaas Witsen te Moskou 1664-1665 (О пребывании Николааса Витсена в Москве в 1664-1665 гг.) // Verslagen en Mededelingen der Koninklijke Academie van Wetenschappen (Отчеты и сообщения Королевской академии наук).

Amsterdam, 1895. Отд. литературы, 3-я сер. Т. II. С. 5-38. До обнаружения этих рукописей о том, чем лично Витсен занимался в Москве, было почти ничего неизвестно. Даже Гебхард в своей подробной биографии Витсена об этом практически ничего не сообщил.

Клюйвер планировал издать парижские рукописи, затем за это взялся Р. ван дер Мейлен (R. van der Meulen), но осуществить задуманное удалось лишь Лохеру и Де Бюку в 1966-1967 году.

Путевой дневник Витсена и его записки о Московии были опубликованы в трех томах Обществом Линдсхотена (Linschoten Vereniging). Позднее Вильгельмина Трисман (Wilhelmina Triesman) перевела дневник Витсена на русский язык, но его публикация в России состоялась лишь в 1996 году.

200 Ловягин А. М. Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона // Исторический Вестник. 1899. N. 9. С. 874-879.

201 Uhlenbeck C. C. Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate van de Nederlandsche geschiedenis. 's Gravenhage, 1891. Это издание содержит также: Cordt B. Beiträge zu einer Russisch-Niederländischen Bibliographie. Dorpat, 1891. Исследование Бантыш-Каменского было проведено в XVIII веке, но опубликовано значительно позднее. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Москва, 1894.

См. также: Heeringa K. Overzicht van de betrekkingen van Rusland tot Neder-

land tot aan het jaar 1800, door N.N. Bantysch-Kamenskij (Обозрение связей России с Нидерландами до 1800 г., написанное Н.Н. Бантыш-Каменским) // Bijdragen en Mededelingen van het Historisch Genootschap (Вклады и сообщения Исторического сообщества), 1930. Т. 51. С. 35-103.

202 См. Loviaguine A. Maisonnette du czar Pierre le Grand à Zaandam, 1697-1896. Amsterdam 1896. Ловягин также опубликовал рассказ Бальтасара Койетта (Balthasar Coyett) о нидерландском посольстве Ван Кленка (Van Klenk) в 1676 году в Московию: Исторический рассказ или описание путешествия, совершенного в свите господина Кунраада фан Кленка ... СПб., 1900.

203 Веневитинов М. А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697-1698 г. М., 1897.

204 Remarkable maps of the XVth, XVIth and XVIIth centuries reproduced in their original size. IV: Nicolaes Witsen's map of Northern Asia, from the Bodel Nyenhuis collection (University Library Leyden) with notes by F. G. Kramp. Amsterdam, 1894-1897.

205 Кордт Б. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906. Серия II. Вып. I. С. 22-28; Michow H. Remesows Originalkarte von Sibirien aus dem 17. Jahrhundert // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1908. С. 36.

206 Cahen G. Le livre de Comptes de la caravane russe à Pékin en 1727-1728. Paris, 1911; Cahen G. L'Histoire des Relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689-1730). Paris, 1912. Последняя книга переведена на английский: Cahen G. Some early Russo-Chinese Relations. Shanghai, 1914.

207 Выходец из Боснии, Сава Владиславич, в 1727 году поручил нарисовать карту Сибири. Каэн уделил большое

внимание этой новой карте, сделанной Зиновьевым в связи с переговорами об общих границах между Россией и Китаем. О карте Витсена, сделанной за сорок лет до этого, Владиславич заметил, что голландцы не располагали точными данными о Сибири, потому что основывались на картах сделанных на месте, устаревших и неточных:

«Каким образом Голландцы могут знать подлинно Сибирское состояние которые в своих картах печатали ис томошних старых чертежей которые сами себя не знали». См. Cahen G. *Les cartes de la Sibirie au XVIII siècle. Essai de bibliographie critique*. Paris, 1911. С. 57-77, 76-77, 164-172.

208 Белокуров С. А. Ю. Крижанич в России. М., 1906. Эта книга в Нидерландах отсутствует, поэтому изучить ее я не смог. См. также: Baddeley J. F. *Russia, Mongolia and China...* Т. II. С. 212, сноски 2, 4 и 213.

209 Henning G. *Die Reiseberichte über Sibirien. Von Herberstein bis Ides*, Leipzig, 1906. С. 59-68, 122 и далее.

210 См. сноску 150 настоящего издания.

211 См. сноску 100 настоящего издания.

212 Greshoff M. Nicolaas Witsen als Maecenas (Николаас Витсен как меценат) // *Album der Natuur* (Альбом природы). Haarlem, 1909. С. 125-153. Грешофф соприкоснулся с Витсеном благодаря своей работе о немецко-голландском исследователе Румфиусе, описавшем природу индонезийского острова Амбон в книге *Amboinsche Rariteitkamer* (1705). См. Greshoff M. (ред.) *Rumphius gedenkboek, 1702-1902* (Юбилейная книга Румфиуса, 1702-1902). Haarlem, Koloniaal Museum, 1902. Витсен опубликовал отчет Румфиуса в *Северной и Восточной Тартарии* (1705), С. 165-169. О Витсене и Румфиусе см. также: Beekman E. M. (ред.) *The Ambones Curiosity Cabinet*. New Haven, London, 1999. С. lxxxiii, cv-cvii, 352, 372.

213 См. сноску 139 настоящего издания.

214 Baddeley J. F. *Russia, Mongolia and China...* Т. I. С. cxlviii-clii, ccclvi.

[Мускусные животные. Иллюстрация в
экземпляре *Северной и Восточной
Тартарии* 1692 г. из библиотеки
Утрехтского университета.]

А. Н. Копанева / Н. П. Копанева

Северная и Восточная

Тартария Н. Витсена

в России XVIII века

Книга Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария* сразу после выхода в свет привлекла к себе внимание в России. И это несмотря на то, что она была малодоступна для читателей, так как автор не выпустил ее в продажу¹, а также трудна для понимания из-за языковых преград. Однако если использование труда голландского ученого в XIX веке, и, прежде всего, изучение опубликованных им сведений об археологических находках в Сибири², а также исследование в XX веке письменных и устных источников Витсена довольно хорошо известны³, то вопрос о том, как *Северная и Восточная Тартария* была воспринята, как говорится, «по свежим следам», в связи с научными исследованиями, развернувшимися в России в XVIII веке, еще не рассматривался. В нашей статье мы постараемся показать, какое значение имела эта книга и как она использовалась в ходе работ, проводившихся в то время в Петербургской Академии наук.

Труд Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария*, также как и его карта сибирских территорий, не могли остаться в России незамеченными по ряду причин. И книга, и карта были посвящены Петру I. В издании 1692 года автор опубликовал полученную им от царей Ивана и Петра Алексеевичей благодарственную грамоту за карту, которую можно рассматривать и как привилегию на ее издание. Содержание *Северной и Восточной Тартарии* отражало историко-географические реалии Российской империи и сопредельных ей государств, а для Европы это являлось и политическим и юридиче-

1 См. об этом статью Б. Наардена *Николаас Витсен и Тартария* в настоящем издании.

2 Приведем два примера. В 1839 году академик П. Кеппен поставил Витсена в пример Академии наук. Обращаясь к академической Конференции, он писал: «Что доньше сделано для сохранения памяти о сих предметах [археологической коллекции – *Авт.*]? Без сомнения слишком мало! Витсен и Штраленберг уже в начале прошедше-

го века представили изображения разных вещей, найденных в курганах». Второй пример – это публикация переводов фрагментов из книги Витсена, а также его переписки В. Радовым (Сибирские древности. СПб., 1890–1892. Вып. 1–3. Т. 1).

3 Прежде всего, работы А. И. Андреева, М. А. Алексеева, Б. П. Полевого и многие другие (см. *Список основной использованной литературы* в данном издании).

ским закреплением за русскими царями огромных территорий. И, наконец, основу книги во многом определяли письменные и устные источники, полученные Н. Витсеном легальными и нелегальными путями из самой России.

Экземпляры *Северной и Восточной Тартарии*, причем обоих изданий, были в библиотеке Петра I⁴, несколько экземпляров имелись в Библиотеке Петербургской Академии наук, созданной в 1725 году. Специалисты, изучавшие книги по ориенталистике в частных петербургских библиотеках первой половины XVIII века, отмечают, что в «библиотеках Голицына, Арескина, Винууса, Хрущова, Волынского, Шафирова, Пашке и др. <...> в первую очередь были представлены описания путешествий, труды по истории, географии», среди авторов которых (Олеарий, Шарден, Тавернье, Исбрант Идес) названо и имя Н. Витсена⁵. Трудно предположить, чтобы книга на голландском языке пользовалась значительным читательским спросом в Петербурге. Но архивные документы свидетельствуют, что, например, 6 сентября 1735 года книгу Витсена в Библиотеке Академии наук брал Черкасский (Czerkaskj)⁶. Возможно, это Алексей Михайлович Черкасский (1680–1742), бывший с 1719 по 1726 гг. Сибирским губернатором, а в 1735 – одним из трех кабинет-министров при императрице Анне Иоанновне.

Есть сведение об использовании книги Витсена даже в качестве дорогого подарка. Г. Ф. Миллер в сочинении «История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» упомянул следующий факт: «Доктор и надворный советник Шталь, ранее профессор медицины в Галле, а потом лейб-медик [прусского] короля в Берлине, прибыл в Петербург летом 1726 года <...> Императрица стала очень милостива к Шталю. От двора он получил квартиру, стол, повара, обслугу, экипаж. Несомненно, что ему делались также богатые подарки. Императрица показала, чтобы и при Академии его держали в чести. Ему показали библиотеку и Кунсткамеру; ему подарили экземпляр второго издания книги Витсена «Noord en Oost Tartarye» (ибо в наличии было два экземпляра)»⁷.

Однако обращение к трудам Н. Витсена в Петербургской Академии наук было связано, прежде всего, с программами работ по

4 Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Сост. Е. И. Боброва. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. С. 161. NN 1649, 1650.
5 Рафиков А. Х. Литература о странах Востока в книжных собраниях А. И. Остермана и Г. Я. Керра // Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Л., 1976. С. 23.

6 СПФ АРАН. Ф.158. Оп.1. Д.408. Л.61–61 об.

7 История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г.-Ф. Избранные труды. Сост., статья, примечания С. С. Илизарова. М., 2006. С. 546.

составлению географической карты Российской империи, которые инициировались и курировались непосредственно Петром I еще до создания Академии. Поскольку о работах Сената и Петербургской Академии наук по картографированию России написано довольно подробно и много, мы позволим себе обратить внимание лишь на те позиции, которые помогают понять, какое значение в этих программах отводилось карте и книге Н. Витсена.

В 1726 году в Петербург прибыл Жозеф-Николя Делиль (1688–1768), занявший должность профессора астрономии в Петербургской Академии. Его брат, Гийом Делиль (1675–1726), известный картограф, член Парижской Академии, королевский географ, в 1717 году встречался с Петром I в Париже. Встреча эта была не случайна: к тому времени Г. Делиль – признанный авторитет в области картографии. К 1717 году он уже издал карты «Московии»⁸ (посвящена А. А. Матвееву, русскому послу во Франции и при голландских Генеральных Штатах)⁹, и «Тартарии»¹⁰, при составлении которой он пользовался картой Н. Витсена, о чем Витсен писал в одном из своих писем¹¹. При посещении Парижской обсерватории Петр показал Г. Делилю привезенные им две рукописные карты: карту верховьев Иртыша, составленную геодезистом Петром Чичаговым¹² и карту Каспийского моря, составленную экспедицией Бековича-Черкасского¹³. Исследователи предполагают, что тогда же шла речь и о приглашении Ж.-Н. Делиля в Петербург¹⁴.

В 1721 году этот ученый встретился в Париже с библиотекарем русского царя И. Д. Шумахером, одной из задач которого было проведение переговоров с Ж.-Н. Делилем о переезде в Россию¹⁵. Тогда же Петр I, к тому времени уже член Парижской Академии, передал Г. Делилю карту Каспийского моря, составленную по поручению царя К. П. ван Верденом¹⁶. При жизни Г. Делиля эта карта была

8 *Tabula Moscoviae nunc accuratius concinnata et edita a Petro Schenk ad ... principem Fredericum Augustum Poloniae Regem, Saxoniae electorem; par G. de l'Isle ... A Amsterdam : chez Pierre Schenk, [ca. 1710].*

9 *Carte de Moscovie dressée par Guillaume de l'Isle premier geographe du Roy a Son Excellence Monseigneur André Artemonides de Matueof ...; gravé par Liebaux le fils. A Paris, 1706.*

10 *Carte de Tartarie / dressée sur les relations de plusieurs voyageurs de différentes nations et sur quelques observations qui ont été faites dans ce pays la par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences; N. Guerard ... fecit; des Rosiers fet. A Paris, 1706.*

11 См. письмо Витсена Куперу: Gebhard J. F. *Het leven van Mr Nicolaas Witsen. Dl. II. Utrecht, 1882. P. 413–416.*

12 Андреев А. И. Экспедиции на Восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века) // Труды Историко-архивного института. Под ред. А. И. Андреева. М., 1946. С. 189.

13 Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964.

14 Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 43–44.

15 СПФ АРАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

16 См. о К. П. Ван Вердене и его карте: Гусарова Е. В. Первая навигационная карта Каспийского моря и ее создатель Карл Петрович Ван Верден // Россия–Голландия: книжные связи XV–XX вв. СПб., 2000. С. 276–294.

опубликована отдельными изданиями в Амстердаме¹⁷ и Париже¹⁸. Заманчивые предложения русского царя, открывавшие перспективы создания точных карт неизвестных ранее территорий, привели к возникновению проектов географических и астрономических работ в России. Судя по представленным братьями Делиями программам, Гийом Делиль собирался заниматься составлением географической карты России в Париже, а Жозеф-Николя – астрономическими исследованиями в Петербурге: в сентябре 1721 года Ж.-Н. Делиль представил Л. Л. Блюментросту план астрономических работ в России, а в декабре 1721 года Г. Делиль передал Петру через Шумахера проект создания карты России¹⁹. Прибыв в Петербург в феврале 1726 года, Ж.-Н. Делиль узнал о смерти брата и счел своим долгом, как представитель семьи географов Делилей, заняться составлением карты России в продолжение работ брата²⁰.

Что же включали в себя программы работ, представленные французскими географами? В сентябре 1721 года Ж.-Н. Делиль в упомянутом письме Л. Л. Блюментросту изложил перспективы своих работ в России, делая акцент на астрономию, так как к тому времени узнал о желании Петра создать в Петербурге обсерваторию. Методика работ Ж.-Н. Делиля, помимо проведения астрономических наблюдений и вычислений, предусматривала исторический обзор и анализ идей и изобретений астрономов с их критическим сопоставлением²¹. Для этой работы, писал Ж.-Н. Делиль, он собрал «большое количество книг»²². Сочетание «астрономических наблюдений с геометрическими вычислениями» необходимо для составления точных географических карт. В 1726 году для исправления старых и составления новой карты России Делиль просил предоставить ему «все карты, как партикулярные, так и универсальные

17 Carte marine de la Mer Caspiene / levée suivant les ordres de S.M. czarienne, par Mr. Carl Vanverden en 1719, 1720, et 1721, et reduite au meridiem de Paris par Guillaume Delisle premier geographe du Roy ... A Amsterdam: chez Ger. et Leon, [na 1721]; Carte marine de la Mer Caspiene / levée suivant les ordres de S.M. czarienne, par Mr. Carl Vanverden en 1719, 1720, et 1721, et reduite au meridiem de Paris par Guillaume Delisle premier geographe du Roy ... A Amsterdam: par Reinier Ottens, 1723.

18 Carte des pays voisins de la Mer Caspienne / dressée pour l'usage du roy sur la carte de cette mer faite par l'ordre du czar, sur les memoires manuscrits de Soskam-Sabbas prince de Georgie, sur ceux de Mrs. Crusius, Zurabek et Fabritius ambassadeurs a la cour de Perse, et sur les éclaircissemens tirez d'un grand nombre de personnes intelligentes du país, assujetie aux observations astronomiques

par G. Delisle geog. de l'Acad. Roy. des Sciences; Marin sculptit; 15 aout 1723. A Paris: chez le Sr. Delisle, 1723.

19 Письмо Г. Делиля И. Д. Шумахеру см.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 1442–1443; Копия проекта Г. Делиля: СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 383. Опубл. на фр. яз. и в переводе на рус. яз.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 117–120.

20 Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 24–25; СПФ АРАН. Р. I. Оп. 35. Д. 16. Л. 2–9.

21 Письмо Ж.-Н. Делиля Л. Л. Блюментросту. 8 сентября 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 189–192. Опубликовано на фр. яз. и в переводе на русский: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. С. 103–116.

22 Там же. С. 114.

Российской империи <...> и подлинное описание губерний, которые ныне расположены, которые в Камор-коллегии имеются»²³. Необходимость изучения всех имеющихся карт с их описанием Ж.-Н. Делиль подчеркивал и в «Основных правилах для составления карт России», которые он представил в феврале 1726 года: «1. Надо собрать возможно больше рукописных и гравированных карт, составленных как геодезистами, так и путешественниками и другими любознательными людьми, на основании собственных наблюдений или по сведениям, полученных от других. Было бы хорошо, чтобы составители карт согласились дать отчет о примененных ими способах построения и сообщили проделанные ими измерения и сами записи, на основании которых ими велось построение <...> 3. Надо будет также собрать все морские журналы и навигационные маршруты, словом, описания всех морских путешествий, проделанных вдоль берегов Белого, Татарского, Восточного и Каспийского морей, дабы установить протяженность и расположение их берегов <...> Сообщения иностранцев, англичан и *особенно голландцев* [курсив наш – Авт.], искавших пути в Японию через Северное море, могут быть очень полезны в установлении положения северной оконечности Российской империи <...> 4. С этой же целью следует отыскивать для описания самой страны, по возможности, больше отчетов о путешествиях иностранцев, проделанных в разное время и в разные местности, как и старинные описания некоторых округов, которые прежде были известны лучше; таковы, например, страны, описанные арабскими географами»²⁴. Мы позволили себе столь пространную цитату из «правил» Делиля для того, чтобы показать, что исходя из них, карта Н. Витсена и книга *Северная и Восточная Тартария* как собрание опубликованных и, что важнее, неопубликованных ранее известий, полученных из разных источников: рукописные журналы голландских моряков, письма иезуитов из Китая, устные и письменные сообщения из России, карты – были ценны для Ж.-Н. Делиля не менее, чем собрание карт, которые он в 1726 году получил из «Камор-коллегии». Наше заключение подтверждается и тем, что те же принципы и условия составления карты Российской империи были изложены и в уже упомянутой нами записке Гийома Делиля еще 9 декабря 1721 года, но с конкретным указанием наиболее важных для достижения поставленной цели материалов: «Если бы можно было иметь копии карт и записок, сообщенных за

23 СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 417. Л. 134.
Опубликовано: Материалы для истории
Императорской Академии наук. Т. 1.
С. 190–191.

24 Географический департамент. С. 130.

Dus Reysen de Russchen met honde-sleen in sibirien

Karte-sleen der Samojeden

[Вверху: Так русские путешествуют на собачьих упряжках. Внизу: Самоедские сани, движимые оленем. Иллюстрация из

экземпляра *Северной и Восточной Тартарии* 1692 г. библиотеки Утрехтского университета.]

последнее время господину Витсену, на основании которых он должен был издать свой последний труд, то это оказало бы большую помощь»²⁵. То, что Г. Делиль просил прислать в Париж для составления точных карт России, можно было найти и в книге Витсена: маршрутные описания дорог с указанием расстояний между отдельными пунктами, заметки о землях, входящих «в состав Великой Тартарии, как подвластных его царскому величеству, так и находящихся под его протекторатом или просто примыкающих к его империи, как, например, земли калмуков, бухарцев, узбеков, моголов, богдой-йессо, самоедов и других»²⁶. Таким образом, Г. Делиль знал не только содержание книги Н. Витсена, но и то, каким путем и от кого тот получал свои сведения. Конечно, эти знания основывались главным образом на тексте книги Витсена. Но о русских контактах амстердамского бургомистра Г. Делиль, а с ним и его брат, могли знать от самого Петра Великого, с которым они встречались в Париже, от русских посланников во Франции и в Голландии, прежде всего, А. А. Матвеева, который был дружен и с Г. Делилем, и с Н. Витсеном, а позднее – от Б. И. Куракина, который много общался с Делилями, чтобы выполнить поручение царя о заключении контракта с Ж.-Н. Делилем.

Итак, в соответствии с программой Делиля, в Петербургской академии наук стали собирать как рукописные и печатные карты, так и сообщения путешественников, донесения русских геодезистов – все, что могло помочь в исправлении старых и создании новых карт. Работы велись в тесном контакте с обер-секретарем Сената И. К. Кириловым. Несомненно, в центре этого масштабного проекта были и труды Н. Витсена, которые, и прежде всего, его карта, уже использовались в российских исследованиях. Еще задолго до начала работ Делиля в России, доктор Д. Г. Мессершмидт (1685–1735), отправляясь в 1719 году по поручению Петра I в экспедицию в Сибирь, взял с собой и карту Витсена. Из дневников ученого²⁷ мы узнаем, что в пути он постоянно сверялся с этой картой, указывая ее достоинства или исправляя ошибки. Так он обнаружил, что течение реки Лены показано у Витсена неправильно, а вот русло реки Ангары прочерчено верно только на карте амстердамского бургомистра. Но ошибки в определении величины озера Байкал, указанные

²⁵ Там же. С. 119.

²⁶ Письмо Г. Делиля И. Д. Шумахеру см.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 142–143. Копия проекта Г. Делиля: СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 383. Опубл. на фр. яз. и в переводе на рус.яз.: Гнучева В. Ф. Географиче-

ский департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 117–120. С. 118.

²⁷ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. Berlin, 1964. Т. 2. С. 68, 92, 153

названия рек, в него впадающих, по словам Мессершмидта, «просто подавляют». Встретившись в Енисейске с Витусом Берингом, Мессершмидт одолжил ему на некоторое время карту Витсена для ознакомления. Несомненно, Мессершмидт знал и книгу *Северная и Восточная Тартария*. В родном городе Данциге Д. Г. Мессершмидт был хорошо знаком с И. Ф. Брейном (1680–1764), ученым, который состоял в личной переписке с Николаасом Витсеном.

Итак, для Делия *Северная и Восточная Тартария* была важным источником историко-географических описаний, необходимых для составления карты России. Препятствием к изучению *Северной и Восточной Тартарии* было незнание Ж.-Н. Делием голландского языка. В Петербурге середины и конца 1720-х годов человека, знающего голландский язык, можно было найти без труда. Но для чтения и перевода такой сложной по составу, композиции и языку книги нужен был человек более или менее сведущий в тех вопросах, которые ставились на страницах *Северной и Восточной Тартарии*. Таким человеком оказался Христиан Николай фон Винсгейм, математик, занимавшийся и астрономическими наблюдениями. Контракт с ним Академия наук заключила в мае 1731 года. Но документы свидетельствуют о том, что Винсгейм сотрудничал с Академией и до 1731 года. Так календарь на 1726 год, опубликованный в 1725 году, составил именно Винсгейм. 9 июля 1734 года он обратился к руководству Академии с прошением об оплате «за изготовленный календарь к 1726 г. 50 рублей», что и было сделано²⁸. По контракту Винсгейм был принят на должность адъюнкта по астрономии; ему вменялись в обязанность не только работы по географии и астрономии, но и *переводы с голландского* [курсив наш – Авт.], английского, русского языков на немецкий, французский и латинский²⁹. Очевиден тот факт, что к 1731 году переписка на голландском языке в Академии наук практически не велась, во всяком случае, не в том объеме, чтобы специально для этого принимать сотрудника, да еще и на научную должность. Несомненно, в контракте Винсгейма, речь шла, прежде всего, о переводе книг. Такими необходимыми книгами, как мы уже видели, были *Северная и Восточная Тартария* Николааса Витсена и описание морских плаваний голландцев, в первую очередь, В. Баренца и Я. ван Линсхотена. И если описание путешествия Линсхотена публиковалось и на французском языке, то об экспедиции В. Баренца можно было прочитать только в книге Д. ван Ниро-

²⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 480. См. также Сводный каталог русской книги XVIII в.

1725–1800. М., 1966. Т. IV. С. 227.

²⁹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 43.

па - на голландском. Николаас Витсен в своей книге написал об этих экспедициях коротко, заметив: «Кто желает ознакомиться подробнее с состоянием берегов Вайгача и Новой Земли, как они описаны Линсхотеном и Виллемом Баренцом, и узнать, какие они там встречали редкости, тот пусть изволит прочесть подробное описание их путешествий, поэтому я об этом здесь умолчу». Очевиден и тот факт, что Винсгейм переводил для Делиля и до своей официальной работы в Петербургской Академии: в качестве особых своих заслуг Винсгейм отмечал, что «по требованию президента, других командиров также и своих товарищей переводил <...> как для общей, так и для приватной пользы с чужестранных языков разные трактаты и диссертации и особенно письма. При тех же делах <...> разные экстракты из иных [трактатов] на латинском языке [писал], которые находятся в архиве»³⁰. Именно Делиль представил академической Конференции нового адъюнкта. Насколько высоко французский ученый ценил заслуги Винсгейма свидетельствует тот факт, что, уезжая из России в 1747 году, все дела по академической обсерватории и Географическому департаменту он передал именно ему³¹. Не вызывает сомнения, что Винсгейм переводил для Делиля и книгу Витсена, но не весь текст подряд. Он выбирал и систематизировал информацию и переводил только необходимые для работы части книги³². Сам Винсгейм в своей научной работе также использовал материал из книги Витсена. Работая над атласом России, он составил и краткую политическую географию, причем описание географии России делалось в качестве сопровождения к готовившемуся к изданию атласу. В СПФ АРАН нами обнаружены рукописи Винсгейма, по которым ясно прослеживается методика его работы. Составляя словники географических названий³³ и наименований проживающих в России народов³⁴, он указывал напротив каждой позиции, в каких трудах и на каких страницах найдены описания или упоминания этих, говоря современным языком, топонимов и этнонимов. То, что ссылки на книгу Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария* наиболее часты в этих материалах (по частоте они соперничают лишь с трудом Ф. Страленберга³⁵), свидетельствует о том, что Винс-

30 СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 786. Л. 73 об.

31 Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа. Л., 1984. С. 79.

32 Нужно заметить, что такую работу он выполнял не только для Делиля. Позднее, принимая участие в работе Географического департамента, Винсгейм помогал «переводами и другими полезными географическими известиями, которые он со всяким прилежанием собирал» профессорам Л.

Эйлеру (1707–1783) и Г. Гейнзиусу (1709–1769).

33 СПФ АРАН. Р. I. Оп. 96. Д. 53.

34 Там же. Д. 54.

35 Philip Johan von Strahlenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. in Verlegung des Autoris, Stockholm, 1730.

M. v. Kuster pinx. 1688. N. 47.

MR NICOLAAS WITSEN,
Burgermeester en Raad van Amsterdam,
Extraordinaris Ambassadeur in
Groot-Britanje enz.

N. Beheven del. naar 't origineel by den H^R MR N. WITSEN, Secretaris van Amsterdam.

J. Heubraeken fecit.

Is. TIRION Excudit.

[Н. Витсен в 1688 году.]

гейм досконально изучил книгу амстердамского бургомистра. Таким образом, мы располагаем данными о том, что Винсгейм не просто «знал» книгу Н. Витсена, но и выписывал сведения из неё, делал постраничные ссылки на описания географических пунктов, рек, народов.

Подводя итог, можно со всей определенностью сделать вывод, что изучение книг Н. Витсена было необходимо в Петербургской Академии для практических целей - для составления генеральной карты России. *Северная и Восточная Тартария* рассматривалась как источник необходимых для составления карты историко-географических сведений и, прежде всего, полученных Витсеном из России. Инициатором работ по изучению книги Н. Витсена был Ж.-Н. Делиль, а переводил её для него Х. Н. фон Винсгейм.

Не случайно, в первую очередь переводились материалы, связанные с описанием берегов Восточной Сибири и Камчатки. Экспедиция В. Беринга, отправившаяся на Камчатку в 1725 году, должна была выяснить, есть ли на северо-востоке морской проход между Азией и Америкой. Имеющиеся к тому времени описания берегов Восточной Сибири и Дальнего Востока были очень противоречивы. Но, несмотря на это, сведения о Камчатке из разных иностранных описаний, в том числе и из Витсена, были собраны и переведены с голландского языка. При этом Камчатка, вслед за авторами, цитировавшимися у Витсена, была ошибочно отождествлена с «землей Ессо» (нынешний о. Хоккайдо). 27 июня 1728 года И. Д. Шумахер писал И. К. Кирилову: «Ныне, по обещанию моему, посылаю до вашего благородия оную ведомость о земле Ессо, или Камчатке, которую мы из разных авторов собрали. Ваше благородие из сего увидеть изволите, что иностранные ведомости об оной земле весьма плохи суть, и того ради сие в российском народе оставить надлежит, в котором подлинное обстоятельство оныя земли описано. Ежели ваше благородие о Камчатке новое какое известие имеете и с нами сообщить изволите, мы вам за о прेमного благодарны будем»³⁶. Это были первые сводные данные, которые Делиль начал собирать для исправления старых и составления новых карт. Эти же описания нашли и совсем другое применение. В том же 1728 году известия о земле Камчатке (а на самом деле Ессо) из книги Витсена были опубликованы по-русски не в научном издании, а в массовом, наиболее популярном среди широкой публики – в «Календаре или

³⁶ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т.1. С. 386.

месяцеслове на лето ... 1729»³⁷. Известно, что в 1720-х гг. Петербургская Академия наук получила исключительную привилегию на издание официальных календарей на русском и иностранных языках. Календари печатались большими по тем временам тиражами от 1250 экз. в 1725 году до 10000 экз. в 1752 году. Стоили календари 6, 12, 21 коп. «Календарь, или месяцеслов на лето ... 1729» (составитель Ф.Х. Майер), о котором идет речь, был издан в 1728 году тиражом 1550 экз. Однако он быстро разошелся, так что находящийся в Москве президент Академии наук Л. Л. Блюментрост писал в январе 1729 года, что «присланных <...> российских календарей стало быть недовольно; того ради обер-секретарь господин Кирилов потребно бытии рассуждал, чтоб еще 1200 календарей напечатать и оные через месяц времени в Москву прислать»³⁸. То есть сведения из книги Н. Витсена, в переводе на русский язык, стали известны широкой читающей публике. Предваряя публикацию, составитель календаря писал: «Егда сие намерение восприято есть, дабы к настоящему Календарю, приятное некоторое историческое известие присовокупить, того ради не суетная есть надежда, что сие благосклонному читателю ненеприятно будет, егда от некотораго известия о земле Камчатке, которая до ныне еще не весма знаема была, начало восприято будет. Но понеже сие весма пространно было бы, ежели бы единожды полное описание присовокупить; того ради мы ныне при первых временах, в которая нечто о помянутой земле знать начали, останемся; и оное zde сообщим, что некоторые писатели о земле Иессо повествует: ибо ныне наиболше оное мнение имеется, что древняя земля Иессо и новая Камчатка всеконечно едина есть земля»³⁹. Сведения о Ессо опубликованы частично в переводе, частично в пересказе со страниц 128–132 второго издания книги Н. Витсена. В «Календаре ... на лето ... 1730» был помещен перевод письма иезуита Иеронима Ангелиса⁴⁰ о земле Иессо⁴¹, также из книги Витсена (в «Календаре...» дата письма Ангелиса ошибочно указана 1722, а не 1622 годом). Письмо публиковалось как продолжение сведений о Камчатке: «Вместо довершения известия о древней земле Иессо, или нынешней Камчатке...»⁴². Но уже в календаре на 1731 год в «Продолжении известий о земле Камчатке» ошибка отожд-

37 Календарь, или месяцеслов на лето ... 1729. Сост. Ф.Х. Майер. [СПб.], 1728. [С.71–80].

38 Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. I. С. 441.

39 Календарь... С. 71.

40 Ангелис Иероним (Angelis, ок. 1567–1623), священник, иезуит, один из первых

христианских миссионеров в Японии, автор опубликованного в Париже в 1625 году географического и этнографического сочинения о Японии.

41 Календарь, или месяцеслов на лето ... 1730. Сост. Ф.Х. Майер. [СПб.], 1729. [С.87–95].

42 Там же. [С.87].

дествления Камчатки и «земли Ессо» была исправлена: «Уже два года как мы <...> вместо прямыя Камчатки различные ведомости <...> о земле Иессо сообщали», потому что верили, что «якобы Иессо и Камчатка одна земля была, токмо под разными именами»⁴³. Далее идет рассказ об экспедиции Владимира Атласова. Несмотря на то, что Витсен включил в свою книгу «Сообщение, сделанное московитским военным служащим Володимиром Отласовым, пятидесятиником, о путешествии, которое он совершил из Якутского в Сибири, к востоку, к северу и югу, для собираня подати и отыскания каких-либо народов»⁴⁴, для «Календаря» использовались данные из другого источника, видимо, полученного от И. К. Кирилова, поскольку в «Календаре» представлены более подробные по сравнению с текстом Витсена сведения. Обращает на себя внимание и тот факт, что в «Календаре» инициаторами поездки Атласова названы А. Виниус, который, как пишет автор статьи, имел «в Сибирском правлении великие заслуги», и Д. Траурнихт, в то время, как у Витсена упоминается только Траурнихт. Здесь же автор пишет, что мог бы сообщить о Камчатке и новые сведения, полученные от капитана Беринга, но «Россия уже и прежде сего времени имела щастие сию землю чрез премудрейшее правление всепрсветлейших ея государей довольно исследовать», поэтому прежде будут рассказаны сведения более ранней экспедиции «Володимера Атласова». В следующем календаре, «на лето ... 1732», изданном в 1731 году, продолжались публиковаться сведения о Камчатке. При этом автор намеренно опускал «географическое описание сея земли». Он признавал неверными результаты съемок геодезической экспедиции 1715 года. Те же ошибки в определении географического положения Камчатки допустил, по мнению автора статьи, и «бывший прежде того в Сибири в полону подполковник Дамперт, ныне называемый Страленберг». То есть автор публикаций о Камчатке в академических календарях к 1731 году знал в деталях как русские, так и иностранные источники. Современные исследователи публикации этих материалов, в частности, отрывков из книги Витсена, приписывают перевод текста *Северной и Восточной Тартарии* Г. Ф. Миллеру⁴⁵. Однако для подобных заключений нет никаких оснований, тем более Миллер и не мог переводить с голландского языка, которого не знал. В эти годы, то есть с 1728 по 1732, Миллер не зани-

⁴³ Календарь, или месящеслов на лето ... 1731. Сост. Г.В. Крафт. [СПб.], 1730. [С.79-86].

⁴⁴ См. W 670.

⁴⁵ См., например, Сводный каталог рус-

ской книги XVIII в. 1725–1800. М., 1966. Т. IV; Полевой Б.П. Камчатка в первых трудах Академии наук // Наука и техника (вопросы истории и теории). Л., 1975. Вып. VIII. С. 28-29.

мался сбором историко-географических сведений, у него были другие обязанности: секретарь конференции и канцелярии, выдача книг в библиотеке, ведение немецкой корректуры в типографии⁴⁶. К тому же с 1 августа 1730 года по 31 июля 1731 года Г. Ф. Миллер был в заграничной командировке. 6 января 1728 года Миллер был определен «к архиве и для сочинения немецких курантов»⁴⁷. Именно это, по-видимому, и ввело в заблуждение исследователей деятельности Г. Ф. Миллера. Газета, выпускаемая на немецком языке, составлялась из сообщений иностранных периодических изданий. В том же 1728 году Академия наук стала издавать на русском языке «Примечания к Ведомостям»⁴⁸, в которых также публиковались сведения из *Северной и Восточной Тартарии*. До 1738 года все сведения в «Примечаниях» публиковались анонимно. Н. И. Невская, специально изучавшая историю «Примечаний», пришла к следующему выводу: «Специальной редколлегии газеты и журнала не существовало, поэтому их подготовкой к печати занимались буквально все сотрудники Академии, включая и студентов Академического университета. Хлопотные и трудоемкие обязанности редактора обоих изданий академики и адъюнкты исполняли поочередно»⁴⁹. Календари же курировали астрономы и математики (Делиль, Майер, Крафт, Винсгейм). То есть Г. Ф. Миллер в качестве одного из составителей «Примечаний к ведомостям», впрочем, как и другие сотрудники Академии, мог брать для публикации готовые работы «из архивы». Именно так можно расценивать комментарий Миллера к публикации сведений о Камчатке как Ессо, который он дал в «Истории Академии наук»: «У меня был [экземпляр] «Известий о земле Камчатке» (должно было бы называться «О земле Ессо»), взятый из редкой работы Витсена о «Восточной и Северной Татарию». В ней эти «Известия» разбросаны там и сям, потом собраны вместе и подытожены. В примечаниях к работе Абуль Гаси и к приложенным к ней географическим картам, вообще говоря, господствует мнение, что Камчатка и Ессо – одна и та же земля. Хотя в начале 1725 года капитан корабля Беринг был послан в те места, о его открытиях ничего не было слышно. Подробные известия, сообщаемые Витсеном о земле Ессо, должны были, по моему мнению, дать до возвращения господина Беринга предварительное представление о Камчатке. Но я ошибался. Впрочем, кто мог бы уберечься от подобного

46 Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 600.

47 Там же. С. 346.

48 За время своего существования с 1728 по

1742 гг. журнал имел разные названия. См. об этом подробно: Сводный каталог русской книги XVIII века. Т. V. С. 170–172.

49 Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа. С. 8–9.

рода ошибок? Лучше всего [в этом деле], что недолго пришлось доверять Витсену, поскольку [его ошибки] были полностью исправлены благополучно возвратившимся через год после того капитаном Берингом»⁵⁰. Вряд ли молодой Миллер мог тогда дать какую-либо оценку этой информации, поскольку знаний для этого еще не имел.

Несомненно, публикация в «Примечаниях», которая требует особого нашего внимания, была подготовлена Делием и Винсгеймом. В апреле 1732 года в частях XXVIII–XXX «Примечаний» были опубликованы сведения о самоедах без указания источника материала. 22 апреля появились «Прибавления к примечаниям о самоедах», озаглавленные «О рецкой [sic!] книге биргермеистера Витсена «Noord- en Ooost-Tartarey»⁵¹. Продолжение этих «прибавлений» вышло 24 апреля. Если сведения о земле Ессо в «Календаре» 1728 года – это первая на русском языке публикация из книги Витсена, то статья, напечатанная в «Примечаниях к ведомостям» в 1732 году, – это первое сообщение о Н. Витсене и его книге на русском языке. Человек, написавший её, не просто прочитал *Северную и Восточную Тартарию*, но знал особенности первого и второго изданий, а также те пути, которыми Витсен получал сведения для карты и книги. В начале статьи автор отмечает, что поскольку сведения о самоедах собраны славным амстердамским бургомистром «Николаем Витсеном» и в его книге «самоедские известия и репорты при сем случае вместо подлинника употреблены, которые за верность, справедливость, искусство, собственные путешествия и великую авторову корреспонденцию, за также надежные, подлинные и вероятные принять можно, как бы кто самые акты и документы из самоедского архива, ежели такой на свете есть, у себя имел»⁵². Далее в статье говорится, что книга Витсена – очень редкая, «что уже подлинно не многие тем похвалиться могут, будто бы они оную видали, а большия, хотя на книги великие знатоки да еще некоторые из тех, которые с биргермеистером Витсеном самим корреспонденцию имели, всенародно о том сожалели, что такое бесценное собрание редких известий печатью ученому свету не сообщено»⁵³. Побудительным мотивом к подготовке карты и книги автор статьи в «Примечаниях» называет путешествие молодого Витсена в Россию. Автор сообщает также важные сведения о том, что в Петербурге «уже начали сию редкую и преизрядную книгу ради общия пользы в порядочное сокращение приводить, которое для лучшего

⁵⁰ История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г.-Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 587.

⁵¹ Примечания к ведомостям. СПб., 1732. Ч. XXXII–XXXIII. С. 153–160.

⁵² Там же. С. 153.

⁵³ Там же. С. 153–154.

изъяснения истории и географии сибирского и татарского государства и земель всему свету сообщено будет»⁵⁴. В 1733 году эта же статья, но в более развернутом варианте, была опубликована на немецком языке в «Sammlung russischer Geschichte». Не останавливаясь подробно на истории этого журнала, поскольку она выходит за рамки нашей статьи, обратим внимание лишь на следующие факты. Вернувшийся из заграничной поездки Миллер публикует на русском и немецком языках программу издания «собрания всяких известий до истории российского государства принадлежащих»⁵⁵, в которой перечисляет материалы, необходимые в качестве источников по истории России. Сразу отметим, что книга Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария* должна была заинтересовать составителя сборника материалов по истории России по целому ряду пунктов этой программы. В ней были географические и топографические описания российских земель (4-й пункт программы), она содержала огромный материал, касающийся «до истории сибирских стран, Казанского царства и Астрахани»; в ней описывались «обычаи сибирских наций, их языки, история торговли» (9-й пункт), история северо-восточных путешествий, особенно сообщения о земле Камчатке. Книга Витсена как нельзя лучше соответствовала и 12-му пункту программы, в котором Миллер объявлял о публикации всех исторических и географических сообщений о «тартарских» царствах и землях, история которых была связана с историей России: Калмукия, Монголия, Бухара, Хива и др. Поэтому не удивительно, что в третьем выпуске «Sammlung russischer Geschichte» за 1733 год использовались материалы из *Северной и Восточной Тартарии*, и была опубликована статья «Nachricht von einem raren Wercke betitult: Noord-Oost Tartarye durch Nicolaes Witsen»⁵⁶. Авторство статьи, как и следующего за ней индекса, составленного по первому и второму изданиям *Северной и Восточной Тартарии*, так же, как и публикации в календарях, приписываются Г. Ф. Миллеру. Однако, как мы уже показали, изучением и переводом книги занимались Ж.-Н. Делиль и Х. Н. фон Винсгейм. Сам Миллер нигде, насколько нам

⁵⁴ Там же. С. 159.

⁵⁵ Объявление предложения до исправления российской истории касающегося, которое можно учиниться частным изданием собрания всяких известий до истории российского государства принадлежащих. СПб., при Имп. Акад. Наук, 1732. 8 с.; Eröffnung eines Vorschlages zu Verbesserung der Russischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden Sammlung von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reiches gehörigen

Nachrichten. SPb., 1732. В конце издания на немецком языке подпись: Der Verfasser und Herausgeber Gerhard Fridrich Müller, der Russisch-Keiserl. Academie der Wissenschaften und der Königl. Englischen Societat zu London Mitglied, auch Histor. Prof. Ordin. Вопрос об истоках данной программы требует отдельного исследования.

⁵⁶ Nachricht von einem raren Wercke betitult: Noord en Oost-Tartarye durch Nicolaes Witsen//Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1733. St. 3. S 196–221.

известно, не называл себя автором ни статьи, ни указателя. Сборник материалов по русской истории Миллер начал составлять из тех трудов, что были уже написаны, переведены, словом, подготовлены или из обзоров только что происходящих событий государственной важности. Из исторических материалов в сборник вошел перевод Паузе летописи Нестора⁵⁷. Опубликованные во втором выпуске материалы о «новейшей истории восточных калмуков» на основе путевого журнала капитана от артиллерии Ивана Унковского, назначенного в 1721 году посланником к цзюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану⁵⁸, были переведены в Академии наук еще в июле 1728 года Ф. Анахиным⁵⁹ на латинский язык, чтобы рукописью могли пользоваться петербургские академики. По такому же принципу использовались и материалы из *Северной и Восточной Тартарии*, которые начали публиковаться с третьего выпуска «*Sammlung russischer Geschichte*». Мы склонны предполагать, что подготовленный Делилем обзор книги Витсена был сокращен для публикации в «Примечаниях к ведомостям», популярных листках для широкой читающей аудитории. В журнале же, который декларировался как научный сборник материалов по русской истории, статья вышла полностью. В начале статьи автор замечает, что имя Витсена так хорошо известно, что не нуждается в похвалах, тем более что за свои труды амстердамский бургомистр получил высокую оценку царя Петра. Поскольку оба издания книги редкие, то для читателей автор сообщения даёт их полные титульные названия, название второго издания – в переводе на немецкий язык, указывая на некоторые различия в названиях сочинения 1692 и 1705 гг. Далее речь идет о других работах Витсена: книге об искусстве строительства кораблей⁶⁰, а также изданном Н. Витсеном описании путешествия И. Идеса с его примечаниями⁶¹. Относительно последней книги автор делает замечание, которое свидетельствует о его детальном знакомстве с произведением Идеса: в голландском издании книги имя Вит-

57 См. об этом Винтер Э. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. М.; Л., 1959. Вып. 4. С. 313–322.

58 Посольство к цзюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. Опубликовано в «Записках Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии». (СПб., 1887. Т. 10. Вып. 2) под ред. Н. И. Веселовского.

59 Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. С. 391.

60 Ael-oude en Hedendaegsche Scheepsbouw и Bestier ... t'Amsterdam, by Casparus Commelijin, 1671.

61 Ides E. Driejaarige Reize naar China...van Moscou af, over Groot Ustiga, Siriania, Permiam Sibirien, Daour, Groot Tartaryen...Amsterdam, 1704. В сокращенном виде было опубликовано в 1696 г. на немецком языке в качестве приложения к книге: Ch. Menzel «Kurtze chinesishe Chronologie» (S. 141-145), в 1697 г. на латинском языке Лейбницем в его «Novissima Sinica».

[Корнелис Витсен (1605-1669), отец
Николааса, на картине Б. ван дер Хелста
(Рейксмузеум, Амстердам).]

сена не упоминается, но оно значится в титуле английского издания⁶². В связи с этим мы опять возвращаемся к Ж.-Н. Делилю. Когда ему была передана для изучения карта первого плавания (1725–1730) В. Беринга, в письме от 9 января 1729 года президенту Академии Л. А. Блюментросту (1692–1755) он демонстрирует хорошее знакомство с работами Идеса, и Витсена: «...его [Идеса – *Авт.*] карта может считаться одной из лучших. Действительно, Исбрант Идес имел с собой карту Витзена, которую он во многих местах исправил, и, вернувшись [из посольства в Китай, куда был послан Петром в 1692 году – *Авт.*] в Москву, написал ему о найденных им ошибках и сделанных исправлениях, что побудило господина Витзена выпустить в конце прошлого века второе издание своей работы»⁶³.

За несколько лет до выхода книги, сообщается далее, Витсен опубликовал карту «Nieuwe Land-Karte van der Noorder- en Ooster-Deel, van Asia en Eurora...». Изданная в 1687 году книга должна была служить пояснением к этой карте. Карта же имеет огромные размеры: высота её 1 аршин 10 вершков, ширина 1 аршин 14 вершков. Пересказывая далее содержание предисловия книги Витсена, Делиль делает акцент на источниках *Северной и Восточной Тартарии*. При этом он подчеркивает, что в основе многих описанных событий лежат сведения, полученные автором при непосредственных встречах, в том числе и в России, с греками, персами, татарами и представителями других народов; письменные сообщения из Астрахани, Сибири, Грузии, Персии и т. д. Автор сообщения не просто перечисляет тех, кого Витсен благодарит в предисловии за помощь, но и выражает удивление тому, кого Витсен не назвал. Речь идет об А. Виниусе. Подобная осведомленность также указывает на Ж.-Н. Делиля как автора статьи. Отметим, что это первое в историографии упоминание А. А. Виниуса как одного из информаторов Витсена⁶⁴. Вспомним также, что имя А. Виниуса упоминалось и в публикации в «Календаре ... на лето...1731» в связи с экспедицией В.

62 Three years travels from Moscow over-land to China: thro' Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, etc. to Peking; containing an exact and particular description of the extent and limits of those countries, and the customs of the barbarous inhabitants; with reference to their religion, government, marriages, daily employments, habits, habitations, diet death, funerals &c. to which is annex'd an accurat description of China, done originally by a chinese author. / Written by .E. Ysbrants Ides; printed in Dutch by the Direction of Burgemaster Witzen, and now done into English. London: Freeman [u.a.], 1706

63 Письмо Ж.-Н. Делиля, написанное по-французски, опубликовано в оригинале и в переводе на русский язык в книге: Гнучева В. Ф. Экспедиции Академии наук XVIII–XIX веков. М.; Л., 1940. С. 128–133.

64 В примечании к имени А. Виниуса сообщаются не совсем точные сведения о нем: «Андрей Андреевич Виниус, царский тайный советник и думный дьяк в Сибири, по рождению немец, в юности приехал с отцом в Россию». Известно, что А. Виниус по происхождению был голландцем, родился в Москве в 1641 г., а в 1655 г. вместе с отцом принял православие.

Атласова. Вряд ли Г. Ф. Миллер к 1731 году, не занимаясь специально вопросами историко-географического описания России, знал такие детали: не только то, о чем написано, но и то, о чем в книге не сказано. Повторяем, все эти факты приводят нас к выводу, что автором сообщения о книге Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария* был Ж.-Н. Делиль. Подобные обзоры он делал и в связи с другими нужными ему исследованиями. В его архиве в Петербурге хранится, например, такая работа, как «Sur un manuscrit persan des tables astropomques d'Ulugbeg»⁶⁵, которая по своему характеру очень похожа на сообщение, опубликованное в «Sammlung russischer Geschichte». Примечания к статье с пространными цитатами на голландском языке, вероятно, сделаны Х. Н. Винсгеймом, который единственный из тогдашнего состава Академии настолько хорошо знал голландский, что смог не только прочесть, но и систематизировать сложный по композиции материал книги Витсена. Учитывая уже названные нами рукописи Винсгейма, представляющие собой указатели выбранных из *Северной и Восточной Тартарии* географических и этнографических названий, мы считаем, что «регистр»⁶⁶, опубликованный после сообщения о книге и составленный сразу по первому и второму изданиям, также подготовлен Винсгеймом.

Говоря современным языком, Винсгейм составил индекс, который объединил именной, географический, предметный указатели и указатель этнонимов. Учтены, прежде всего, те названия, которые касаются России и приграничных с ней территорий. Названия транскрибированы на немецкий язык и даны в одном унифицированном варианте. Свидетельством того, что как сообщение о книге Витсена, так и регистр не принадлежат Миллеру, является и следующая за этим материалом программа написания книги «Rebus chalmussicis», которая подписана его именем: то есть, публикуя свои работы, Миллер указывал свое авторство. Поэтому заслуги, приписываемые Г. Ф. Миллеру, например, Ф. П. Аделунгом, писавшим: «В этой статье [«Sammlung russischer Geschichte» – *Авт.*] Миллер сообщил первый подробное известие о сочинении Витсена, которое дотоле оставалось почти неизвестным», а составлением указателя к первому и второму изданиям сочинения «Миллер чрезвычайно облегчил употребление Витзенова творения»⁶⁷, следует адресовать Делилю и Винсгейму.

65 СПФ АРАН. Р. I. Оп. 35. Д. 2.
66 Register über Nicolaes Witsens Noerd- en Oost-Tattaren erster und anderer Edition // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1733. St. 3. S. 222–272.

67 Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений... Ч. I. М., 1864. С. 35–36.

В следующих выпусках «Sammlung russischer Geschichte» продолжалась публикация материалов из книги Витсена. В четвертый том сборника 1734 года вошла подборка материалов об Албазине⁶⁸, выстроенных в хронологической последовательности. В пятой части того же года опубликованы сведения по истории калмыков⁶⁹; а в 1735 году – об истории заключения Нерчинского договора⁷⁰. Публикуя отобранный материал, составитель, а им, несомненно, был Винсгейм, несколько сокращал оригинальный текст («in die kurze verfasst»), но всегда указывал, какие страницы в книге Витсена им использованы. Публикуемые отрывки не комментировались, поэтому Винсгейм писал, что все его заслуги сводятся только к выбору соответствующего теме материала из *Северной и Восточной Тартарии*. Винсгейм продолжал публиковать переводы из Витсена и в календарях, составление которых с 1735 года было вменено ему в обязанность. В «Календаре на лето...1737» Винсгейм поместил «Разные исторические известия о черемисах и мордве, взятые из Восточных и Северных Тартарии Николая Витсена, которая на голландском языке издана вторым тиснением»⁷¹. О том, что Винсгейм сам подготовил эти «известия» к публикации, то есть выбрал из текста и перевел на немецкий язык, свидетельствует его рукопись, сохранившаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН «Verschiedene historische Nachrichte. Die Tscheremissen und Mordwinen betreffend aus Nicolai Wissen in Holland»⁷².

Г. Ф. Миллер обратился к материалам из книги Н. Витсена уже в ходе исследований по результатам Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). В 1732 году в Петербург вернулся капитан В. Беринг, и началась подготовка новой экспедиции в Сибирь, к Камчатке и Японии. От Академии наук в экспедицию отправлялись профессор естественной истории И. Г. Гмелин (1709–1755) и экстраординарный профессор астрономии Л. Делиль-Де Ла Кроейер (1680–1741). Зимой 1732–1733 гг. Гмелин заболел, и Миллер предложил себя вместо заболевшего коллеги. 23 марта 1733 года он получил раз-

68 Эта публикация сопровождается примечанием: «Diese Abhandlungen ist durchgangig aus dem raren Wercke des Buergermeisters Nic. Witsens von der Nord und Ost Tartaren zusammen gezogen und ist meine arbeit dabei nicht mehr, als ich die verschiedenen Orten zerstreunte Umstaende und Begebenheiten in Gonnekion verfasst». Von der Stadt Albasin und denen darueber erregten Russischen und Chinesischen Streitigkeiten. St. 4. 1733. S.315-326.

69 Calmuckische Geschichte und Begebenheiten aus Nic. Witsens Noord- en Oost-Tar-

tarye zweiten Auslage in die kurze verfasst // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1734. St. 4. S. 420–437.

70 Russische und Chinesische Friedenshandlungen im Jahre 1689. den 27. Augusti in der Gegend von Nerschinskoi zu Stande gebracht // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1735. S. 495–515.

71 Календарь, или месяцеслов на лето ... 1737. Сост. X. Н. Винсгейм. [СПб.], 1736. [С.79-97].

72 СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 96. Д. 16. 8 л.

решение Сената отправиться в составе отряда Академии наук. По выздоровлении Гмелин просил и его отправить в экспедицию, что и было удовлетворено. Среди подготовительных материалов к предстоящим исследованиям в Сибири в СПФ АРАН имеются и выписки из *Северной и Восточной Тартарии* на голландском языке, но уже в части описаний металлов, минералов, флоры и фауны Сибири, сделанные И. Г. Гмелиным (или для него)⁷³. При этом использовалось издание *Северной и Восточной Тартарии* как 1692⁷⁴, так и 1705 года. Сделаны пространные выписки о рыбах, встречающихся в Сибири⁷⁵, а также о животном «бубули» (*Boeboeli*), обитающем в «Даурском крае», которое «по внешнему виду... больше всего походит на буйвола, размером больше вола или обычной коровы»⁷⁶. Гмелина заинтересовали сведения о возможности добычи золота в Сибири «на притоке Енисея, в области Таргутской (т Targoetske)»⁷⁷ и о «Марьином стекле»⁷⁸, образец которого Н. Витсену прислали из Верхотурья. Кроме того, внимание Гмелина привлек «благоухающий бальзам, по названию «темсуй» (Temsuy)», считающийся «целебным средством от многих болезней»⁷⁹.

Попробуем проследить, как Миллер использовал материалы книги Витсена в своих последующих работах по истории Сибири. Прежде всего, он извлекал информацию, которая была уникальной, не содержащейся в других источниках, бывших в его распоряжении. Например, в «Истории о странах при реке Амуре лежащих, когда оныя состояли под Российским владением»⁸⁰ Миллер приводит сведения Н. Витсена о письме, которое Никифор Венюков привез из Пекина в 1686 году. Ученый пересказывает содержание письма, указывая, что в *Северной и Восточной Тартарии* имеются два его перевода. Там же, описывая осаду Албазина в 1686 году, Миллер использует данные Витсена о потерях русских, замечая, что «если находящемся в Витзеновой книге о Восточной и Северной Татари на странице 863 известиям верить, то осажденных уже при конце ноября месяца больше 150 человек не осталось»⁸¹ (у Витсена: «Между тем, количество людей внутри Албазина уменьшилось от

73 Excerpta ex Witsio suxta Catalogus Dri I.G.Gmelin // СПФ АРАН. Ф. 98. Оп.1. Д. 20. Л.107-114.

74 Там же. Л. 107-107об. Witsen. 1692. Р. 490.

75 Там же. Л. 108-109; 114. Witsen. 1705. Р. 745, 787.

76 Там же. Л. 111-112 об. Witsen. 1705. Р. 66-67.

77 Там же. Л.112 об. - 113 об. Witsen. 1705. Р. 767-768.

78 Там же. Л. 114. Witsen. 1705. Р. 760.

79 Там же. Л. 109-110 об. Witsen. 1705. Р. 810-811.

80 Оpubл.: Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1757. Июль. С. 4-39. Август. С. 99-130. Сентябрь С. 195-227. Октябрь. С. 292-328; Миллер Г. Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 329-374.

81 Миллер Г. Ф. Избранные труды. С. 361.

800 до 150 человек, они почти все были больны цингой, 30 человек стояли еще в карауле и 15 были заняты на работах»⁸²).

Однако Миллер, изучивший к тому времени многие документы по истории Сибири, и сам, в отличие от Витсена, побывавший в описываемых местах, чаще комментирует и исправляет информацию, содержащуюся в *Северной и Восточной Тартарии*. В той же «Истории о странах при реке Амуре лежащих...», рассказывая о постройке Албазина, Миллер замечает, что приводимые Н. Витсеном сведения о Никифоре Романовиче Черниговском нуждаются в исправлении: «По сему надлежит исправить то, что Витсеновой Северовосточной Татарию 2 издание на 11 странице о постройке Албазина и о прощении Черниговскаго объявляется несколько с отменными обстоятельствами»⁸³. Также не совсем верен, по мнению Миллера, рассказ Н. Витсена о смерти воеводы Алексея Толбузина: «Но он не в пятый день после того, как начали Китайцы стрелять по городу, как Витсен объявляет, но по свидетельству людей, при той осаде бывших, в конце сентября месяца убит неприятельским пушечным ядром»⁸⁴.

Естественно, что и в «Описании Сибирского царства и всех произошедших в нем дел...», издание которого началось в 1750 году⁸⁵, а отдельные части публиковались в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих»⁸⁶, Миллер также часто использует сведения из книги Н. Витсена. При этом приоритет он отдает сибирским летописям и архивным документам, дополняя их информацией, содержащейся в *Северной и Восточной Тартарии*, и сопоставляя книгу Витсена с русскими источниками. Рассказывая об открытии Сибири и роли семьи Строгановых в ее освоении, Миллер замечал, что «имеется известие, которое дает основание предполагать, что Сибирь <...> как бы снова была открыта благодаря стараниям одного человека, которого фамилия графов и баронов Строгановых почитает своим предком. Правда это известие не находится в русских летописях и его приводят только иностранные писатели...», «Исаак Масса, голландский описатель земель, вперые напечатал об этом в 1609 году. После этого Ник[олаас] Витсен повторил его рассказ в своем драгоценном труде «Noord en Oost Tartaryen»...»⁸⁷. Миллер пересказывает сведения Витсена, о том,

82 См. наст изд. W 863.

83 Миллер Г.-Ф. Избранные труды. С. 353. У Витсена W 115.

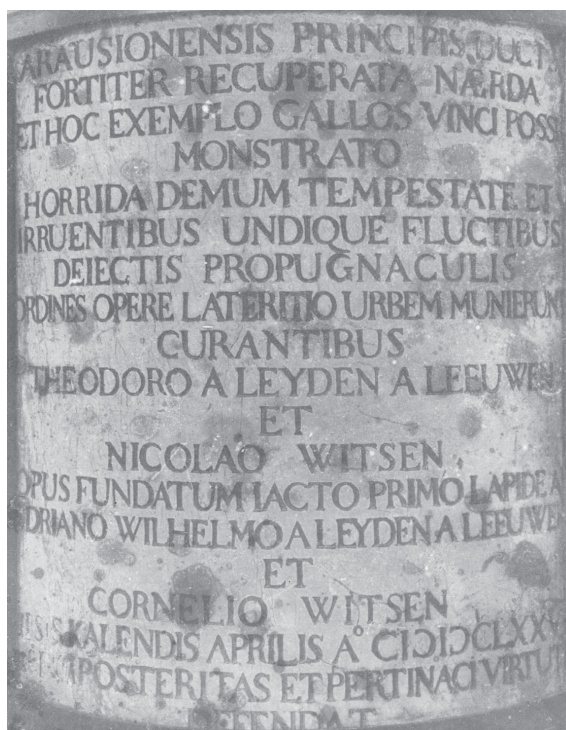
84 Миллер Г.-Ф. Избранные труды. С. 361. У Витсена W 862.

85 Описание Сибирскаго царства и всех произошедших в нем дел...сочинено Герар-

дом Фридериком Миллером. Кн. 1. Спб., при Имп. Акад. Наук, 1750.

86 Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Т. 20. Январь–июнь.

87 Миллер Г.-Ф. История Сибири. Миллер Г.-Ф. Избранные труды., 1999. Т.1. С. 201.

[В 1672 году французские войска вторглись в Нидерланды и завладели, в частности, крепостью Наарден, неподалеку от Амстердама. После окончания войны Витсену было поручено восстановление крепости. О его деятельности напоминает мраморная мемориальная доска (установлена в 1676 году), которая сохранилась в городке Наарден до наших дней.]

[Петр I и Н. Витсен в Амстердаме (1697-1698).]

что «... [Строганов] привез со своей родины и ввел в употребление в России татарские счеты, на которых производят арифметические вычисления при помощи шариков, надетых на проволоку»⁸⁸, уточняя, однако, целый ряд деталей, ссылаясь на известия, имеющиеся у семьи Строгановых. Далее ученый замечает, что Н. Витсен ошибся, назвав Даниила Строганова главой семьи во времена похода Ермака: «Ошибка произошла, очевидно, от того, что Даниил Строганов был старшим в семье в то время, когда Витсен находился в Москве, именно в 1677 г.»⁸⁹.

Сравнивая текст *Северной и Восточной Тартарии* с сибирскими летописями, Миллер замечает, например, что относительно времени похода Ермака летописи дают «весьма недостаточные сведения <...> Разбой казаков на Волге, бегство на Каму и последующий поход в Сибирь описываются в них под одним 7089 (1581) годом. Легко заметить, что это маловероятно. Напротив того, известия, приводимые Витзеном, неверны в том отношении, что все события описываются у него, правда, в том же порядке, но отнесены на несколько лет раньше...»⁹⁰. Рассказывая о сражении казаков Ермака с Кучумом, ученый замечает, что Витсен «неправильно рассказывает (изд. 2. С. 739), будто бы хан бежал из города Сибири, который он [Витсен] постоянно смешивает с городом Тобольском, и велел при этом сбросить в Иртыш две имеющиеся у него чугунные большие пушки <...> Одну из них казаки потом вытащили из реки, и она будто бы в его [Витсена] время находилась в Тобольске». Миллер пишет, что этому нет подтверждения «ни в летописях, ни в архивных делах, ни в преданиях местных жителей, ни в наличном составе имеющейся в настоящее время в Тобольске артиллерии»⁹¹. Однако сообщение Витсена о том, что «Ермак при первом нападении, чтобы усыпить бдительность и не вызвать беспокойство среди врагов, велел зарядить пушки и мелкое оружие одними пыжами и что при втором нападении он стрелял уже настоящими, отчего больше всего зависел исход битвы» вызвало у Миллера доверие. Он замечает, что «такая хитрость могла быть употреблена, хотя Сибирские летописи об этом не упоминают, но в них кратко описываются только главные события, а мелкие события нередко совсем опускаются»⁹². Такая ситуация, когда часть информации, содержащейся у Витсена буквально в одном абзаце, Миллер считает достоверной, а часть – ошибочной или сомнительной, довольно типична. Например, о чело-

⁸⁸ Там же. С. 202.

⁸⁹ Там же. С. 208. Н. Витсен был в Москве с 20 января по 18 мая 1665 г.

⁹⁰ Там же. С. 209.

⁹¹ Там же. С. 225–226.

⁹² Там же. С. 226.

битной, отправленной Ермаком в Москву, Миллер пишет: «К этому следует еще прибавить, что Ермак, как пишет Витзен (с. 739), в отправленной челобитной просил о милостивом прощении своих прежних вин и указывал царю на необходимость послать в Сибирь воеводу, который управлял бы ею по приказам его царского величества и защищал бы ее от всяких вражеских нападений. Витзен при этом говорит, что посланный ясак состоял из 60 сороков соболей, 20 черно-бурых лисиц и 50 бобров, и что кроме того были тогда же отправлены в Москву три знатных пленника. Однако эти последние известия подлежат сомнению, так как настоящее количество ясака едва ли могло быть известно чужестранцу, записавшему эти сведения, и, кроме того в летописях ничего не говорится о том, что казаки имели в то время знатных пленников»⁹³.

В работе «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных», опубликованной в 1758 году,⁹⁴ Г. Ф. Миллер также неоднократно обращается к книге Витсена. В частности, описание плавания кораблей «Кастрикум» и «Брескес» в 1643 году полностью основывается на известиях, опубликованных в *Северной и Восточной Тартарии*.

Особое внимание анализу текста *Северной и Восточной Тартарии* Миллер уделил в статье «О сибирских надписях»⁹⁵. Здесь ученый приводит большую цитату из книги Витсена с описанием Ирбитской писаницы, объясняя это тем, что сама книга «имеется у немногих»⁹⁶. В экземпляре, которым пользовался Миллер, отсутствовала гравюра с изображением «Писанца камня» – «Sibiersche Kruysberg, anders de klip van Pisanets genaamt, met verre van de stad Vergatugia gelegen» («Сибирская Крестовая гора, также называемая утес Писанец, расположенная недалеко от города Верхотурье»)⁹⁷. В других экземплярах эта гравюра опубликована. Именно она подробно описывается Витсеном на страницах 759–760, которые приводит в своей статье Миллер. Сетую на отсутствие иллюстрации, он в то же время высоко оценивает описание, сделанное Витсеном: «Читая это место в сочинении Витзена и не видя самих изображений, не напечатанных в книге, не знаю, по какой причине, как не получить

⁹³ Там же. С. 231.

⁹⁴ Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Т. 1. С. 3–27, 99–120, 195–212, 291–325, 387–409; Т. 2. С. 9–32, 99–129, 195–232, 309–336. А также: Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. Составление, статья А. Б. Каменского. Прим. А. Б. Каменского и О. М. Медушевской. М., 1996. С. 19–126.

⁹⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 519–534.

⁹⁶ Там же. С. 520.

⁹⁷ Возможно, Миллер использовал экземпляр, хранящийся теперь в Библиотеке РАН. Этот экземпляр издания 1705 г., в отличие от большинства других, содержит всего 23 гравюры (экземпляр РНБ – 80 гравюр, ГПИБ – 101). Гравюра, на которой изображена Ирбитская скала, в экземпляре БРАН отсутствует.

все же яркое впечатление об этой Ирбитской скале?» Однако ученому удалось найти изображение писаного камня в других книгах: «Письмах» Г. Купера⁹⁸ и работе Страленберга⁹⁹. Размышляя над тем, имеют ли эти изображения что-нибудь общее с описанием Витсена, Миллер совершенно справедливо заметил: «нет никакого сомнения, что у Купера речь идет о тех же изображениях, которые Витзен получил из Сибири...»¹⁰⁰ Оригинальные рисунки Ирбитской скалы, содержащиеся в переписке Витсена и Купера, хранятся в библиотеке Амстердамского университета¹⁰¹. В письме к Ля Крозе от 26 апреля 1711 года Купер писал: «г-н Витзен сделал меня обладателем Сибирских надписей, это буквы или, скорее, фигуры весьма необыкновенные... имеются четыре таблицы»¹⁰². Путешествуя по Сибири, Миллер побывал у Ирбитского камня¹⁰³ в июне 1741 года. Позволим себе привести здесь цитату из описания Миллера, где четко прослеживается отношение петербургского ученого к труду Витсена: «Когда я находился около Ирбита, мне показалось стоящим делом съездить к писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние ее и чтобы дать рисунок ее, исполненный более исправно и искусно, чем прежние. Имя этой скалы – Писанец Камень, что иначе означает, как я указывал раньше, писаный. Она находится на левом, или западном, берегу реки Ирбита, выступая к реке в виде обрыва с несколькими более выдающимися частями и возвышаясь над поверхностью воды, вопреки сообщению Страленберга, не более шести сажень. Я не наблюдал, чтобы скала выступала в реку тремя сторонами. Она выступает, конечно, но только в виде некоторой округлости, около которой река делает поворот. Изображения на беловатой известковой скале писаны, но не выжжены, как говорит Страленберг, красной краской неумело, грубо и беспорядочно, как обыкновенно делается самими неискусными рисовальщиками. Можно даже сказать, что они сделаны пальцем, потому что почти равняются ему по толщине. Многие стерлись, благодаря действию воздуха. Оставшиеся представлены на таблице верно. Я не колеблюсь сравнить их с рисунками детей или произведениями праздных людей, неопытных в искусстве письма и живописи, когда они делают на бумаге или пишут на песке разные беспорядочные изображения. Я не наблюдал там ничего, что было бы похоже на связ-

98 Cuper G. Lettres de critiques, d'histoire, de la litterature etc. Amsterdam, 1742.

99 Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

100 Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 521.

101 Библиотека Амстердамского университета. Vf. 55. С. 1–4 (данные Б. Наардена).

102 Цит. по: Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971. С. 12; Cuper. Lettres de critiques... P. 93.

103 СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 28. Л. 31–32.

[Н. Витсен в 1688 году.]

ный ряд изображений. Здесь — изображения людей, там — животных, ничем органически не связанные <...> Мне трудно уверить себя, что такие произведения принадлежат людям, которые хотели передать потомству память о себе или о своих деяниях, и я не усомнюсь назвать большим фантазером того, кто на самой скале усмотрит то, что Витсен и Купер, как им показалось, усмотрели в сообщенных ими изображениях [*В рисунках на Ирбитской скале Витсен увидел доказательство того, что «первые христиане пришли туда много лет назад» - Авт.*]. И потому, если нет других свидетельств, я не думаю, чтобы эти изображения доказывали, что христианская религия была распространена в этих местах еще до прихода в Сибирь русских. Но Витсен, честный писатель, описывая художественное и искусное выполнение присланных ему изображений, сам обесценивает свое толкование. Он упомянул канцеляриста¹⁰⁴, который, без сомнения, принадлежал к низшему разряду писцов. Они же вообще привлекаются к делам, когда их начальники исполняют обязанности судей и уезжают далеко от города не иначе, как по очень важным причинам. Коль скоро это был писец, то, насколько нравы людей этого рода нам известны, не будем ожидать тщательности и искусства в сделанной им зарисовке; она не могла быть выполнена «помощью сорванной с дерева ветки»; отсюда я заключаю, что по небрежности и невежеству или по отсутствию нужных для рисования принадлежностей было сделано при том много ошибок, которые привели Витсена и Купера к преувеличенной оценке этого произведения»¹⁰⁵.

Миллер ссылался на сочинение Витсена даже тогда, когда писал «Опыт новейшей истории о России»¹⁰⁶. Говоря об укреплении города Тарку при царе Борисе Годунове, он сопоставляет свои данные с теми, что опубликовал Витсен, добавляя, что «Витсен. С. 610 имеет о сем несправедливые известия».

С других позиций подходил к изучению книги Н. Витсена русский государственный деятель, историк, географ, инженер Василий Никитич Татищев (1686–1750). Начав с 1717 года заниматься изучением русской истории по заданию Петра, он продолжал свои исследования до конца жизни¹⁰⁷. Для написания истории России Тати-

¹⁰⁴ Витсен написал, что изображение для него сделал канцелярист по имени «Коим» (См. данное издание Т.1. С....) Вероятно, Витсен принял за имя собственное русское местоимение «кой» в форме творительного падежа «коим», то есть «которым».

¹⁰⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 522–523.

¹⁰⁶ Опубликовано: «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». 1761. Январь, февраль, март.

¹⁰⁷ Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 5–32.

щев использовал как собираемые им рукописи исторического содержания, так и западноевропейские сочинения, в числе которых были и многие из тех произведений, которые послужили источниками для Н. Витсена. Прежде всего, «он подробно и критически освоил известия иностранных писателей и дипломатов, писавших о России. Он обращался к трудам древних и новых историков, сочинениям очевидцев, которые посещали русское государство, начиная с XIII в.»¹⁰⁸ Таким образом, книга Н. Витсена была для Татищева одним из тех трудов, в которых публиковались исторические или географические описания России, но составленные на базе других книг, а не собственных наблюдений, то есть Татищев оценивал *Северную и Восточную Тартарию* с историографической точки зрения. Многие из книг, упоминаемых Витсеном, имелись в академической библиотеке, при этом не только европейских, но и арабских авторов. Приведем лишь один из многочисленных примеров. И. Шумахер, отправившийся в 1721 году в путешествие по Европе по заданию Петра I, приобрел 314 названий (541 том) книг, из которых 10 книг о Востоке¹⁰⁹. Среди них была, например, «История Тимура» Ахмед бин Арабшаха (1389–1450), арабского историка, литератора, поэта. Издание, купленное Шумахером, подготовил Якоб Голиус (1596–1667), голландский востоковед, профессор кафедры арабского языка Лейденского университета. Шумахер приобрел первое издание, которое Я. Голиус подготовил по двум вывезенным им с Востока рукописным спискам и издал на арабском языке в 1636 году¹¹⁰. Позднее библиотека приобрела издания переводов этой книги на европейские языки. Татищев владел немецким, шведским и польским, что позволяло ему пользоваться европейскими изданиями на этих языках. Кроме того, ученый инициировал перевод многих книг на русский язык. Е. А. Савельева, приводя данные статьи В. А. Петрова о рукописях, присланных В. Н. Татищевым в Академию наук, сообщает о том, что из 55 рукописных книг 15 были переводами с западноевропейских языков. С латинского языка книги для В. Н. Татищева переводил К. А. Кондратович, переводчик Петербургской Академии наук, который в 1734 году вместе с Татищевым уехал в Екатеринбург для преподавания латинского языка в

108 Савельева Е. А. Рукописи В. Н. Татищева – предшественника Ломоносова в собрании Библиотеки АН СССР // Ломоносов и книга. Л., 1986. С. 14.

109 См. об этом: Рафиков А. Х. Книги на арабском языке в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII века //

Книжное дело в России в XVI–XIX веках. Л., 1980. С. 83.

110 Ahmedis Arabsiadae Vitae & rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia / [Ed. et praef. instr. Jacobus Golius]. Lugduni Batavorum: ex Typographia Elseviriana, 1636.

открытой там школе¹¹¹. По поручению Татищева он перевел на русский язык книгу польского хрониста М. Кромера «De origine et rebus gestis polonorum» (Basileae, 1555), которой пользовался и Н. Витсен. Перевод с исправлениями В. Н. Татищева и ассессора Рудакова после изучения его Татищевым был отправлен в Петербургскую Академию наук и в 1737 году поступил в её библиотеку. Тогда же Кондратович перевел для Татищева «Изъяснение татарской хронологии» Кирхера, Геродота, «Географию» Птолемея, Страбона, Плиния¹¹², «Записки о московитских делах» Герберштейна¹¹³. Все переводы Татищев или сам Кондратович отправляли в Академию наук. Была переведена и книга П. Бержерона «Tracté des Tartares, de leur origine, pay, peuple, mœurs, guerres, conquistes, empire et son estendue de la suite de leurs chanes et empéreur, estats et hordes, diverses jusqu'aujourd'hui», также использованная Н. Витсеном¹¹⁴. То есть практически все книги, упоминаемые Витсеном, были доступны Татищеву в оригиналах или в переводах на русский язык, а не в пересказе Витсена. Для Татищева значение книги Витсена умалчалось и тем, что её автор в Сибири никогда не был. Татищев же жил и работал там, на месте изучал русские летописи, документы. Гораздо выше он ценил «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asie», с автором которой, Ф.-И. Страленбергом, он был лично знаком и к которой написал «Примечания»¹¹⁵. Известно также, что Татищев переводил книгу Страленберга на русский язык¹¹⁶.

Упоминаний *Северной и Восточной Тартарии* Витсена в сочинениях Татищева немного. Так в «Общем географическом описании всея Сибири» (1736 г.), перечисляя историков, которые писали о Сибири, начав с Геродота, вспомнив Плиния и Страбона, Карпини, А. Оллария, И. Идеса, А. Бранта, Страленберга, В.Н. Татищев ниче-

111 Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России. С. 16.

112 Из документов известно, что все эти переводы были присланы в Академию наук, но местонахождение рукописей неизвестно. См. об этом указ. ст. Е. А. Савельева. С. 20–22.

113 О делах московских комментарий Сигисмунда вольного барона в Герберштейне Нейперге и в Гветтенгате, в которых России и столичного ее города Москвы описание, провинциальные карты, объявление веры, способ принимать и содержать послов, два путешествия в Москву и иное нечто содержится.... Перевел Кириак Кондратович. 1747 г. // СПФ АРАН. Р. II. Оп. I. Д. 27. 432 л.

114 Bergeron Pierre. Tracté des Tartares, de leur origine, pay, peuple, mœurs, guerres, conquistes, empire et son estendue de la suite de

leurs chanes et empéreur, estats et hordes, diverses jusqu' aujourd'hui / Bergeron, Pierre. Paris, 1634. Название перевода «Сокращенная история о сарацинах и магометанах, в которой говорено о их начале, народах, нравах, религии, войнах, корыстях, калифах, королях, суданах, шерифах, империях и о разных владениях и государствах поселившихся в мире. Сочинена Петром Бержероном Паризянином» // СПФ АРАН. Р. II. Оп. I. Д. 94. 152 л. 1751 г.

115 См. об этом Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по географии России // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 10.

116 См. Савельева Е. А. «Северная и Восточная часть Европы и Азии» Ф.-И. Страленберга и ее русские переводы в XVIII в. // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 65–79.

го не написал о Витсене. Но в «Истории Российской» Василий Никитич несколько раз ссылается на Витсена, отмечая, правда, лишь неточности в его труде. Приводя некоторые мнения о том, что историку необходимо знать красноречие, риторику, Татищев рассуждает: «Все сии науки, как <...> хотя многополезны, однако ж иногда на все те науки надеяться, а неученых презирать не должно. Ибо видим, что преславные философы, писав истории, погрешили, как пример имеем о Самуиле Пуфендорфе, Роберте Байле, Витсене, бургомистре амстердамском, и других, что первые свои издания принуждены были исправлять, и не однократно»¹¹⁷. Раздраженно пишет русский историк о том, что, используя полученные исторические или географические данные, Витсен вносил их в книгу без дополнительной проверки. Вот как о таких фактах пишет Татищев: «Колмо же град, как выше показано, есть, где село Бронницы. Я о сем Холме напоминаю для того, что Витсену некто, не смысля, сказал о войне холопов со скифами, якобы она в том месте была. И Мартиние, не больше рассудив, поверил и в Лексикон географический внес, которое нисколько с историею Геродота не согласно, ибо он точно войну ту при Доне и ров, сделанный рабами, а не крепость там указывает, то б можно думать, оный был меж Доном и Волгой, который турки в 15-м году хотели судопроходным сделать, как и Петр Великий о том старался. Плиний и Порфиригенит не беспричинно Перекопъ крымскую разумеют, гл. 12, н. 14, гл. 14, н. 31, гл. 16, н. 38, почему всяк рассудит, что сии премудрые мужи Витсен и Мартиние баснею новгородца обмануты»¹¹⁸. Видимо, В. Н. Татищева не удовлетворяло и неверное употребление географических названий, наименований народов, в связи с чем он в своей «Истории Российской» делал особые примечания: «В тех же примечаниях нужным казалось образование названий народов и урочищ древних показать, которые большею частью сарматского, а отчасти и татарского языка, о которых, так весьма ко изъяснению древности нужных, ни языка знания, ни прилежания европейцы не имеют и пользы оных не знают и от того в рассуждениях немало погрешают, из-за чего в Страленберговой книге описания Татарии с избытком видим, что он, не зная нужных языков, странные и несогласные с истинным образования имен нагородил»¹¹⁹. То же самое Татищев мог бы сказать и о книге Витсена. При написании «Истории Российской» он начал подготовку «Лексикона российского исторического, геогра-

¹¹⁷ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Ч. 1.

¹¹⁸ Там же. Ч. 1. Гл. 29.

¹¹⁹ Там же. Ч. 1.

фического, политического и гражданского», поскольку в ходе работы испытывал большие затруднения при использовании ряда иностранных лексиконов, потому что в них «великие о России неисправности» содержатся, так что «ни единого артикула во всем правильного без погрешности отыскать невозможно»¹²⁰. В «Дополнке росписи Лексикона гражданского»¹²¹, в которой перечислены имена историков и названия обобщающих исторических трудов, есть и имя Витсена¹²², правда, без какого-либо комментария. Скажем, об А. Брандте записано: «Брант, Езда в Китаи», о Герберштейне: «Герберштейн. Езда в Русию», о Кирхере: «Кирхер, Описание Китай»¹²³. В работе «О географии вообщче и о русской», говоря о чертеже Сибири, выполненном в царствование Алексея Михайловича, В. Н. Татищев сослался на книгу амстердамского бургомистра: «Витсен, бургомистр амстердамский, объявил, что она [карта – *Авт.*] на дереве вырезана и напечатана была, токмо по довольном от меня испытанию никто не явился, чтоб оную напечатанную видел и, хотя сказывают, что есть в архиве Сенатской, токмо никто отыскать и показать мне не мог»¹²⁴.

Так на примере В. Н. Татищева мы видим, как изменялось отношение к книге Н. Витсена *Северная и Восточная Тартария* как к научному произведению. Особенность её композиции как свода печатных и устных источников приводила к тому, что в первую очередь она использовалась уже не столько как источник новых сведений, сколько как своеобразная библиография и хрестоматия. Изучение книг, на которые ссылался Витсен и которые пересказывал или цитировал, приводило к тому, что сама *Северная и Восточная Тартария* становилась уже как бы пройденным этапом. Ученые в России обращались непосредственно к самим опубликованным источникам книги Витсена, благо академическая библиотека была богатейшим книжным собранием, а в России шла огромная переводческая и издательская деятельность. В академическом Архиве хранятся рукописи переводов по той тематике, которая так интересовала и волновала любознательного Витсена. Доступная уже на русском языке историография России и соседних с ней государств разрасталась: выполнялись переводы с китайских рукописей о

¹²⁰ Из письма В. Н. Татищева К. Г. Разумовскому от 11 августа 1747 г. Опубликовано: Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Исторический архив. XVI. С. 263. См. также Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 27.

¹²¹ Опубликовано: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 358–360.

¹²² Там же. С. 359.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 215.

[Площадь Дам в Амстердаме.
Внушительное здание на заднем плане –
ратуша (построена в период с 1648 по 1665
год), где работал бургомистр Николаас
Витсен.]

китайской хронологии¹²⁵, китайской истории¹²⁶, с калмыцкого языка¹²⁷; в Академию наук присылались рукописи по истории татар¹²⁸, составленные на основе письменных и устных источников. И что особенно важно – отыскивались, переписывались, присылались в Петербург сами исторические источники. Академия наук вела работу по составлению карт России, для чего в губернии и уезды отправлялись геодезисты, которые не только определяли месторасположение географических пунктов, но и вели опросы населения в соответствии с разработанными анкетами (например, одна из редакций анкеты В. Н. Татищева включала 198 вопросов по истории, географии, обычаям, религии, климату, флоре, фауне, археологическим находкам и т. д.). Академические экспедиции XVIII века вели беспрецедентную по широте охвата собирательскую и исследовательскую деятельность. Таким образом, сведения, собранные и опубликованные Витсенем, были уже просто недостаточны и казались пройденным этапом, поскольку перед российской наукой стояли более сложные задачи: написание достоверной истории России на основе собираемых исторических источников; географическое описание Российской империи и создание ее карты; поиск минералов и руд для разработки; исследование флоры и фауны; описание народов, проживающих в Российском государстве, изучение их языков. Вся эта работа выходила за стены библиотек и проводилась непосредственно «в поле». Вероятно, интерес к публикациям путешествий, историко-географическим описаниям России по материалам экспедиций петербургских ученых способствовал тому, что в 1785 году *Северная и Восточная Тартария* была переиздана в Нидерландах, точнее, к изданию 1705 года был выгравирован новый титульный лист с измененным названием и добавлены несколько новых иллюстраций. Причины и история появления третьего издания книги Н. Витсена требуют дополнительного исследования. Мы же подчеркнем, что П. Боддарт, который в названии книги значится как автор вступительной статьи к новому изданию, был хорошо осведомлен о деятельности петербургских ученых, так как с одним из них, П. С. Палласом, он был хорошо знаком и состоял в переписке.

125 Краткая китайская хронология... Переведена с китайского чрез прапорщика Илариона Разсохина. 1742 г. // СПФ АРАН. Р. II. Оп.1. Д. 111.

126 Паньши–Дзун–Лунь, то есть сокращение древней китайской истории... С маньчжурского на русский язык перевел прапорщик Ларион Разсохин. 1746. // СПФ АРАН. Р. II. Оп.1. Д. 113.

127 Описание калмыцкой веры, како они рассуждают и верят, присланное от княги-

ни Таишиной... // СПФ АРАН. Р. II. Оп.1. Д. 179.

128 Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов которые в Европе под именем татар разумются, собрано в Оренбурге турецких и персидских, и по сказкам бывалых в тех местах людей, и рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания. Автор Петр Рычков. 1750 // СПФ АРАН. Р. II. Оп.1. Д. 126.

Интерес к собранным Н. Витсеном материалам возобновился с осознанием необходимости исторического подхода в исследованиях гуманитарного направления, когда стала понятна важность сопоставления данных в их исторической последовательности, поиска наиболее ранних источников. А такие ранние сведения по истории, этнографии, языкам, археологии, поступившие к Витсену из России с иллюстрациями, которые сами по себе служили материалом для исследований, и давала книга голландского ученого. Возобновившийся интерес коснулся, прежде всего, сравнительного изучения языков и народов, живущих в России. Упомянутый нами П. С. Паллас, привлеченный Екатериной II к созданию «Сравнительного словаря всех языков и наречий...»,¹²⁹ составил список из 149 азиатских и 51 европейского языков, собрал по ним материал, который и составил словарь, вышедший в 1787–1789 гг. Подготовительные материалы к словарю, находящиеся в СПФ АРАН в фонде академика А. М. Шегрена¹³⁰, свидетельствуют о том, что Паллас обращался и к опыту Витсена.

Отметим, что много внимания книге Витсена уделял Ф. П. Аделунг, пожалуй, так же, как и в своё время Г. Ф. Миллер и Х. Вингейм, подробно, постранично изучавший её текст, о чем свидетельствуют его опубликованные труды, и рукописи, хранящиеся в петербургских архивах¹³¹. Знаменательно, что на работы Аделунга обратил внимание голландец Я. Схелтема, автор труда о Петре I¹³². В первом же письме Я. Схелтемы Аделунгу¹³³ от 18 августа 1817 года появляется имя Николааса Витсена: «...уже в течение длительного времени я с большим уважением и с большой пользой читаю произведения, которые Ваше Высокоблагородие публиковало на немецком языке. Мне будет приятно вступить в переписку с Вами и быть в курсе тех исследований, которые будут проводиться в Петербурге, и знать Ваши размышления о России, о которой я хотел бы знать чуть больше... Мне будет очень приятно иметь некоторые разъяснения о трудах царя и о голландцах, которые были в сношениях с Россией и,

129 Сравнительный словарь всех языков и наречий собранный десницею всевысочайшей особы. СПб., 1787–1789.

130 СПФ АРАН. Ф.94. Оп.2. Лингвистические материалы, собранные академиком П. С. Палласом.

131 В Отделе рукописей РНБ, в фонде Ф. П. Аделунга в деле «Материалы к работе "Kritisch-litterarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700": библиография и выписки из работ» (Ф. 7, № 187) есть краткие выписки из «Северной и Восточной Тартарии» о Ф. Байкове (Л. 3), а также изучение лингвистического материала,

опубликованного Витсеном. (Л. 22).

В сочинении Ф. П. Аделунга «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений...», удостоенном Академией наук полной Демидовской премии, описываются и карта, и книга Н. Витсена.

132 Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. 4 dln. Amsterdam, 1817–1819.

133 СПФ АРАН. Ф. 89. Оп. 2. Д. 122. Л. 1. Я Схелтема Ф. П. Аделунгу. Гаага. 18 августа 1817 г. На фр. яз. Благодарим за перевод письма на русский язык Н. А. Копанева.

например, я очень заинтересован получить копии писем Николааса Витсена к царю. Я прочитал в предисловии к произведению Витсена, названного *Северная и Восточная Тартария* ..., и в своих письмах к ученому Г. Куперу, Витсен написал, что начиная с 1697 года и до 1716 года они [Витсен и Пётр I – *Авт.*] поддерживали постоянную переписку по самым разным сюжетам, а именно о фабриках, о морском деле, торговле и т. д.; а также то, что царь спрашивал у Витсена больше, чем тот знал. До настоящего времени я не смог открыть местонахождение писем Витсена и тех писем, которые он получил. Однако я надеюсь, что его мемуары и его письма, написанные до 1706 года, хранятся в Москве, а остальные в Петербурге. Представление тех больших услуг, которые Витсен оказал царю, будет составлять основную часть второго и третьего тома моего произведения. Я уже многое нашел, касающееся господина Витсена, но что касается этого вопроса, я как богачи, которым всегда хотят еще больше разбогатеть». Такой интерес к Витсену был понятен Аделунгу. Он писал: «То обстоятельство, что сочинение Витсена, столь важное и любопытное, не было переведено ни на один язык, поистине возбуждает удивление, и может быть объяснено тем только, что оно очень велико, равно и тем, что писано на голландском языке»¹³⁴. Издание на русском языке не только сделает книгу *Северная и Восточная Тартария* более доступной для изучения, но и станет данью благодарности амстердамскому бургомистру, ученому, коллекционеру, просто удивительно любознательному человеку Николаасу Витсену, относившемуся к России и ее истории с глубочайшим интересом.

¹³⁴ Аделунг Ф. П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. СПб., 1848. С. 207.

Ж.-Н. Делиль Прибавление к примечаниям о самоедах¹.

О рецкой² книге биргермейстера Витзена
Noord- en Oost-Tartarye

Понеже в последних наших примечаниях о самоедах³ из места не объявлены, из которых помянутые известие собраны, того ради, для большего уверения о всех описанных обстоятельствах, здесь объявляем, что собранные от славного амстердамского биргермейстера Николая Витзена в его *Noord- en Oost-Tartarye* самоедские известие и репорты, при сем случае вместо подлинника употреблены, которые за верность, справедливость, искусство, собственные путешествия и великую авторову с другими корреспонденцию, за также надежные подлинны и вероятные принимать можно, как бы кто самые акты и документы из Самоедского архива, ежели такой на свете есть, у себя имел. Но помянутая *Северная и Восточная Тартария* биргермейстера Витзена и в славнейших иностранных библиотеках по сие время так редко находилась, что уже подлинно не многие тем похвалиться могут, будто бы они оную видали, а большие, хотя на книги великие знатоки, да еще некоторые из тех, которые с биргермейстером Витзеном самим корреспонденцию имели, всенародно о том сожалели, что такое бесценное собрание редких известий печатью ученому свету не сообщено, хотя оно уже дважды печатано было и от обоих изданий в здешней императорской библиотеке по одному экземпляру хранится, из которых мы охотникам до редких книг следующее, что до истории оных принадлежит, сообщаем.

Николай Витзен имел отца Корнелия Витзена, советника в городе Амстердаме. Он тогда еще очень молод был, как он в 1666 году при Голландском посольстве, яко Кавалер, в Россию ездил. По возвращении своем оттуда, избран он в 1671 году в советники города Амстердама, потом в 1682 в биргермейстеры, и в то же самое время

1 Опубликовано в «Примечаниях к ведомости Часть XXXII в Санкт-Петербурге апреля 20-го дня 1732 года». С. 153–156. Текст статьи публикуется в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

2 Опечатка в «Примечаниях».

3 В частях XXVIII, XXIX, XX «Примечаний» за 1732 год опубликованы статьи о самоедах и переводы молитвы Отче наш из «Северной и Восточной Тартарии» Н. Витзена.

яко депутат провинции Голландской, в собрание господ Генеральных Статов в Гааге отправлен. В сих высоких чинах он в 1715⁴ году и скончался. Он прежде своих путешествий в школах и университетах со всяким прилежанием учился, и между всеми науками упражнялся, особливо в кавалерских знаниях, а наипаче в Гистории и Географии. Первый опыт в том искусстве был сей: как ему после отцовской смерти, который был до корабельного строения чрезвычайный охотник, корабельных рисунков, как оные по нынешнему манеру строить, великое множество досталось, взял он чрез то повод такожде и о древнем образе корабельного строения рассуждать, и то, что из старых и новых писателей о том собрать мог, особливым искусством в свою пользу употреблять. Оная его книга напечатана в поллиста под сим титулом *Aeloude en Hedendaegsche Scheeps-Bouw en -Bestier, waer in wytloopigh wert verhandelt, de Wijze van Scheeps-Timmeren by Grieken en Romeynen etc beneffens evenmatige Grootheden van Schepen onses Tyts, etc verciert met vele Koopere t'Amsterdam 1671*, то есть: Наука древнего и нового строения и управление кораблей, которой пространно описывается Греческого и Римского строение образ, и проч. Купно с такою же величиною кораблей нынешнего времени: и проч. С многими грядорованными фигурами. В Амстердаме, 1671. В сей книге то особливого примечания достойно, что из оной разность нынешних манеров в корабельном строении между всеми народами, а особливо между Голландцами и Англичанами познать можно, потому что в ней все пропорции всяких родов очень исправно показаны, и многими грядорованными фигурами изьяснены. Но хотя сие также зело редкая книга есть, однако ж она теперь до нашего намерения не надлежит, ибо бы нам на то, что мы о преждепомянутом сего автора *Северной и Восточной Тартарии* объявить хотим, и места не стало. Основание к последней книге положил биргерmeister Витсен выше объявленным своим собственным путешествием в Россию, а довершение оное произвел всегдашними чрез весь свет корреспонденциями. Наибольшее вспоможение учинили ему в том бывший тогда Думный Дьяк Андреяс Винуис и бывший в Москве голландский Посланник Йоган Вилгелм фон Келлер пересылкою всяких письменных известий и репортов. Титул, который всю силу книги в себе заключает есть следующий: *Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier Landen en Volken, zo als voormaels bekend zyn geweest. Beneffens verscheyde tot noch toe onbekende en meest noit voorheen beschreve Tartersche en nabuerige gewesten, Lantstreken, Steden,*

4 Н. Витсен скончался в 1717 году.

Rivieren en Plaetzen in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, zo huiten en binnen de Rievieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische—Ooster, en Swarte Zee gelegen, gelyk de Lantschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, Norder-Persie, Georgia, Circassia, Crim, Altin, enz. Mitsgaders Tingoesia, Siberia, Samoedia en andere aenbare Maiesteiten Kroon geboorende Heerschappen: met derselver Lant-kaerten. Zedert nauwkeurigh onderzoek van veele Jaren, en eigen ondervindinge beschreven, getekent en in't Licht gegeven door Nicolaes Witsen. t'Amsterdam: in t'Jaer [1692] fol. Второе издание оное напечатано в Амстердаме у Франциска Галма в 1705 году в пол листа и почти такой же титул имеет, как и первое издание. Мы онои для тех наших читателей, которые голландского языка не знают, прилагаем здесь на нашем языке: *Северная и Восточная Тартария, или основательное изображение некоторых земель и народов, которые прежде знаемы были, купно с многими поныне еще не известными и почти никогда прежде сего не описанными Татарскими и подле оных в соседстве обретающимися странами, землями, городами, реками, и местами в северных и восточных частях Азии и Европы, как внутри так и вне рек Дуная и Оби и около Каспийского, Восточного и Черного моря лежащими, и с провинциями Ниухе, Даурии, Иессо, Мугалие, Калмакие, Тангут, Узбек, и с Северною Персиею, Турхестаном, Георгиею, Мингрелиею, Черкасами, Крымом, Остиеками, Алтином, Тунгузом, Сибириею, Самоедами, и прочими до короны Его Царского Величества принадлежащими областями, которые на две части разделены: с их ландкартами и разными изображениями городов, платья, и пр. по прилежном том деянии чрез многие лета, и по собственному искусству описанное, нарисованное, и на свет изданные чрез Николая Витзена. Издание второе, в 2 частях состоящее. В Амстердаме у Франциска Галма, 1705.* Понеже на обоих титулах о ландкарте Восточной и Северной Тартарии и Сибири упоминается, того ради нам о том прежде объявить надлежит. В первой части *Nouvelle de la République de Lettres par Mr. Bayle* припечатано письмо биргермеистера к Девентеру Гисоерту Куперсу⁵, из которого видно, коль много труда на сие положено, чтоб Творца ко изданию сей карты принудить. Он над нею трудился двадцать лет, пока оную издал. Но она вышла прежде, нежели вышеозначенное великое описание, которое бы вместо комментария на оное быть надлежало. Она имеет сей титул: *Nieuwe Lantkarten van het Noorder en Ooster deel van Asia en*

⁵ Речь идет о Г. Купере (Gijsbert Cuper (1644-1716), бургомистре г. Девентер в Нидерландах.

Europa etc в Амстердаме 1690 и 1692. Которой титул потом, как сию карту в Амстердаме также нагрыдоровал, следующим образом по латински учинен *Magnae Tartariae, Magni Mogolis Imperii et China Nova Descriptio*. Кто тогдашние рассуждение и похвалы ученых журналистов по сей карте читать хочет, тот может оное у *Mr. Besnage* в *Histoire des Ouvrages des Scavanes*⁶ и у *Mr. J. Le Clerc*⁷ в *Bibliothèque Universelle* в 1690 и 1691 годах найти. Но в каком почтении сие карта в то время, за неимением лучшей ни была, однако ж потом, как Северная и Восточная сибирская сторона с большим прилежанием, нежели прежде, исследована, многие погрешности и неисправности во оной ясно видеть можно было. Сие не очень удивительно; ибо биргерmeister Витзен почти все из разных, часто себе противных, ведомостей и репортов собрал, при котором случае, ежели кто собственного искусства не имеет, тому от погрешения свободиться невозможно. Некоторые обнадеживали, что Автор ради сих толь многих погрешений сию книгу сам выдать не хотел: понеже он всегда надеялся лучшую и исправнейшую карту в состоянии привести, но с тем и умер. Сие известно, что в Амстердаме у наследников умершего биргерmeistera Витзена еще и поныне целые магазины сими книгами обоего издания наполнены, которые напоследок, ежели оные заблаговременно не разберутся, от червей и моли напрасно испорчены будут. Продолжение сего сообщено будет на следующем полумесяце.

Продолжение
О редкой книге биргерmeistera Николая Витзена:
*Noord en Oost Tartarey*⁸

Разность обоих преждепомянутых изданий сея толь редкие и преизрядныя книги, как из обоих экземпляров в здешней императорской библиотеке имеющих видеть можно, вкратце в сем состоит: в первом издании положена письменная дедикация к владевшим тогда Царям Российским и братьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. В другом издании сие дедикация не находится, хотя оно також де Императору Петру I от своего издателя поднесено. Но мы из оной можем понять, какой тогда цари или императоры Российские титул имели. Понеже биргерmeister Витзен без сомнений

⁶ *Histoire des ouvrages des sçavans / par mons. В*****, журнал, издавался в Роттердаме с 1687 по 1709 г. Henry Basnage de Beauval (1656–1710).

⁷ Jean Le Clerc (1657-1736)

⁸ Примечания на Ведомости. Часть XXXIII. В Санкт-Петербурге апреля 24 дня, 1732 года. С. 157–160.

оной списал с данной ему Его Императорского Российского Величества привилегии на преждеобъявленную ландкарту из присланного к нему письма, которой как высокой милости он в своем предисловии довольно выхвалить не может. Слова сей дедикации суть следующие: *Zaaren en Grooten Vorsten Joan Alexewitz, Peter Alexewitz, door Gode Genade van geheel Groot Klein en Wit Rusland Zelfs-Erhouders, tot Moscouw, Kiof, Wladimirof, Novogrod, Zaaren tot Ka[z]an, Zaaren tot Astracan, Zaaren tot Siberien, Heeren tot Pleskouw, en Groot Vorsten tot Smolensko, Twee, Jugo ien, Permien, Weatken, Bolgarien, en andere, Heeren en Geoot-Vorsten tot Novogrod des nederigen Lands tot Zernigou, Resan, Polosko, Rostof, Jearoslof, Beloserien, Udorien, Obdorien, Kondinien, en der gantscher Noord-Zyde Gebrieders en Heeren des Iwerchen Lands, der Zerkassen en Gorsische Votsten, en weel meer endere Landen en Heerlykheden, Oostelyke, Westelyke, Noordelyke, Vaderlyke en Grootvaderlyke Erven Heeren en Heerschers, weid dit werk ootmoedigst opgedragen van de Auteur.*

Предисловие в обоих изданиях почти одинаково положено, в котором творец во первых тот случай описывает, которой его к сочинению сего столь великого и трудного дела побудил, то есть первое свое путешествие в Россию, и учиненное при том собрание многих исторических и географических известий как о сем государстве так и о великом царстве Сибирском, по том оные вспоможение, которые ему из всех мест присланы были. Он объявляет, что еще прежде его от некоторого данцигского автора Антоние Вида о России и Сибири особливая карта на русском и латинском языках выдана, потом о сих же землях в Англии совершеннейшая напечатана; что Царь Михаил Федорович и его наследники паки новые различные ландкарты своего государства сочинить повелели, и что по повелению Царя Алексея Михайловича карта Каспийского моря, устья реки Волги, и Сибири снята и на дереве вырезана. До того надлежит також де и оная редкая карта, которая нам только недавно в руки попалась, под титулом:

Tabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Foedor, filius Tzaris Boris, desumta, [...] ad fluuios Dwinam, Zuchanam, aliaque loca, quantum ex tabulis [...] notitiis ad nos delatis fieri potuit, amplisicata: [...] Magno Domino Tzari [...] Magno Duci Michaeli Foedrowitz, omnium Russorum Autocratori [...] dedicata ab Hesselo Gerardo 1614, умалчивая теперь о всех таких Российского Государства картах, которые тогда в других землях с вышеобъявленных срисованы или вновь начертаны были. О всем сем деле объявляет биргермеистер Витзен, что он над тем с 25 лет трудился, начал от 1666 года, в котором он в Россию

первые ездил. А ежели кто еще и те годы к тому ж счислять хочет, которые от первого до второго издание прошли, понеже автор в то время или в прибавлении или в исправлении сей книги беспрестанно упражнялся, то будет всего 59 лет. За предисловием следуют в первом издании некоторые просительные и уместительные письма к биргермейстеру Витзену от Генриха де Блемевук, биргермейстера Делфтского, Гизберта Купера, биргермейстера Девентерского, Роберта Соутвел, Президента Королевского Лондонского Социетета Наук, и от Иоганна Георга Гривиуса, профессора Утрехтского, чтоб он помянутую ландкарту и книгу, чего всяк с превеликим желанием ожидает, поскорее выдал; також де и некоторые добрые рассуждения и похвалы оной карте, которые автору отчасти в партикулярных письмах, отчасти же в ученых журналах приписаны были. Все сие во втором издании оставлено, может быть для того, что оно автору пощетно показалось. Самая книга разделяется на две части. В первой части первого издания ничего больше не содержится, как только великое множество оных мест из древних и новых писателей, в которых о старых Скифах и нынешней Великой Тартарии упоминается. Словом, все то здесь в одно место снесено, что Городот, Юстин, Страбон, Птолемей, Плиний, Помпоний Мела, Тацит, Гиппократ, Аледрисии Мубленский, Иоанн Карпин, Гилиеам Рубруквис, Ортелий, Меркатор, Антониус Магинус, Клувер, Гендманн, Варнер, Горнии, Курием, Абулфарагии, Миллер, Мартини, Куплет, Кокциус, Сабелликус, Дю Валь, Бергорон, и другие славные историки, географы и описатели путешествий о том объявили. Но понеже в другом издании новых и подлинных известий очень много прибыло, того ради, чтоб книга не гораздо велика сделалась, первая часть оной в нем оставлена. Однако ж второе издание первого, которое с 200 листов в себе содержит, не только не меньше, но еще листов на 50 и больше. Что до содержания прочих в сей книге обретающихся вещей принадлежит, то никто от нас того требовать не будет, чтоб мы экстракт из оного сообщили. А особенно для того, что автор никакого особливого порядку в своих известиях не хранил, которого бы держаться можно было. Он почти все так в печать отдавал, как ему прислано было, не старался при том ни о коннекции истории, ни о географии земель. Чего ради здесь уже подлинно начали сию редкую и презрядную книгу, ради общей пользы, в порядочное сокращение приводить, которое для лучшего изъяснение истории и географии Сибирских и Татарских государств и земель, всему свету сообщено будет. Прочие описания земель и путешествий Сибирских и Великой Тартарии здесь також де я не

малой пользою употребиться могут. В прежних примечаниях уже упомянуто, что ландкарта биргермейстера Витзена с 1691 году от него в печать произведена не была. Того ради она при другом издании не находится, хотя в титуле о ней также упоминается, как и в первом издании. Сие же второе издание и в других вещах не со всем совершенно. В нем многих гридированных фигур нет, которые в первом имеются, а на конце не достаёт еще и реестра, что из поставленного на последней странице предречие VLAD (то есть Vlad wyset, что у голландцов реестр книг значит) видеть можно. Когда в [прочтем] Дуйсбургский Профессор Генрих Христиан Геннин⁹ в своих примечаниях о путешествиях фон Бранда¹⁰ чрез Россию и про некоторые места из Северной и Восточной Тартарии Витзена с объявлением страниц приводит, из чего бы заключать можно было б, будто он и сам книгу у себя имел, тогда надобно то примечать, что он во первых титул книги не прямо описал, по тому что он назвал оную *Noord en Ooster-gedeelte van Asia en Europa*, а потом что он и сам признается, яко в то время, когда он сии фон Брандовы путешествия с своими примечаниями издал, то есть в 1702 году, сия книга еще ни у кого из частных людей не была: и так, может быть, что ему означенные места от самого биргермейстера Витзена, с которым он корреспонденцию имел, сообщены. Мы, по случаю сообщенного в XXXI части сих из Витзеновой Северной и Восточной Тартарии взятых примечаний тройного перевода молитвы Господни Отче наш на разных Самоедских языках, во окончание ещё и сие объявляем, что славный Английский Епископ Виллиам Николсон в своем рассуждении *De uniuersis totius orbis linguis*, которое приложено к Камберлановым переводам молитвы Господни, сие не токмо почти за невозможное признавает, чтоб такой Самоедской перевод достать можно было, но ещё и то утверждает, что молитва Отче наш во устах сего нечестивого народа осквернится, для того что они, по объявлению Избранда Идеса, кроме внешнего вида ничего человеку подобного на себе не имеют. Однако ж все сии и другие многие переводы с 1705 года во втором издании Витзеновой книги уже напечатаны были.

⁹ Henricus Christianus Henningius (1658–1703).

¹⁰ *Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plezscovien, Grosz-Naugardien, Tweerien und Moscovien; anbey eine Beschreibung von Siberien / Johann Arnhold von Brand; Mit Anmerck. und Kupfferst. gezieret und vermehret durch H.C. von Hennin. Wesel, 1702.* Иоганн Арнольд Бранд (1647–1690), доктор прав и профессор Дуйсбургского университета; в

марте 1673 года ездил в Москву вместе с посольством камеррата Иоахима Скуальгетуса от бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма к царю Алексею Михайловичу. О своем путешествии Бранд написал книгу, рукопись которой была опубликована его коллегой по университету профессору Иоганном фон Хеннином, который и издал ее вместе с собранными Брандом в Москве материалами и своими примечаниями.

